947
У76

Н. И. НОВИКОВЪ.

М. М. СПЕРАНСКІЙ.

Е. Ф. КАНКРИНЪ

Н. М. КАРАМЗИНЪ

С. М. СОЛОВЬЕВЪ

С. П. БОТКИНЪ

К+

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

2 90 29/547
415-20/8-59

Междубиблиотечный абонемент
Ме[illegible] обл. библиотека

ЦЕНЗ. СПБ. 29 НОЯБРЯ 1891 г ТИП. ТОВ. „ОБЩ ПОЛЬЗА“. В. ПОДЪЯЧ. 39

Новиковъ.

Э, К,
947
У. 761

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Н. И. НОВИКОВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

С. Е. Усовой

186781
49 Г.

Съ портретомъ Новикова, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ

ЦѢНА 25 КОП.

Межбиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», Б. ПОДЪЯЧ., 39
1892

[1 форзац, 4 вкл. л.]

Съ осени 1890 года издается задуманная Ф. Павленковымъ біографическая библіотека подъ заглавіемъ:

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Въ составъ библіотеки войдутъ біографіи слѣдующихъ лицъ:

ИНОСТРАННЫЙ ОТДѢЛЪ. Андерсенъ, Аристотель, Байронъ, Бальзакъ, Беккаріа, **Ф. Бекономъ**, Беранже, Клодъ-Бернаръ, Берне, Берисъ, Бетховенъ, Бисмаркъ, **Боккачіо**, Бокль, Бомарше, Дж. Бруно, **Будда (Сакіа-Муни)**, **Р. Вагнеръ**, Вашингтонъ, Виклефъ, Л. Винчи, Вирховъ, Вольта Вольтеръ, Гайднъ, **Галилей**, Гарвей, Гарибальди, **Гаррикъ**, **Гегель**, **Гейне**, **Гете**, Гладстонъ, **Говардъ**, Гогартъ, Гракхи, **Григорій VII**, **А. Гумбольдтъ**, **Гусъ**, **Гутенбергъ**, **Гюго**, Дагерръ и Ніэпсъ, **Даламберъ**, **Дантъ**, **Дарвинъ**, Декартъ, Дефо, **Дженнеръ**, Дидро, **Диккенсъ** Жанна Даркъ, Жоржъ-Зандъ, Золя, Ибсенъ, Кантъ, **Кальвинъ**, Канова, **Карлейль**, **Кеплеръ**, **Колумбъ**, Амосъ-Коменскій, Контъ, **Конфуцій**, Коперникъ, Кромвель, Кукъ, **Кювье**, **Лавуазье**, Лапласъ, Лейбницъ, Лессепсъ, **Лессингъ**, **Ливингстонъ**, **Линкольнъ**, **Линней**, **Лойола**, Локкъ, Лютеръ, Магометъ, Макіавелли, Масе (основатель международной лиги образованія), Мейерберъ, Меттерних, **Микель-Анджело**, Милль, Мильтонъ, Мирабо, **Мицкевичъ**, **Мольеръ**, Мольтке, Монтескье, **Морзе**, **Т. Моръ**, **Моцартъ**, Т. Мюнцеръ, Наполеонъ I, Ньютонъ, Оуэнъ, **Паскаль**, Пастеръ, Песталоцци, Платонъ, **Прудонъ**, Рабле, **Рафаэль**, Рашель, Рембрандтъ, Риттеръ, Ришелье, Ротшильды, Руссо, Савонарола, **Сакіа-Муни (Будда)**, **Свифтъ**, Сервантесъ, **В. Скоттъ**, А. Смитъ, Сократъ, Спенсеръ, Спиноза, **Стэнли**, Стефенсонъ, Тацитъ, **Теккерей**, **Уаттъ**, Фарадей, **Франклинъ**, Францискъ-Ассизскій, Фридрихъ II, Фультонъ, Цвингли, Цицеронъ, Шекспиръ, Шелли, Шиллеръ, **Шопенгауеръ**, Шопенъ, **Эдисонъ**, **Дж. Эліотъ**, Эразмъ, Ювеналъ, Юлій Цезарь, и другіе

РУССКІЙ ОТДѢЛЪ: Аввакумъ, Аксаковы, Аракчеевъ, Богданъ Хмѣльницкій, Боткинъ, Бутлеровъ, Булгаринъ и Гречъ, **Бѣлинскій**, Бэръ, Верещагинъ, **Волковъ** (основатель русскаго театра), Воронцовы, Глинка, **Гоголь**, Гончаровъ, Грановскій, Грибоѣдовъ, Дашкова, **Демидовы**, **Достоевскій**, Екатерина II, Зининъ, Ивановъ, Иванъ IV, **В. Н. Каразинъ** (основатель харьк. университета), Карамзинъ, Катковъ, С. В. Ковалевская, **Кольцовъ**, Баронъ Н. А. Корфъ, Н. И Костомаровъ, **Крамской**, **Крыловъ**, **Лермонтовъ**, Ломоносовъ, Менделѣевъ, Мешшиковъ, Миклуха-Маклай, Н. Милютинъ, Некрасовъ, Никитинъ, **Никонъ**, Новиковъ, Островскій, Петръ Великій, Пироговъ, Писемскій, Посошковъ, Потемкинъ, **Пржевальскій**, **Пушкинъ**, Радищевъ, **Салтыковъ**, **Сенковскій**, Скобелевъ, С. Соловьевъ, Сперанскій, Струве, Суворовъ, Л. Толстой, Тургеневъ, Гл. Успенскій, Ушинскій, Фонъ-Визинъ, Шевченко, Щепкинъ и другіе.

Каждому изъ перечисленныхъ здѣсь лицъ посвящается **особая книжка**, *въ 80—100 страницъ съ портретомъ. При біографіяхъ путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ прилагаются геогр. карты, снимки съ картинъ и ноты.*

Жирнымъ шрифтомъ напечатаны имена лицъ, біографіи которыхъ вышли до 1 января 1892. г. Новыя біографіи выходятъ по 4 въ мѣсяцъ.

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова. (Спб. Лештуковъ пер., № 2). **Цѣна каждой книжки 25.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 Ноября 1891 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТР.

Предисловіе. 5

ГЛАВА I. Благочестивая семья. — Служба Новикова въ Измайловскомъ полку.—Занятія въ коммисіи депутатовъ.—Жизнь русскаго помѣстнаго дворянства въ то время.— Новиковъ выходитъ въ отставку и посвящаетъ себя просвѣтительной дѣятельности.—Первые русскіе журналы и газеты 7

ГЛАВА II. «Трутень» и его сатирическія стрѣлы.—Полемика между Екатериной II и Новиковымъ. —„Живописецъ“ и отношеніе къ нему автора комедіи „О, время!“.— Прекращеніе сатирическихъ журналовъ въ Россіи.—Новиковъ выступаетъ въ роли издателя научныхъ сочиненій по исторіи и географіи Россіи.— „С.-Петербургскія Ученыя Вѣдомости“ 15

ГЛАВА III. Поступленіе въ масоны.—Очеркъ происхожденія и развитія масонскихъ ученій.— Исканіе истины Новиковымъ.— Ложа Рейхеля и знакомство Новикова съ ея основателемъ.— Изданіе „Утренняго Свѣта“.—Характеръ этого журнала.— Открытіе Новиковымъ училищъ.—Переѣздъ въ Москву. . . 31

ГЛАВА IV. Москва временъ Новикова.—Университетъ и его кураторъ Херасковъ.—Новиковъ беретъ въ аренду университетскую типографію.—Знакомство Новикова со Шварцемъ и просвѣтительная роль послѣдняго.—„Дружеское ученое общество“.—Женитьба Новикова.—Планъ общенія русскаго масонства съ европейскимъ на основаніяхъ равноправности.— Поѣздка Шварца за границу и ея вліяніе на дѣятельность Новикова.—„Переводческая семинарія“.—Указъ о вольныхъ типографіяхъ.—Смерть Шварца.—„Типографическая компанія“.— Разширеніе издательской дѣятельности Новикова.— Принципы, проводившіеся Новиковымъ въ издаваемыхъ имъ журналахъ. 44

ГЛАВА V. Первыя тучки на горизонтѣ общественной дѣятельности Новикова.—Столкновеніе съ коммисіей народныхъ училищъ и іезуитами.—Враждебное отношеніе къ московскимъ масонамъ графа Брюса.—Екатерина II поручаетъ архіепископу Платону разсмотрѣть всѣ книги, изданныя Новиковымъ, и

9(С)14:3 +92 Новиков
+9(С)15 +92 Сперанский/ан

стр.

„испытать его въ законѣ Божіемъ“.—Указы и комедіи императрицы, направленныя противъ масоновъ.—Допросъ Новикова въ губернскомъ правленіи.—Закрытіе масонскихъ ложъ въ Москвѣ.—Общій голодъ въ 1787 г.—Воспрещеніе печатать книги духовнаго содержанія въ свѣтскихъ типографіяхъ.—У Новикова отбираютъ университетскую типографію и „Московскія Вѣдомости“.—Общая характеристика Новиковскихъ изданій 65

ГЛАВА VI. Переѣздъ Новикова въ Авдотьино.—Назначеніе въ Москву князя Прозоровскаго.—Травля мартинистовъ.—Ликвидація „Типографической Компаніи“.—Обыскъ у Новикова.—Арестъ его и доставленіе въ Москву подъ конвоемъ.—Допросъ у Шешковскаго.—Заключеніе въ Шлиссельбургскую крѣпость.—Воцареніе Павла и освобожденіе Новикова.—Послѣдніе годы его жизни въ Авдотьинѣ 81

ИСТОЧНИКИ:

М. Н. Лонгиновъ: „Новиковъ и московскіе мартинисты“. Москва, 1867 г.

А. Незеленовъ: „Николай Ивановичъ Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг.“. С.-Петербургъ, 1875 г.

А. Незеленовъ: „Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху“ Спб., 1889 г.

А. Неустроевъ: „Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг.“. Спб., 1874 г.

„Сборникъ русскаго Истор. Общества“. Томы II-й, Спб., 1867 г. и XXVII. Спб., 1880 г.

Журналы Новикова: „Трутень“, „Живописецъ“, „Кошелекъ“ и др.

Полевой: „Исторія русской литературы“. Спб., 1878 г.

Пыпинъ: „Вѣстникъ Европы“,? 1867, 1868 и 1872 гг.

Ефремовъ: Матеріалы исторіи русской литературы.

Аѳанасьевъ: Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 гг.

Ешевскій: Сочиненія, т. III.

„Московскія Вѣдомости“, 1859 г. и „Библіографическія Записки“ 1858—1859 гг.

Д. Корсаковъ: „Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка“. Казань, 1891 г.

Кобеко: „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ“.

336 +92 Камкрин +9(С)14 +92 Карамзин +9(С)1 +92 Соловьев +61 +92 Баркин

Предисловіе.

Николай Ивановичъ Новиковъ представляетъ въ исторіи русской литературы и просвѣщенія такую крупную величину, которую не могутъ обойти молчаніемъ историки нашей культуры. Уже одного этого достаточно, чтобы всякій образованный человѣкъ зналъ его; но этого мало: онъ представляетъ еще и другой интересъ, какъ замѣчательный типъ человѣка, въ которомъ жило страстное стремленіе къ добру и свѣту и въ характерѣ котораго лежалъ запасъ такой энергіи, какая рѣдко встрѣчается. Новиковъ не блещетъ какими нибудь рѣзкими поступками и яркими индивидуальными чертами: его сплошь и рядомъ даже не видно, какъ отдѣльную фигуру, онъ какъ-то стушевывается и тонетъ въ общественномъ дѣлѣ, которое дѣлаетъ тихо, спокойно, систематически изъ года въ годъ и которое ставитъ выше всего. Объясняется это, какъ намъ кажется, чисто русскою его склонностью дѣйствовать не въ одиночку, а сообща, кружкомъ: онъ никогда не дѣйствовалъ одинъ, а всегда окружалъ себя друзьями и близкими по духу людьми. Въ Петербургскомъ періодѣ его жизни онъ еще виднѣе, хотя также вы видите только его изданія и не знаете, что именно тамъ писалъ онъ самъ. Въ московскій періодъ, когда его окружали Шварцъ, Лопухинъ, Походяшинъ и другіе, въ томъ или иномъ отношеніи выдающіеся люди,—онъ еще менѣе замѣтенъ, хотя и не перестаетъ работать и играть первенствующую роль. Не менѣе интересна также и его судьба на мрачномъ фонѣ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтій. Къ сожалѣнію, о Новиковѣ далеко еще не все извѣстно, и такія подробныя изслѣдованія, какъ Лонгинова и Незеленова, заключаютъ въ себѣ не мало пробѣловъ. Такъ напр. мы очень мало знаемъ о

домашней и семейной жизни Николая Ивановича, о томъ, какія именно статьи въ издававшихся журналахъ принадлежатъ его перу, не знаемъ подробностей производившагося надъ нимъ слѣдствія и т. п. Хотя послѣ изслѣдованія Лонгинова въ трудахъ русскаго историческаго общества и появились очень цѣнные документы изъ архива Шешковскаго, но они отличаются отрывочностью и неполнотою.

Кромѣ вышеуказанныхъ источниковъ, мы заглянули и въ другіе, гдѣ могли что либо найти о Новиковѣ, но само собою разумѣется, что сказанныхъ пробѣловъ не устранили.

ГЛАВА I.

Благочестивая семья. — Служба Новикова въ Измайловскомъ полку.— Занятіе въ коммисіи депутатовъ.—Жизнь русскаго помѣстнаго дворянства въ то время.—Новиковъ выходитъ въ отставку и посвящаетъ себя просвѣтительной дѣятельности.—Первые русскіе журналы и газеты.

Николай Ивановичъ Новиковъ родился 27-го апрѣля 1744 г. въ родовомъ помѣстьѣ отца своего, отставнаго статскаго совѣтника Ивана Васильевича,—въ селѣ Авдотьинѣ, Коломенскаго уѣзда, Московской губерніи. Отецъ Новикова служилъ при императорѣ Петрѣ I во флотѣ, а затѣмъ, при Аннѣ Іоанновнѣ, въ чинѣ капитана, перешелъ въ статскую службу; при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ онъ вышелъ въ отставку статскимъ совѣтникомъ. У Ивана Васильевича было порядочное состояніе: 700 душъ крестьянъ, частью въ Калужской, частью въ Московской губерніяхъ, и деревянный домъ въ Москвѣ у Серпуховскихъ воротъ. Послѣ его смерти состояніе это перешло къ женѣ его, а отъ нея къ дѣтямъ, которыхъ у Ивана Васильевича, кромѣ сына Николая, было еще трое: сынъ Алексѣй, моложе Николая Ивановича, и двѣ дочери.

О дѣтскихъ годахъ Николая Ивановича мы имѣемъ немного свѣдѣній. Знаемъ только, что онъ росъ въ благочестивой семьѣ и самъ былъ религіозенъ съ ранняго возраста; знаемъ также и о томъ, что грамотѣ училъ его сельскій дьячокъ, который конечно не могъ передать ему никакихъ свѣдѣній, кромѣ умѣнья читать, да, можетъ быть, съ грѣхомъ пополамъ писать. Однако родители Новикова сознавали потребность въ бо́льшемъ образованіи для своего сына и въ 1758 году отвезли его въ Москву, гдѣ съ 12 января 1755 года существовалъ уже университетъ, а совмѣстно и одновременно съ нимъ была основана дворянская гимназія. Въ эту-то гимназію, во французскій классъ, какъ значится

по спискамъ, и отданъ былъ Николай Ивановичъ. Пробылъ онъ въ гимназіи три года. Преподаваніе въ этой гимназіи велось въ то время крайне плохо. Знаменитый впослѣдствіи фонъ-Визинъ, отданный туда родителями около того же времени, разсказываетъ, напримѣръ, о тогдашнемъ преподаваніи слѣдующее: учитель латинскаго языка, для вразумленія учениковъ на экзаменѣ относительно спряженій и склоненій, имѣлъ на кафтанѣ 5 пуговицъ, обозначавшихъ число склоненій, а на камзолѣ 4 для обозначенія числа спряженій. Самому фонъ-Визину, какъ онъ говоритъ, была присуждена изъ географіи медаль за то, что онъ на вопросъ, куда впадаетъ Волга?—отвѣтилъ: «не знаю». А передъ нимъ два ученика сказали: одинъ—въ «Бѣлое море», а другой—въ «Черное». Тѣмъ не менѣе и такое жалкое преподаваніе, по словамъ фонъ-Визина, заронило въ него любовь къ словеснымъ наукамъ. Весьма вѣроятно, что оно зародило такое доброе сѣмя и въ Новиковѣ, даже помимо его сознанія. Учился онъ повидимому плохо, потому что послѣ трехлѣтняго пребыванія въ гимназіи былъ исключенъ изъ нея «за лѣность» и «нехожденіе въ классы», какъ значится въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» того времени. Тутъ слѣдуетъ замѣтить, что имена исключаемыхъ за нерадѣніе учениковъ, по рѣшенію университетской конференціи, печатались въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» во всеобщее свѣдѣніе, для устыженія провинившихся. Вмѣстѣ съ Новиковымъ въ числѣ исключенныхъ значится и столь знаменитый впослѣдствіи Потемкинъ.

О плохихъ успѣхахъ Новикова свидѣтельствуетъ также и то, что послѣ трехлѣтняго пребыванія во французскомъ классѣ онъ совершенно не усвоилъ себѣ этого языка и впослѣдствіи говорилъ о себѣ, какъ о человѣкѣ, совершенно невѣжественномъ въ иностранныхъ языкахъ.

И такъ, въ 16 лѣтъ Новиковъ поневолѣ окончилъ курсъ образованія и поступилъ, по обычаю большинства молодыхъ дворянъ, въ военную службу. Отецъ его за два года передъ тѣмъ умеръ. Новиковъ вступилъ на службу въ л.-гвардіи Измайловскій полкъ въ январѣ 1762 года, какъ-разъ при воцареніи Петра III. Служба при этомъ государѣ была тяжелая, и Новикову пришлось волей-не-волей посвящать все свое время труднымъ и непривычнымъ для него занятіямъ.

Однако обстоятельства измѣняются скоро въ благопріятную для него сторону.

28-го іюня 1762 года произошелъ государственный переворотъ. Екатерина была провозглашена императрицей. Измайловскому полку, начальникъ котораго, графъ Разумовскій, многіе офицеры и даже двѣ роты солдатъ были посвящены въ заговоръ,— суждено было играть видную роль въ этомъ переворотѣ. Новиковъ стоялъ на часахъ у подъемнаго моста, перекинутаго черезъ ровъ, окружавшій казармы, когда туда пріѣхала Екатерина въ сопровожденіи Алексѣя Григорьевича Орлова. Измайловцы первые приняли присягу Екатеринѣ и получили за это много наградъ. Новиковъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры.

Военная служба при Екатеринѣ II скоро пріобрѣла совсѣмъ особый характеръ: она сдѣлалась не столько службою, сколько свѣтскимъ времяпрепровожденіемъ. Въ гвардіи празднества смѣнялись празднествами. Офицеры старались превзойти другъ друга въ роскоши и въ безумныхъ кутежахъ. Жить на широкую ногу, держать карету и по крайней мѣрѣ четверку лошадей, роскошную квартиру и массу прислуги было для каждаго изъ нихъ почти обязательно. Бѣдные, боясь навлечь на себя презрѣніе товарищей, тянулись за богатыми и впадали въ долги. О службѣ мало кто думалъ. Императрица смотрѣла сквозь пальцы на разныя служебныя упущенія, а между тѣмъ въ полкахъ происходили не только упущенія, но подчасъ и такія злоупотребленія, что, «если бы ихъ изобразить», говоритъ въ своихъ запискахъ Болотовъ», то потомки наши не только стали бы удивляться, но едва ли въ состояніи были повѣрить».

Вотъ въ такой-то средѣ, проводившей жизнь въ пиршествахъ и въ погонѣ за наслажденіями, довелось служить Новикову. Но онъ, повидимому, устоялъ отъ соблазна, и вмѣсто того, чтобы тратить время на разгулъ и забавы, сталъ заниматься чтеніемъ и дополнять свое скудное образованіе Въ 1767 году, когда начали отправлять въ Москву молодыхъ гвардейцевъ для занятія письмоводствомъ въ Коммиссіи депутатовъ для составленія новаго Уложенія, Новиковъ былъ взятъ въ числѣ прочихъ, какъ человѣкъ, выдававшійся образованностью среди своихъ товарищей. Въ Коммиссіи онъ велъ дневныя записки по 7-му ея отдѣленію и журналы общаго собранія депутатовъ. Послѣдніе Новиковъ читалъ при докладахъ самой императрицѣ, которая такимъ образомъ лично его узнала.

Участіе Новикова въ занятіяхъ Коммисіи имѣло, по всѣмъ вѣроятіямъ, большое вліяніе на его послѣдующую дѣятельность.

Тутъ передъ нимъ открывались разнообразные вопросы русской жизни, высказывались различныя мнѣнія участниковъ Коммиссіи; онъ знакомился съ русскимъ судоустройствомъ, съ положеніемъ и безправіемъ крестьянъ; словомъ, передъ нимъ развернулась полная картина русской жизни, со всѣми ея темными сторонами и невѣжествомъ не только низшихъ, но и высшихъ классовъ. Мысль его невольно должна была сосредоточиться на двухъ вещахъ: на необходимости просвѣщенія и борьбы съ дикостью и невѣжествомъ путемъ сатиры, для которой русское общество давало обильный матеріалъ.

Русская жизнь представляла въ то время пеструю картину, гдѣ внѣшній блескъ, стремленіе къ европейской образованности, увлеченіе новыми идеями энциклопедистовъ перемѣшивались съ крайнимъ невѣжествомъ, распущенностью и грубостью нравовъ, суевѣріемъ, ханжествомъ и самою возмутительною жестокостью.

Старые устои жизни не хотѣли уступать новымъ требованіямъ, отчасти въ силу привычки, рутины, а отчасти и потому, что это новое, шедшее на смѣну старому, являлось иногда въ такихъ комически уродливыхъ формахъ, что могло скорѣе отталкивать, чѣмъ привлекать людей болѣе серьезныхъ. Встрѣчались, конечно, и тогда уже просвѣщенные люди, но ихъ было еще очень немного; большинство же коснѣло въ невѣжествѣ, представляя изъ себя или круглыхъ неучей, смотрѣвшихъ недовѣрчиво и даже враждебно на всякія новшества, или невѣждъ, прикрытыхъ европейскимъ лоскомъ, стремившихся перенять у французовъ все, начиная съ модныхъ идей энциклопедистовъ и легкихъ нравовъ и кончая прической и туалетами.

Высшій классъ нашего общества жилъ въ то время совсѣмъ по европейски: меблировали квартиры, ѣли, пили, вели себя на балахъ, какъ европейцы, а между тѣмъ немногіе даже изъ сіятельныхъ вельможъ хорошо знали русскую грамоту. Грибовскій, статсъ-секретарь императрицы въ послѣдніе годы ея царствованія, говоритъ, что изъ всѣхъ современныхъ ему вольможъ только двое знали русское правописаніе: князь Потемкинъ и графъ Безбородко. О чиновникахъ, офицерахъ, вообще о служащихъ среднихъ классовъ нечего было и говорить. Для поступленія на службу не требовалось почти никакого образовательнаго ценза, никакихъ соотвѣтствующихъ познаній.

Такое невѣжество являлось у насъ конечно результатомъ воспитанія, которое давалось тогда нашему юношеству. Воспитаніе это было двоякаго рода: въ первомъ случаѣ наши дворянскіе сынки выростали на лонѣ природы, не утруждая себя никакими занятіями, кромѣ развѣ грамоты, преподавателями которой являлись дьячки, отставные солдаты, писаря и прочій грамотный или лучше сказать полуграмотный людъ, случайно занесенный судьбою въ помѣщичью усадьбу. Мы знаемъ, что такъ выучился грамотѣ Новиковъ, также учились и Карамзинъ, и Державинъ, и Ив. Ив. Дмитріевъ и многіе другіе, впослѣдствіи знаменитые люди, которые стали знаменитыми конечно ужъ не благодаря воспитанію, а вслѣдствіе особенныхъ выдающихся личныхъ ихъ свойствъ и самостоятельнаго труда. Каково бы ни было ихъ воспитаніе, они все равно, благодаря своей личной талантливости, не затерялись бы въ толпѣ; но за-то сколько же выходило Митрофанушекъ изъ нашихъ помѣщичьихъ семей, благодаря подобному воспитанію? Но если не привлекателенъ Митрофанушка, то еще менѣе привлекательны и въ то же время болѣе жалки типы Иванушки, даннаго намъ Фонъ-Визинымъ въ комедіи «Бригадиръ», и Фюрлюфюшкова, выведеннаго Екатериною въ комедіи «Имянины Г-жи Ворчалкиной». Невѣжественные Иванушки и Фюрлюфюшковы, презирающіе все русское, говорящіе на какомъ-то особомъ полурусскомъ полуфранцузскомъ языкѣ и ставящіе едва-ли не выше всего въ жизни—умѣнье хорошо одѣться и причесаться по модѣ, являются продуктами воспитанія другаго рода, при которомъ въ роли воспитателей фигурировали гувернеры-иностранцы и чаще всего французы. Весьма рѣдко воспитателями подобнаго рода являлись люди, достойные носить званіе педагога. Въ большинствѣ же случаевъ въ эту роль попадали проходимцы, покидавшіе свое отечество или вслѣдствіе какихъ нибудь темныхъ и неблаговидныхъ поступковъ, за которые имъ пришлось бы у себя дома подвергнуться отвѣтственности, или просто потому, что въ Россіи, они, ничего не зная и не дѣлая, могли выгодно устроиться По невѣжеству своему наши помѣщики не могли оцѣнить познаній учителя, которому они поручали дѣтей, и потому въ учителя могъ поступать всякій, лишь бы онъ былъ иностранецъ. По сообщеніямъ Порошина (воспитателя цесаревича Павла Петровича) къ одному московскому дворянину нанялся чухонецъ, выдававшій себя за француза, и научилъ дѣтей его чухонскому языку.

Можно ли удивляться, что при томъ невѣжествѣ, въ которомъ пребывало наше общество, въ немъ царили суевѣріе, ханжество, развратъ и жестокость? Религія представлялась для большинства одной лишь формой, лишенной всякаго содержанія, и очень мало способствовала смягченію сердецъ, а постоянная праздность и совершенно безправное положеніе крѣпостныхъ крестьянъ давали полный просторъ для разгула страстей и для жестокости нашихъ помѣщиковъ. Взгляды на бракъ и на любовь были въ то время самые низменные. Взаимныя измѣны супруговъ не только не осуждались въ обществѣ, но считались какъ бы въ порядкѣ вещей, и на любовь смотрѣли съ самой грубой, чувственной точки зрѣнія. Вообще можно сказать, что большинство нашего дворянства 18-го вѣка было почти чуждо истиннымъ духовнымъ интересамъ и преслѣдовало въ жизни одну цѣль—наслажденіе, понимая его въ самомъ грубомъ, почти исключительно физическомъ смыслѣ, и нисколько не думая о томъ, какою цѣною оно покупается. Оно жило, развратничало и веселилось...

* * *

Окончивъ работать въ Коммиссіи, Новиковъ вернулся въ Петербургъ. Къ этому времени въ немъ уже вѣроятно созрѣло рѣшеніе посвятить свои силы литературѣ и отечественному просвѣщенію. Въ 1768 году, будучи произведенъ въ прапорщики лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, онъ вышелъ въ отставку поручикомъ арміи.

Еще ранѣе этого, по достиженіи совершеннолѣтія, Николаю Ивановичу и брату его, Алексѣю, за выдѣломъ матери и сестеръ, досталось около 400 душъ: 250 въ Мещовскомъ уѣздѣ Калужской губ., небольшая деревня въ Дмитровскомъ уѣздѣ Московской губерніи и 130 душъ въ Коломенскомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ Авдотьино и домъ въ Москвѣ.

Въ 1769 году Новиковъ выступилъ впервые на поприще просвѣтительной дѣятельности, которая продолжалась 20 слишкомъ лѣтъ и благодаря которой имя Новикоза заняло почетное мѣсто въ ряду благороднѣйшихъ и полезнѣйшихъ дѣятелей нашего отечества.

Мы можемъ раздѣлить эту дѣятельность на два періода: первый продолжается отъ 1769 до 1779 годъ. Въ теченіи его Новиковъ занимается изданіемъ въ Петербургѣ сатирическихъ жур-

наловъ, а также собираніемъ и изданіемъ матеріаловъ по отечественной исторіи и литературѣ. Къ этому же періоду относится начало изданія журнала «Утренній Свѣтъ», религіозно-нравственное направленіе котораго свидѣтельствуетъ о вступленіи Новикова на путь масонства.

Ко второму періоду, длившемуся отъ 1779 до 1791 года, относится типографская и издательская дѣятельность его въ Москвѣ.

Первый изъ этихъ періодовъ совпадаетъ съ очень важнымъ моментомъ въ исторіи нашего отечества, съ моментомъ вполнѣ благопріятствовавшимъ литературной дѣятельности. Съ одной стороны ей покровительствовала императрица, находившаяся тогда въ самомъ разгарѣ своихъ либеральныхъ стремленій и сознававшая яснѣе, чѣмъ кто либо, насколько Россія была невѣжественна и насколько она отстала отъ З. Европы. Желая сблизить насъ съ Европою, она не только допускала къ намъ притокъ новыхъ идей изъ Франціи, не только покровительствовала поѣздкамъ нашихъ молодыхъ дворянъ за границу и знакомству ихъ съ Европой, но старалась и Европу познакомить съ нами. Знаменитый «Наказъ» былъ переведенъ у насъ, по желанію императрицы, на иностранные языки, чтобы сдѣлать его доступнымъ для западныхъ державъ. Между прочимъ, онъ былъ посланъ въ нѣмецкомъ переводѣ самою Екатериною Фридриху II, королю прусскому.

Императрица переписывалась съ Дидро, Вольтеромъ и даже пригласила-было Даламбера въ воспитатели къ цесаревичу. Конечно Даламберъ отказался, но императрица доказала этимъ, насколько она сочувствовала тогда идеямъ энциклопедистовъ. Въ Россіи она склонна была также привѣтствовать и ободрять всякій талантъ, появлявшійся въ литературѣ.

Такъ, Фонъ-Визинъ читалъ своего «Недоросля» запросто, какъ во дворцѣ Павла Петровича, такъ и у самой императрицы. Но этого мало. Какъ мы далѣе увидимъ, императрица не только приняла скоро личное участіе въ сатирическихъ журналахъ, помѣщая въ нихъ свои статьи, но она первая начала сатирическую дѣятельность, сдѣлавшись неоффиціально редакторомъ одного изъ журналовъ.

Съ другой стороны, и въ самомъ обществѣ, хоть и слабо, но уже стало проявляться стремленіе къ просвѣщенію. Московскій университетъ, не смотря на всю бѣдность своихъ научныхъ силъ, все же началъ оказывать извѣстное вліяніе на общество. Явилась

потребность въ книгѣ, въ литературѣ. Но литературы у насъ еще не было. Хотя газеты появились въ Россіи еще при Петрѣ I, но такъ какъ онѣ не были вызваны жизнью, а явились искусственно, по желанію Петра, то и носили совершенно сухой, офиціальный характеръ. Первая газета появилась въ Москвѣ 2 января 1703 г. подъ именемъ «Вѣдомостей». 2-го января 1728 года появился 1-й № «Академическихъ Петербургскихъ Вѣдомостей». «Московскія Вѣдомости» стали издаваться уже при университетѣ съ 26-го апрѣля 1756 года. Это были чисто офиціальныя изданія.

Первый русскій журналъ разнороднаго содержанія издавался Миллеромъ съ 1755 по 1764 г. подъ такимъ заглавіемъ: «Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и удовольствію служащія». Журналъ этотъ имѣлъ тоже сухой характеръ какихъ-то ученыхъ лѣтописей. Въ 1759 году стали издаваться въ Петербургѣ первые литературные журналы. Это были: «Праздное время въ пользу употребленное» и «Трудолюбивая Пчела» Сумарокова. Существовали они впрочемъ очень недолго. За то въ Москвѣ возникли: съ 1760 по 1764 г. «Полезное Увеселеніе» Хераскова, его же: «Свободные часы», «Невинное Упражненіе» Богдановича и «Доброе Намѣреніе» Сенковскаго. Это были журналы исключительно почти литературнаго характера. Профессоръ московскаго университета Рейхель издавалъ тогда журналъ съ научной цѣлью: «Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знаній и къ произведенію удовольствія». Въ 1764 г. прекратились два послѣднихъ журнала и съ 1765 до 1769 г. въ Россіи журналовъ не было, а изъ газетъ издавались только С.-Петербургскія и Московскія Вѣдомости.

ГЛАВА II.

„Трутень“ и его сатирическія стрѣлы. — Полемика между Екатериной II и Новиковымъ. — „Живописецъ“ и отношеніе къ нему автора комедіи „О, время!“. — Прекращеніе сатирическихъ журналовъ въ Россіи. — Новиковъ выступаетъ въ роли издателя научныхъ сочиненій по исторіи и географіи Россіи. — „С.-Петербургскія Ученыя Вѣдомости“.

Въ 1769 г. въ Петербургѣ появился цѣлый рядъ сатирическихъ журналовъ. Первымъ по времени вышелъ журналъ «Всякая Всячина» подъ фирмою Г. В. Казицкаго, но истиннымъ руководителемъ котораго, по изслѣдованію академика Пекарскаго, была сама императрица, помѣщавшая въ немъ свои статьи. Такимъ образомъ императрица сдѣлала первый шагъ въ области сатирической литературы и тѣмъ какъ бы вызвала и другихъ слѣдовать ея примѣру. Необходимость и пользу сатиры сознавалъ еще Петръ I, сознавала и Екатерина II; къ тому же складъ ея ума былъ несомнѣнно нѣсколько сатирическій. Но насколько потребность въ сатирѣ была въ то время велика и сознавалась многими, лучше всего можно видѣть изъ того, что вслѣдъ за «Всякою Всячиною», въ томъ же 1769 году, вышло еще семь журналовъ, а всего до 1775 года ихъ выходило 16. Изъ числа этихъ журналовъ Новикову принадлежало три: «Трутень» (1769—1770 гг.) «Живописецъ» (1772—1773 гг.) и «Кошелекъ» (1774 г.) «Трутень», издававшійся потомъ небольшими книжечками, выходилъ первоначально листами. Небезлюбопытно познакомиться съ содержаніемъ этого журнала: онъ состоялъ изъ статей въ формѣ писемъ, разговоровъ, словарей и вѣдомостей, изъ стихотвореній, остроумныхъ объявленій, эпитафій и эпиграммъ, направленныхъ главнымъ образомъ противъ общихъ недостатковъ того времени, хотя подчасъ не давалось пощады и отдѣльнымъ лицамъ, если они того заслуживали.

Въ «Трутнѣ» принимали участіе извѣстные тогдашніе писатели: В. И. Майковъ, А. О. Аблесимовъ, М. А. Поповъ, Ѳ. А. Эминъ, издававшій въ томъ же году и свой собственный журналъ «Адскую Почту». Кромѣ того, было много статей, подписанныхъ разными псевдонимами, иниціалами и совсѣмъ никѣмъ не подписанныхъ, авторы которыхъ, не смотря на все стараніе библіографовъ, не были открыты. Несомнѣнно, что нѣкоторыя изъ этихъ статей, а можетъ быть и бо̀льшая часть принадлежала самому Новикову.

Новиковскіе журналы рѣзко выдѣлялись изъ остальныхъ: по содержательности, талантливости, остроумію и живости они занимали первое мѣсто и имѣли по тому времени большой успѣхъ. Въ то время, какъ другіе сатирическіе журналы въ большинствѣ случаевъ скользили только по поверхности жизни, Новиковская сатира всегда отличалась идейностью и серьезностью мысли. Уже въ самомъ введеніи къ «Трутню», гдѣ Новиковъ шутя говоритъ о своей лѣни и якобы неспособности быть полезнымъ обществу на другихъ поприщахъ, онъ перебираетъ всѣ роды общественныхъ положеній, службы и дѣятельности того времени и ѣдко подчеркиваетъ ихъ слабыя стороны. Вотъ что напр. говоритъ онъ о придворной службѣ:

„Придворная служба всѣхъ покойнѣе и была бы всѣхъ легче, ежели бы не надлежало знать науку притворства гораздо въ вышнихъ степеняхъ, нежели сколько должно знать ее актеру; тотъ превосходно входитъ въ разныя страсти времени, а сей безпрестанно тоже дѣлаетъ, а тово-то я и не могу терпѣть. Придворный человѣкъ всѣмъ льститъ, говоритъ не то, что думаетъ, кажется всѣмъ ласковъ и снисходителенъ, хотя и чрезвычайно надутъ гордостью. Всѣхъ обнадеживаетъ и тогда же позабываетъ, всѣмъ обѣщаетъ и никому не держитъ слова; не имѣетъ истинныхъ друзей, но имѣетъ льстецовъ, а самъ такъ же льститъ и угождаетъ случайнымъ людямъ. Кажется охотникомъ до того, отъ чего имѣетъ отвращеніе. Хвалитъ съ улыбкою тогда, когда внутренно терзается завистью. Въ случаѣ нужды никого не щадитъ, жертвуетъ всѣмъ для снисканія своего счастія; а иногда, полно, не забываетъ ли и человѣчество! Ничего не дѣлаетъ, а показываетъ будто отягощенъ дѣлами: словомъ, говоритъ и дѣлаетъ почти всегда противу своего желанія, а часто и противу здраваго разсудка“.

Точно также и въ журналѣ Новиковъ постоянно смотритъ въ глубь, въ корень вещей. Осмѣивая напр. неразборчивыхъ подражателей Европѣ, онъ укоряетъ ихъ не только за то, что они подражаютъ лишь европейской внѣшности и дурнымъ сторонамъ, чѣмъ не приносятъ ни себѣ, ни отечеству никакой пользы и благодаря чему превращаются только въ ходячія каррикатуры, но и

указываетъ на непосредственный экономическій вредъ для страны, которая мѣняетъ свои богатства на предметы роскоши и моды, вообще на чужіе пустяки. Такъ напр. въ VI л. «Трутня» за 1769 г. помѣщено было такое объявленіе изъ Кронштадта:

„На сихъ дняхъ прибыли въ здѣшній портъ корабли — Trompeur изъ Руана въ 18 дней, Vetilles—изъ Марселя въ 23 дня. На нихъ слѣдующіе нужные намъ привезены товары: шпаги французскія разныхъ сортовъ, табакерки черепаховыя, бумажныя, сургучныя, кружева, блонды, бахромы, манжеты, ленты, чулки, пряжки, шляпы, запонки и всякія такъ-называемыя галантерейныя вещи... А изъ Петербургскаго порта на тѣ корабли грузить будутъ разныя домашнія бездѣлицы, какъ-то: пеньку, желѣзо, юфть, сало, свѣчи, полотно и пр. *Многіе наши молодые дворяне смѣются глупости господъ французовъ, что они ѣздятъ такъ далеко и мѣняютъ модные свои товары на наши бездѣлицы*".

А вотъ объявленіе, направленное противъ тѣхъ молодыхъ людей, которые ѣхали моды ради за границу и не пріобрѣтали тамъ ничего, кромѣ умѣнья одѣваться и безпутно проводить жизнь:

„Молодаго россійскаго поросенка, который ѣздилъ по чужимъ землямъ для просвѣщенія своего разума и который, объѣздивъ съ пользою, вернулся уже совершенною свиньею, желающіе смотрѣть могутъ его видѣть безденежно по многимъ улицамъ сего города".

Не слѣдуетъ однако думать, что Новиковъ возставалъ вообще противъ путешествій за границу и тѣмъ болѣе противъ разумныхъ и полезныхъ наблюденій надъ европейскою жизнью. Нѣтъ, онъ возставалъ лишь противъ такихъ путешественниковъ, которые привозили изъ за границы «только извѣстія, какъ тамъ одѣваются», да пространныя описанія всѣмъ тамошнимъ «увеселеніямъ и позорищамъ». А такихъ путешественниковъ было не мало, и ихъ-то Новиковъ и имѣлъ въ виду: «я почти ни отъ одного изъ нихъ не слыхалъ, говоритъ онъ, чтобы сдѣлали они свои примѣчанія на нравы... народа, или на узаконенія, на полезныя учрежденія и пр. *дѣлающія путешествіе толико нужнымъ*»...

Ясно, чего хотѣлъ и требовалъ Новиковъ отъ путешествій. Указывая на то, что мы склонны были мѣнять свои старинныя добродѣтели на чужіе пороки, онъ однако не идеализировалъ огульно ни старины нашей, ни тогдашняго состоянія общества. Въ старинѣ ему нравились только простота жизни, нравовъ, доброе и заботливое отношеніе къ слабымъ, отсутствіе вражды и рѣзкой раздѣленности общества на породы и классы, вообще то, что

186781
Межрубиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

находило и впредь будетъ находить оправданіе съ высшихъ точекъ зрѣнія. Это все тотъ же золотой вѣкъ, о которомъ мечтали многіе философы, вѣкъ, оставшійся назади, но не только не противорѣчащій образованности, а напротивъ долженствующій, благодаря ей, опять наступить съ устраненіемъ изъ прошлаго всего дурнаго. Новиковъ вообще былъ большимъ сторонникомъ простой сельской жизни, мирнаго земледѣльческаго труда, никогда повидимому не упускалъ изъ виду этого идеала и всегда противополагалъ его дурнымъ сторонамъ и направленіямъ общественной жизни. Что же касается до тогдашняго состоянія общества, то у него много сатиръ, направленныхъ противъ невѣжества и лѣни нашихъ помѣщиковъ, противъ грубости ихъ нравовъ и ненависти къ наукамъ, противъ злоупотребленій въ судѣ и администраціи. Вотъ напр. письмо отъ проживающаго въ провинціи дяди къ столичному племяннику, которое мы находимъ въ «Трутнѣ». Дядя спрашиваетъ племянника, почему тотъ не хочетъ идти въ приказную службу и говоритъ: «и ежели ты думаешь, что она по нынѣшнимъ указамъ не наживна, такъ ты въ этомъ, другъ мой, ошибаешься». Затѣмъ онъ предлагаетъ цѣлый проэктъ взяточничества: ты просись, говоритъ, только въ прокуроры, да заручись знатными людьми, тогда «мы такъ искусно будемъ дѣлать, что на насъ и просить нельзя будетъ. А тогда, какъ мы наживемся. хоть и попросятъ, такъ бѣда будетъ не велика, отрѣшатъ отъ дѣлъ и велятъ жить въ своихъ деревняхъ. Вотъ те на, какая бѣда»!

Не дурны также объявленія: «въ нѣкоторое судебное мѣсто потребно правосудія 10 пудовъ», или: «Недавно пожалованный воевода отъѣзжаетъ въ порученное ему мѣсто и для облегченія въ пути продаетъ свою совѣсть; желающіе купить могутъ его сыскать въ здѣшнемъ городѣ».

Но особенной ѣдкостью и остроуміемъ проникнуты сатиры противъ крѣпостнаго права. Вотъ напр. нѣкій Змѣянъ ѣздитъ по городу и всѣхъ увѣщеваетъ быть жестокими съ крѣпостными людьми, чтобы «они взора его боялись, чтобы они были голодны, наги и босы и чтобы одна жестокость держала сихъ звѣрей въ порядкѣ и послушаніи».

Еще лучше рецептъ для г. Безразсуда, напечатанный въ «Трутнѣ» 1769 г.

„Безразсудъ боленъ мнѣніемъ, что крестьяне не суть человѣки.... Онъ съ ними точно такъ и поступаетъ.... никогда съ ними не только что не говоритъ ни слова, но и не удостоиваетъ ихъ наклоненіемъ своей головы, когда они по восточному обыкновенію предъ нимъ на землѣ распростираются. Онъ тогда думаетъ: *я господинъ, они мои рабы, они для того и сотворены, чтобы, претерпѣвая всякія нужды, день и ночь работать и исполнять мою волю исправнымъ платежемъ оброка; они, памятуя мое и свое состояніе, должны трепетать моего взора.* Бѣдные крестьяне любить его, какъ отца, не смѣютъ, но, почитая въ немъ своего тирана, его трепещутъ. Они работаютъ день и ночь, но со всѣмъ тѣмъ едва имѣютъ дневное пропитаніе, затѣмъ, что насилу могутъ платить господскіе поборы. Они и думать не смѣютъ, что у нихъ есть что-нибудь собственное, но говорятъ: это не мое, но *Божіе и господское*".

Такая злая иронія скоро смѣняется у Новикова негодованіемъ:

„Безразсудный"!—восклицаетъ онъ,—„развѣ ты не знаешь, что между твоими рабами и человѣками больше сходства, чѣмъ между тобой и человѣкомъ!" Затѣмъ, въ концѣ сатиры авторъ прописываетъ Безразсуду отъ его болѣзни такого рода рецептъ: „Безразсудъ долженъ всякій день по два раза разсматривать кости господскія и крестьянскія до тѣхъ поръ, пока найдетъ онъ различіе между господиномъ и крестьяниномъ".

Говоря о «Трутнѣ», нельзя умолчать о полемикѣ, которую вели между собою «Трутень» и «Всякая Всячина» или, лучше сказать, скрывавшіеся за ними Новиковъ и императрица Екатерина. Споръ возникъ изъ за нравственныхъ вопросовъ и воззрѣній, но не въ этомъ было дѣло: Екатерина II очевидно не ожидала, что сатира пойдетъ такъ далеко и будетъ касаться самыхъ основъ жизни, самыхъ слабыхъ и наиболѣе больныхъ ея сторонъ. Она, по всей вѣроятности, думала, что «Всякая Всячина» будетъ образцомъ и камертономъ для другихъ сатирическихъ журналовъ, что они будутъ ограничиваться обличеніями общаго свойства, ни для кого въ сущности не обидными. будутъ обличать скупость, глупость, любостяжаніе, невѣжество, щеголей и щеголихъ, петиметровъ и кокетокъ по возможности безотносительно, чтобы чтеніе, наводя на добрыя размышленія, доставляло пріятное развлеченіе. Вначалѣ Екатерина именно такъ и смотрѣла на роль сатирической литературы; только потомъ уже — и можетъ быть отчасти подъ вліяніемъ полемики съ «Трутнемъ» — она стала обнаруживать болѣе глубокій взглядъ на сатиру, что сказалось напр. въ ея собственныхъ, чисто обличительныхъ произведеніяхъ, въ сочувствіи

къ другому Новиковскому журналу («Живописцу») и въ томъ, что она хотѣла повидимому не прекратить, а только сдержать и поставить сатиру въ извѣстные предѣлы.

Рѣзкость Новикова была ей непріятна. Она была человѣкомъ менѣе радикальнымъ и гораздо болѣе практичнымъ и дипломатичнымъ. Въ то время какъ другіе сатирическіе журналы сдѣлались, дѣйствительно, только пріятнымъ развлеченіемъ и простымъ зубоскальствомъ, Новиковъ сразу подошелъ къ дѣлу и поставилъ для своей сатиры твердо опредѣленную цѣль. И жизнь высшихъ сферъ, которыхъ онъ касался, и крестьянскій вопросъ, и мудрость тогдашняго двуличія—были предметами очень щекотливыми. Когда такіе огромные умы, какъ Вольтеръ и Руссо, допускали освобожденіе крестьянъ лишь условно и постепенно, съ разными оговорками, когда такіе независимые люди, какъ Дидро снискивали себѣ милости отъ монаршихъ щедротъ, то можно себѣ представить, какъ смотрѣли и относились къ подобнымъ вещамъ русское высшее общество и болѣе вліятельные люди того времени, съ которыми Екатерина ссориться, не хотѣла. Ей можно было однихъ убрать, а другихъ прибрать къ рукамъ лишь постепенно, и со многими изъ нихъ она вела настоящую дипломатическую игру....

Полемика между «Трутнемъ» и «Всякою Всячиною» началась, какъ это не рѣдко бываетъ, съ частныхъ и неважныхъ случаевъ. Такъ напр. «Трутень» изобличилъ какую-то свѣтскую барыню, совершившую въ лавкѣ кражу и велѣвшую потомъ избить купца, когда тотъ, не желая осрамить ее при публикѣ, явился къ ней на домъ за полученіемъ украденнаго. Обличеніе это не понравилось «Всякой Всячинѣ», и она отвѣтила, что къ слабостямъ человѣческимъ надо относиться снисходительнѣе. На это «Трутень» возражалъ, что странно считать воровство порокомъ и преступленіемъ въ однихъ случаяхъ, когда воруютъ простолюдины, и только слабостью въ другихъ случаяхъ, причемъ очень остроумно смѣялся надъ подобнымъ открытіемъ «Всякой Всячины». Та отвѣчала въ свою очередь, но въ отвѣтѣ ея уже слышалось раздраженіе. Отъ частнаго факта споръ незамѣтно перешелъ къ общимъ положеніямъ. По словамъ «Всякой Всячины», «всѣ разумные люди признавать должны, что одинъ Богъ только совершенъ; люди же смертные, безъ слабостей, никогда не были, не суть и не будутъ». А «Трутень» опровергалъ такой взглядъ и говорилъ: «многіе слабой

совѣсти люди никогда не упоминаютъ имя порока, не прибавивъ къ нему человѣколюбія. Они говорятъ, что слабости человѣкамъ обыкновенны и что должно оныя прикрывать человѣколюбіемъ; слѣдовательно, они порокамъ сшили изъ человѣколюбія кафтанъ; но такихъ людей человѣколюбіе приличнѣе назвать порбколюбіемъ»... По мнѣнію «Трутня»,«больше человѣколюбивъ тотъ, который исправляетъ пороки, нежели тотъ, который онымъ снисходитъ или (сказать по русски) потакаетъ». «Всякая Всячина» сердилась все болѣе и болѣе и говорила обидныя вещи «Трутню»; тотъ менѣе раздражался, но въ долгу также не оставался: «Вся вина «Всякой Всячины», говорилъ онъ, состоитъ въ томъ, что она «на русскомъ языкѣ изъясняться не умѣетъ и русскихъ писаній обстоятельно разумѣть не можетъ»; ежели «она забывается и такъ мокротлива, что часто не туда плюетъ, куда надлежитъ, то отъ этого надо лечиться» и т. п.

Въ полемикѣ этой приняли участіе и другіе журналы, причемъ особенно любопытно то обстоятельство, что сторону Новикова приняли почти всѣ остальные журналы, за исключеніемъ только Чулковскаго «Ни то, ни сё», который въ этомъ случаѣ присоединился ко «Всякой Всячинѣ». Полемика эта кончилась, какъ будто бы ничѣмъ, т. е. каждый изъ противниковъ остался повидимому при своемъ мнѣніи, но на самомъ дѣлѣ произошло слѣдующее: «Трутень», очевидно подъ внѣшнимъ давленіемъ, вскорѣ измѣнилъ свой рѣзкій характеръ, особенно въ слѣдующемъ году. На внѣшнія обстоятельства есть уже указанія въ 1769 г.; напр. въ доброжелательномъ письмѣ нѣкоего Чистосердова, напечатанномъ въ одномъ изъ іюльскихъ листовъ «Трутня», гдѣ авторъ предостерегаетъ, что въ зеркалѣ «Трутня» видятъ себя многіе знатные бояре, и добавляетъ, что самъ имѣлъ несчастіе тягаться съ боярами, «угнетавшими истину, правосудіе, честь, добродѣтель и человѣчество», и убѣдился, что «лучше имѣть дѣло съ лютымъ тигромъ».

Затѣмъ эпиграфъ къ «Трутню» 1770 года также указываетъ на непріятное заключеніе, вынесенное издателемъ изъ опыта; именно, что «опасно наставленье строго, гдѣ звѣрства и безумства много»; наконецъ лучше всего «внѣшнія обстоятельства» могутъ сказываться въ томъ, что многіе вліятельные люди, относившіеся вначалѣ совсѣмъ иначе къ «Трутню», были имъ недовольны. Это съ одной стороны. А съ другой, если мы обратимъ вниманіе на вы-

шедшія въ 1772 году комедіи императрицы: «О, время»! и «Имянины г-жи Ворчалкиной», въ которыхъ сатира отличается большею опредѣленностью и значительною рѣзкостью, то можно думать, что императрица нѣсколько склонилась на сторону взглядовъ Новикова. И въ отношеніяхъ ея къ нему не только не послѣдовало ухудшенія, а какъ будто бы они даже измѣнились къ лучшему, особенно съ 1772 года, когда Новиковъ сталъ издавать новый сатирическій журналъ «Живописецъ». Стала ли она дѣйствительно признавать правоту его взглядовъ и цѣнить его, какъ умнаго и полезнаго человѣка, входило ли въ ея желанія, чтобы онъ вновь началъ издавать журналъ, или только она не хотѣла этому препятствовать,—сказать довольно трудно.

Ни для кого въ Петербургѣ не было тайной, что только-что появившаяся комедія «О, время!» принадлежитъ перу императрицы, хотя она и скрыла свое имя, и Новиковъ посвятилъ свой новый журналъ автору этой комедіи, какъ бы ему неизвѣстному. Самое это посвященіе очень интересно. Прежде всего оно полно всякихъ вѣжливостей и комплиментовъ. Новиковъ очень хвалитъ пьесу, изображающую пороки соотечественниковъ, говоритъ, что перо автора «достойно равенства съ Мольеровымъ», благодаритъ за удовольствіе и проситъ продолжать писать для исправленія нравовъ и для доказательства, что дарованная умамъ россійскимъ вольность употребляется въ пользу отечества. Но въ то же время онъ высказываетъ и нѣсколько общихъ пожеланій, небезполезныхъ для руководства автору въ будущей литературной дѣятельности: «истребите изъ сердца своего всякое пристрастіе», говоритъ онъ: «не взирайте на лицо; порочный человѣкъ во всякомъ званіи равнаго достоинъ презрѣнія. Низкостепенный порочный человѣкъ, видя себя осмѣиваемымъ купно съ превосходительнымъ, не будетъ имѣть причины роптать, что пороки въ бѣдности только единой веромъ вашимъ угнетаются». Далѣе, Новиковъ говоритъ, что примѣръ автора побудилъ и его къ подражанію и затѣмъ высказываетъ пожеланіе, чтобы авторъ открылъ свое имя: «можетъ ли, говоритъ онъ, такая благородная смѣлость опасаться угнетенія въ то время, когда по счастію Россіи и къ благоденствію человѣческаго рода владычествуетъ нами премудрая Екатерина». Впрочемъ, добавляетъ Новиковъ, если бы авторъ и не открылъ своего имени, уваженіе его къ нему вслѣдствіе этого не уменьшится. Начиная и кончая комплиментами, Новиковъ, по всей вѣроятности, платилъ

извѣстную офиціальную дань, хотя, можетъ быть, былъ въ значительной степени и искрененъ, такъ какъ Екатерина все таки была человѣкомъ выдающихся способностей и сочувствовала литературѣ и просвѣщенію. Въ отвѣтъ на это она написала Новикову посланіе, напечатанное также въ «Живописцѣ», въ которомъ говоритъ, что пишетъ для своей забавы, но будетъ рада, если сочиненія ея принесутъ пользу, а что имени своего она не считаетъ нужнымъ объявлять, хотя и не скрываетъ. Кромѣ того,—что̀ для Новикова было особенно важно,—она выразила сочувствіе «Живописцу» и его издателю и говорила, что посвященіе ей «Живописца» считаетъ для себя честью и охотно приметъ въ немъ сотрудничество. Изъ этого можно видѣть, какъ внимательна была Екатерина въ первое время своего царствованія къ людямъ, отличавшимся образованіемъ, талантами и трудами на пользу общественную, и какъ склонна она была показывать примѣръ въ этомъ отношеніи.

«Живописецъ» также, какъ и «Трутень», выходилъ листами. Сатирическій его отдѣлъ велся на столько живо, остроумно и талантливо, что читался съ огромнымъ удовольствіемъ и интересомъ всѣми классами русскаго общества. «Живописецъ» выдержалъ нѣсколько изданій и читался втеченіи цѣлаго полувѣка. Предметы его сатиры тѣ же, что и въ «Трутнѣ». Также нападаетъ онъ на неразборчивое подражаніе французамъ, причемъ опять говоритъ, что дурно не самое подражаніе, а подражаніе неразборчивое, не отличающее пороковъ отъ добродѣтелей, а падкое на пороки. Если въ «Трутнѣ» Новиковъ, говоря о старинныхъ русскихъ началахъ, какъ-то особенно подчеркивалъ ихъ въ положительномъ смыслѣ, чѣмъ могъ иногда порождать недоразумѣнія и предположенія о какой-то особенной склонности къ нимъ, на подобіе славянофильской, то въ «Живописцѣ» подобныхъ недоразумѣній уже не остается. Тутъ мы встрѣчаемъ такую мысль, что народу, выходящему изъ тьмы невѣдѣнія и жестокосердія, вполнѣ естественно подражать народамъ просвѣщеннымъ и что есть что̀ у нихъ позаимствовать: науки, художество, промыслы, гуманность и пр., а что не слѣдуетъ только подражать отрицательнымъ сторонамъ европейской жизни. Чрезвычайно остроумно и художественно осмѣиваетъ «Живописецъ» образъ жизни пустыхъ свѣтскихъ людей, взглядъ ихъ на жизнь и самый даже ихъ языкъ.

Вотъ какъ, напр. говоритъ нѣкая щеголиха въ своемъ письмѣ къ «Живописцу»: «Mon coeur, Живописецъ! Ты, радость, без-

примѣрный авторъ. Какъ все у тебя славно: слогъ разстеганъ, мысли прыгающи... клянусь, что я всегда фельетирую твои листы безъ всякой дистракціи... и т. д.». Не мало опять сатиръ посвящено описанію быта дворянъ, живущихъ по старинному и боящихся просвѣщенія, описанію ихъ суевѣрій, ханжества, семейнаго произвола, любви къ сутяжничеству, описанію жестокаго ихъ отношенія къ крестьянамъ, а также и такихъ общихъ служебныхъ пороковъ, какъ взяточничество, казнокрадство и т. д. Статьи о положеніи крестьянъ были опять настолько рѣзки, что вызвали сильное недовольство со стороны дворянства и высокопоставленныхъ лицъ, хотя сама императрица относилась къ нимъ повидимому снисходительнѣе. Говорятъ, что будто бы ея перу принадлежало въ «Живописцѣ» письмо, предупреждавшее его быть осторожнѣе. Въ письмѣ этомъ, писанномъ отъ лица «осьмидесятилѣтняго старика», нѣтъ никакихъ угрозъ, а напротивъ сочувствіе журналу и желаніе, чтобы онъ удержался: «я плакалъ отъ радости, говорится въ письмѣ, что нашелся человѣкъ, который противъ господствующаго ложнаго мнѣнія осмѣлился говорить въ печатныхъ листахъ... Однакожъ пиши осторожнѣе; любя тебя, я сожалѣть буду если прервется твой журналъ».

Очень возможно, что эта причина, т. е. недовольство лицъ вліятельныхъ, бывшая однимъ изъ поводовъ закрытія «Трутня», повлекла за собою и закрытіе въ 1773 году «Живописца», хотя, съ другой стороны, мы замѣчаемъ въ самомъ Новиковѣ какую-то перемѣну— не то охлажденіе къ сатирѣ, не то желаніе дѣйствовать въ другомъ направленіи, которое въ то время казалось ему болѣе полезнымъ. «Живописецъ» за все время своего существованія составилъ двѣ части по 36 листовъ въ каждой, и вотъ, во второй-то части, выходившей въ 1773 году, и можно замѣтить въ Новиковѣ сказанную перемѣну.

Въ этой части есть тоже сатирическія статьи, но есть за то и нѣсколько статей отвлеченнаго характера, въ которыхъ выражается уже нѣкоторое разочарованіе въ жизни и задатки будущей склонности къ мистицизму. Между прочимъ въ этой части Новиковъ впервые высказываетъ завѣтные планы своей дальнѣйшей дѣятельности. Въ письмѣ нѣкоего Любомудрова изъ Ярославля, писанномъ очевидно самимъ Новиковымъ, сообщается просьба къ издателю: дать знать всѣмъ мыслящимъ Россіянамъ объ основаніи «общества, старающагося о напечатаніи книгъ». Въ отвѣтъ на это

письмо издатель говоритъ, что общество это должно еще имѣть цѣлью и стараніе о продажѣ книгъ, особенно въ провинціи, гдѣ нѣтъ столичныхъ развлеченій, а читать трудно, потому что книги попадаютъ туда лишь случайно и продаются втридорога. Попеченіе объ этомъ Новиковъ считаетъ должнымъ возложить не на государство, а предоставить частнымъ лицамъ. Затѣмъ Новиковъ помѣщаетъ въ этой же части письмо къ Слободско-Украинскому губернатору Е. А. Щербинину, въ отвѣтъ на предложеніе послѣдняго Новикову участвовать въ учрежденіи типографіи при харьковскихъ училищахъ. Тутъ онъ высказывается о небходимости типографій для печатанія книгъ, изъ которыхъ почерпается просвѣщеніе.

Въ 1774 году Новиковъ дѣлаетъ новую и послѣднюю попытку издавать сатирическій журналъ: въ іюлѣ мѣсяцѣ онъ начинаетъ издавать «Кошелекъ», который однако продолжается очень недолго и прекращается на 9-мъ листѣ.

Въ отношеніи сатиры журналъ этотъ былъ слабѣе предыдущихъ и программа его была уже, чѣмъ у «Трутня» и «Живописца», такъ какъ онъ почему-то сосредоточился на осмѣяніи галломаніи. Галломанія заставляетъ Новикова возвратиться опять къ защитѣ старинныхъ русскихъ добродѣтелей. Въ предисловіи къ «Кошельку» проводится мысль, что галломанія есть одна изъ причинъ многихъ пороковъ русскаго общества и что у каждаго народа свой характеръ. Вообще журналъ относился гораздо снисходительнѣе къ нѣмцамъ и къ англичанамъ, чѣмъ къ французамъ. Объясняется это, по всей вѣроятности, тѣмъ, что въ высшемъ обществѣ въ то время было особенно много галломановъ. Кто сотрудничалъ въ «Кошелькѣ» неизвѣстно, но статьи его были очень рѣзки, какъ относительно русскихъ французолюбцевъ, такъ и относительно самихъ французовъ, которые выставлялись въ непривлекательномъ видѣ. Говорятъ, что рѣзкость статей вооружила противъ Новикова многихъ придворныхъ и высокопоставленныхъ лицъ и что непріятности, которыя онъ испытывалъ, и были причиною закрытія «Кошелька» въ сентябрѣ 1774 года. Весьма возможно, что прекращеніе «Кошелька» обусловливалось также и внутреннимъ состояніемъ Новикова, о которомъ мы сказали выше: его тянуло дѣйствовать на пользу просвѣщенія другими путями. Очень возможно, что временное возвращеніе къ сатирѣ являлось лишь плодомъ душевнаго колебанія, которыми сопровождаются подоб-

ные переходы, и было вызвано усилившеюся галломаніей и желаніемъ съ нею посчитаться.

Съ прекращеніемъ «Кошелька» Новиковъ не издавалъ уже больше сатирическихъ журналовъ, если не считать выпуска въ свѣтъ въ 1775 г. 3-го изданія «Живописца», которое онъ нѣсколько видоизмѣнилъ, а именно: выкинулъ изъ него всѣ статьи отвлеченнаго характера и прибавилъ нѣсколько сатиръ изъ «Трутня», сдѣлавъ такимъ образомъ сатирическій сборникъ. Другіе сатирическіе журналы прекратились еще раньше Новиковскихъ. Главною причиною этого, говорятъ, была перемѣна настроенія при дворѣ. Многіе приписывали эту перемѣну возвышенію Потемкина и тому, что турецкая война кончилась, послѣ чего правительству больше не надо было отвлекать общественнаго вниманія отъ внѣшнихъ событій посредствомъ литературы. Такъ-ли это было, или нѣтъ, но вѣрно одно, что обстоятельства, благопріятствовавшія существованію сатирическихъ журналовъ, прекратились. Впрочемъ, и независимо отъ этого, большинство ихъ не имѣло особеннаго успѣха и шло хуже Новиковскихъ. Своей журнальной дѣятельностью Новиковъ доказалъ, что онъ не только обладалъ большими природными дарованіями, но и успѣлъ пріобрѣсти за это время не мало знаній и сдѣлаться образованнымъ человѣкомъ. Кромѣ того, чтобы заинтересовать тогдашнее еще малоразвитое и грубое общество, надо было знать и понимать это общество и его интересы. Съ прекращеніемъ «Кошелька», Новиковъ какъ бы отказался отъ сатирической литературной дѣятельности и перешелъ къ дѣятельности положительной. Мы уже сказали, что его сильно тянуло въ эту сторону. Хотя въ позднѣйшихъ московскихъ его журналахъ сатира получила опять значительное мѣсто, — что, вѣроятно, обусловливалось не только сознаніемъ ея необходимости, а и склонностью къ ней,—но въ данный періодъ мы видимъ, что онъ уходитъ совсѣмъ въ другую область. Онъ начинаетъ въ ней дѣйствовать еще во время изданія сатирическихъ журналовъ: уже тогда онъ сознавалъ недостаточность одной только отрицательной дѣятельности и не довольствовался только проповѣдываньемъ необходимости печатнаго слова и просвѣщенія въ Россіи. Сознавая потребности времени и желая принести какъ можно больше пользы своему отечеству, Новиковъ задумалъ издавать научныя сочиненія для ознакомленія общества съ Россіей, съ ея исторіею, географіею и литературой. Съ этою цѣлью онъ издалъ въ 1772 году «Опытъ

историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ». Книгу эту онъ посвятилъ Наслѣднику Цесаревичу. Въ заглавіи ея сказано, что она заимствована изъ «печатныхъ и рукописныхъ книгъ, сообщенныхъ извлеченій и словесныхъ преданій». «Словарь» заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о писателяхъ свѣтскихъ и духовныхъ. Кромѣ именъ извѣстныхъ, какъ напр. Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Фонъ-Визина и др., тутъ встрѣчаются и имена писателей мало извѣстныхъ, но замѣчательныхъ тѣмъ не менѣе по уму и образованію.

Изъ предисловія къ «Словарю» видно, что цѣлью его изданія было исправленіе ошибокъ и пристрастныхъ сужденій одного русскаго путешественника, который напечаталъ въ Лейпцигскомъ журналѣ 1766 г. извѣстіе о русской литературѣ. Новиковъ убѣдительно просилъ своихъ читателей и любителей русской литературы сообщать матеріалы и критическія замѣчанія на его книгу. Такимъ образомъ, тутъ уже высказывается стремленіе Новикова дѣйствовать сообща, привлечь къ своей дѣятельности все общество. Какъ литературный критикъ, Новиковъ не можетъ быть поставленъ особенно высоко. Въ этомъ отношеніи онъ не стоялъ выше своихъ современниковъ. Внѣшней сторонѣ литературнаго произведенія онъ придавалъ такое же, если не большее значеніе, какъ и содержанію его; онъ особенно цѣнилъ чистоту и возвышенность слога и находилъ, что естественное изображеніе жизни должно быть нѣсколько пріукрашено искусствомъ.

Въ 1773 г. Новиковъ приступилъ къ изданію памятниковъ, относящихся къ изученію географіи и исторіи Россіи. Въ этой работѣ конечно были у него помощники, можетъ быть и болѣе его знающіе, но ему принадлежитъ мысль о необходимости изученія своего отечества, и въ этомъ его громадная заслуга. Кромѣ того на этомъ поприщѣ у него было немного предшественниковъ: дѣло было новое и только благодаря его энергіи и предпріимчивости оно могло такъ успѣшно пойти.

Первымъ документомъ, напечатаннымъ имъ въ 1773 году, была книга: «Древняя Россійская Идрографія, содержащая описаніе Московскаго государства, рѣкъ, протоковъ, озеръ, кладезей и какіе на нихъ города и урочища».

Изъ предисловія ея видно, что она была напечатана съ рукописи, принадлежавшей тогдашнему библіофилу, Петру Кирилловичу Хлѣбникову, и сличенной съ пятью другими списками. Книга эта

заключаетъ въ себѣ описаніе Россіи при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Къ сожалѣнію, вышла только ея первая часть. Императрица была въ числѣ подписчиковъ на эту книгу.

Въ томъ же 1773 году явилось начало новаго предпріятія, которому Идрографія служила какъ бы приступомъ. Начали издаваться памятники русскаго законодательства и дипломатическихъ сношеній, всякаго рода лѣтописей, грамотъ, родословныхъ, разнаго рода описаній и пр. Собраніе это носило такое названіе: «Древняя россійская вивліоѳика, или собраніе разныхъ древнихъ сочиненій, яко то: Россійскія посольства въ другія государства, рѣдкія грамоты, описаніе свадебныхъ обрядовъ и другихъ историческихъ и географическихъ достопамятностей и многія сочиненія древнихъ Россійскихъ стихотворцевъ и многія другія весьма рѣдкія и любопытства достойныя историческія достопамятности». 10 частей. Выходило оно съ 1773 до 1775 года, сначала выпусками въ 5 листовъ, а потомъ книгами. Императрица, увидѣвъ пользу въ такомъ изданіи, стала всячески ему содѣйствовать и приказала Г. В. Козицкому передать Новикову для напечатанія нѣсколько рѣдкихъ рукописей, а въ октябрѣ 1773 года предписала ученому Г. Ф. Миллеру сообщать Новикову копіи съ разныхъ актовъ московскаго архива, который Миллеръ въ то время разбиралъ. Кромѣ того, императрица содѣйствовала предпріятію Новикова и денежными пособіями. Такъ, 3-го ноября 1773 года она пожертвовала ему 1000 рублей, а 1-го января 1774 г. 200 голландскихъ червонцевъ. «Вивліоѳика» имѣла большой успѣхъ. Оканчивая въ 1775 году 10-ю часть ея, Новиковъ поднесъ императрицѣ планъ новаго сборника въ такомъ же родѣ на 76-й годъ, подъ заглавіемъ: «Сокровища Россійскихъ древностей». Онъ предполагалъ помѣщать въ немъ описаніе монастырей, церквей, городовъ, гербовъ, монетъ, разборы книгъ по русской исторіи съ приложеніемъ портретовъ государей. Императрица подписалась уже на 6 экземпляровъ, но изданіе это почему-то не состоялось.

Взамѣнъ его въ 1776 году Новиковъ напечаталъ двѣ историческія рукописи: 1) «Исторію о невинномъ заточеніи боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева, состоящую изъ челобитенъ, писанныхъ имъ къ царю и патріархамъ, также изъ писемъ къ разнымъ особамъ, съ пріобщеніемъ объявленія о причинахъ его заключенія и о возвращеніи изъ онаго», и 2) первую часть

«Скиѳской исторіи», написанной въ 1692 году стольникомъ Андреемъ Лызловымъ.

Въ 1777 г. Новиковъ попытался еще разъ осуществить несостоявшееся въ 1776 году изданіе сборника подъ заглавіемъ «Повѣствователь древностей Россійскихъ или собраніе разныхъ достопамятныхъ записокъ, служащихъ къ пользѣ исторіи и географіи Россійскихъ». Въ первомъ нумерѣ его были помѣщены, между прочимъ, документы, доставленные издателю по Высочайшему повелѣнію изъ комнатной библіотеки дворца статсъ-секретаремъ Кузьминымъ. Но Сборника этого вышла только одна первая часть. Полагаютъ, что онъ былъ уничтоженъ и этимъ объясняютъ его рѣдкость. Въ мартѣ же 1777 года Новиковъ сталъ издавать періодическое изданіе подъ названіемъ: «Санктпетербургскія ученыя Вѣдомости». Это была попытка создать органъ, посвященный критикѣ и литературѣ. Въ предисловіи приглашались всѣ ученые мужи и любители россійскихъ письменъ быть сотрудниками Вѣдомостей. Призывъ этотъ нашелъ въ обществѣ откликъ: стали присылаться статьи. Кто были сотрудники Новикова неизвѣстно такъ какъ статьи были или вовсе безъ подписи или подписаны иниціалами, но несомнѣнно, что въ то время Новиковъ имѣлъ связи съ передовыми и образованнѣйшими людьми своего времени и пользовался среди нихъ большимъ почетомъ. Такъ, въ печатныхъ спискахъ дѣйствительныхъ членовъ «Вольнаго Россійскаго Собранія», учрежденнаго въ 1771 г. при Московскомъ университетѣ кураторомъ его Мелисино, среди именъ извѣстнѣйшихъ русскихъ ученыхъ и писателей находится и имя Н. И. Новикова.

Въ «Санктпетербургскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ» разбирались изданія самого Новикова и другія научныя и чисто литературныя произведенія, въ то время выходившія. «Вѣдомости» существовали не долго и вышли только въ количествѣ 22-хъ №№. Тѣмъ не менѣе онѣ успѣли разобрать до 37 сочиненій и изданій разнообразнаго содержанія: историческихъ, поэтическихъ, нравоучительныхъ, педагогическихъ и духовныхъ. По большей части статьи эти суть библіографическія описанія книгъ съ указаніемъ ихъ содержанія и различныхъ изданій. При этомъ высказываются литературные и научные взгляды. «Вѣдомости» относятся съ особой любовью къ русской исторіи, ставятъ очень высоко занятія этимъ предметомъ и прославляютъ нашихъ истори-

ковъ того времени: князя Щербатова, Татищева и др. Кромѣ того, доказывая пользу и необходимость собиранія историческихъ матеріаловъ, онѣ указываютъ пріемы такихъ работъ. Литературные взгляды «Вѣдомостей» сходны со взглядами, высказываемыми въ «Словарѣ».

Въ сентябрѣ 1777 года Новиковъ сталъ издавать ежемѣсячный журналъ «Утренній Свѣтъ», содержаніе и направленіе котораго тѣсно связано съ его религіозно-мистическимъ направленіемъ и съ поступленіемъ его въ масоны, къ чему намъ и предстоитъ теперь перейти.

ГЛАВА III.

Поступленіе въ масоны.—Очеркъ происхожденія и развитія масонскихъ ученій.—Исканіе истины Новиковымъ.—Ложа Рейхеля и знакомство Новикова съ ея основателемъ.—Изданіе „Утренняго Свѣта“.—Характеръ этого журнала.—Открытіе Новиковымъ училищъ.—Переѣздъ въ Москву.

Говоря о содержаніи 2-й части «Живописца», мы уже указывали на заключающіяся въ ней статьи отвлеченнаго характера, выражающія какое-то разочарованіе въ жизни. Самый фактъ существованія въ журналѣ такихъ статей даетъ намъ возможность предположить, что Новиковъ уже въ 1773 году начиналъ неудовлетворяться жизнью и искать какихъ-то другихъ, высшихъ идеаловъ. Съ теченіемъ времени идеалы его молодости, придя въ столкновеніе съ дѣйствительностью, стали вызывать въ немъ все большія и большія сомнѣнія, и Новиковъ началъ искать путей для нихъ разрѣшенія. Въ то время въ умственной жизни Европы господствовало два теченія: вольтерьянство и масонство. Къ первому изъ нихъ Новиковъ отнесся съ самаго начала недружелюбно: онъ считалъ это направленіе вреднымъ и боролся съ нимъ втеченіи всей своей дѣятельности. Ко второму же, не понимая его, онъ отнесся сначала скептически. А между тѣмъ, душевное состояніе его становилось все тяжелѣе—нуженъ былъ какой нибудь выходъ—и вотъ въ 1775 году Новиковъ попадаетъ въ масоны. Объ этомъ событіи онъ впослѣдствіи самъ говорилъ слѣдующее: находясь на распутіи между волтерьянствомъ и религіей, я не имѣлъ точки опоры, или краеугольнаго камня, на которомъ могъ бы основать душевное спокойствіе, а потому неожиданно попалъ въ общество».

Какъ мы увидимъ далѣе, Новиковъ поступилъ въ общество масоновъ совсѣмъ на особыхъ условіяхъ: онъ могъ всегда выдти изъ него, еслибы нашелъ въ немъ что либо идущее въ разрѣзъ съ его нрав-

ственными воззрѣніями. Очевидно, онъ вступалъ въ масонство съ надеждою, что, можетъ быть, получивъ возможность постигнуть тайны этого ученія, онъ найдетъ въ немъ душевное успокоеніе. А не найдетъ, такъ возвращеніе назадъ остается для него возможнымъ. Новиковъ не ушелъ изъ масонства: «Употребленіе сдѣлало привычку», писалъ онъ въ своихъ отвѣтахъ Шешковскому, «привычка—привязанность и любопытство къ ученію масонства и изъясненію гіероглифовъ и аллегоріи»...

Прежде чѣмъ перейти къ подробному разсказу о томъ, на какихъ условіяхъ Новиковъ былъ принятъ въ масоны, и о дальнѣйшей его дѣятельности въ качествѣ масона, мы должны вкратцѣ разсказать, что̀ такое было масонство вообще въ з. Европѣ XVIII-го вѣка, откуда оно взялось и какимъ образомъ перешло къ намъ.

Масонство появилось у насъ впервые въ 50-хъ годахъ XVIII вѣка. Оно пришло къ намъ вмѣстѣ съ тѣми новыми идеями, которыя стали около этого времени переходить въ Россію изъ Европы.

Франкъ-масонство существовало въ З. Европѣ втеченіи многихъ вѣковъ прежде чѣмъ сдѣлаться извѣстнымъ въ нашемъ отечествѣ. Франкъ-масоны, или какъ ихъ у насъ называли—свободные каменьщики, составляли общества или братства, членами которыхъ являлись люди всевозможныхъ націй, вѣроисповѣданій и состояній. Происхожденіе своего ордена масоны приписываютъ глубокой древности. Для объясненія этого происхожденія существуетъ множество легендъ, изъ которыхъ, по свидѣтельству Лонгинова, одною изъ наиболѣе уважаемыхъ въ масонскихъ системахъ, считаютъ слѣдующую: Адамъ, по изгнаніи его изъ рая, былъ въ наказаніе лишенъ первоначальнаго своего просвѣтлѣнія. Но, по истеченіи времени, Богъ смиловался надъ нимъ и далъ ему знакъ своего милосердія: лучъ того свѣта, который озарялъ покинутый имъ рай. Лучъ этотъ обладалъ такою благодатью и озарялъ умъ такими божественными познаніями, о которыхъ люди, лишенные его, не имѣютъ и понятія. Этотъ свѣтъ сталъ передаваться нѣкоторымъ избраннымъ, какъ напр. Ною, другимъ патріархамъ и наконецъ дошелъ до Іосифа-пустынножителя, который начерталъ на смарагдовой таблицѣ основанія символистическаго ученія, извѣстнаго избраннымъ, получившимъ божественный лучъ, и положилъ эти таблицы въ Мемфійскомъ храмѣ, имъ самимъ основанномъ. Такимъ образомъ, это преданіе хранилось у маговъ и дошло до Моисея».

Въ окончательную систему символистика и обрядность масонскаго ученія приведены Соломономъ. Для постройки іерусалимскаго храма были вызваны сто тридцать тысячъ каменьщиковъ разныхъ націй. Они были раздѣлены Соломономъ на три разряда или степени: мастеровъ, товарищей и учениковъ. Каждая изъ этихъ степеней получила свои правила и отличающіе ее отъ прочихъ знаки и слова, изъ которыхъ тѣ, которые принадлежали высшимъ степенямъ, были неизвѣстны нисшимъ.

Прослѣдить исторію масонства черезъ цѣлый рядъ вѣковъ очень трудно. Масонскія общества существовали и въ Греціи, и въ Римѣ среди людей, занимавшихся строительнымъ искусствомъ. Во время гоненій на христіанъ въ средѣ послѣднихъ было много римскихъ каменьщиковъ. Спасаясь отъ преслѣдованій, они перебрались въ Англію и перенесли свое ученіе въ тамошнюю корпорацію мастеровыхъ. Оттуда оно распространилось въ Шотландіи и въ Ирландіи.

Въ Великобританіи масонство впервые получило особую организацію и вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства превратилось въ стройное нравственное ученіе съ главнымъ девизомъ: «противодѣйствуй злу не зломъ, а добромъ». Поэтому-то Англію масоны считаютъ мѣсторожденіемъ масонства новыхъ временъ.

Въ XVII или даже въ началѣ XVIII вѣка франкъ-масонство, распространившись по Европѣ, преобразовалось въ нравственно-философское ученіе, на которое имѣли большое вліяніе ученія теозофовъ и алхимистовъ.

Теозофы или мистики стремились познавать неизвѣстное, познать таинственные законы, управляющіе міромъ; пониманіе этихъ законовъ было, по ихъ мнѣнію, доступно однимъ избраннымъ, удостоившимся этой благодати черезъ религіозное ученіе, любовь къ Богу и къ ближнимъ.

Алхимики же искали философскій камень, могущій превращать въ золото неблагородные металлы. Этотъ же философскій камень долженъ былъ доставлять всеобщее лекарство, или такъ назыв. «панацею». Панацея не имѣла ввиду сдѣлать человѣка безсмертнымъ, но она способствовала укрѣпленію въ немъ той жизненной силы, ослабленіе которой, по мнѣнію средневѣковой философіи, было причиною всѣхъ болѣзней. Ученія теозофовъ и алхимиковъ безпрестанно смѣшивались между собою. И то, и другое имѣло ввиду въ большинствѣ случаевъ совершенствованіе человѣка и условій

его жизни—вообще человѣческое благо, хотя у алхимиковъ нерѣдко къ этимъ высшимъ цѣлямъ примѣшивались и цѣли чисто матеріальныя: обогащеніе и продленіе возможности наслаждаться благами человѣческой жизни.

Подъ вліяніемъ алхимиковъ и теозофовъ франкъ-масонство превратилось въ нравственно-философскую корпорацію и было оставлено людьми низшихъ сословій, которые прежде составляли его большинство.

Въ масонствѣ существовало нѣсколько системъ, сообразно которымъ масоны дѣлились: на «тампліеровъ» (система строгаго наблюденія), «циннендорфцевъ» (система слабаго наблюденія), «розенкрейцеровъ», «мартинистовъ», «иллюминатовъ» и др. Всѣ онѣ имѣли свои отличія, но слѣдовали и нѣкоторымъ общимъ обрядамъ.

У масоновъ было множество условныхъ знаковъ, по которымъ они узнавали другъ друга между непосвященными. Мѣста ихъ собраній называл сь *ложами*. Ложи принадлежали къ разнымъ системамъ. Всѣ ложи той или другой системы въ одной странѣ подчинены были центральной *ложѣ-матери* и одному провинціальному *Великому мастеру*.

Масонство смотрѣло на себя нѣкоторымъ образомъ, какъ на продолженіе Апостольской церкви и допускало въ своихъ ложахъ нѣчто вродѣ священнодѣйствій. Такъ напримѣръ, тамъ произносились духовныя рѣчи; на столѣ, стоявшемъ передъ кресломъ «мастера ложи» и называвшемся *жертвенникомъ*, лежало Евангеліе, открытое на 1-ой главѣ отъ Іоанна. Въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ приносилась Богу «курительная жертва ѳиміама» и совершался обрядъ помазанія. Пріемъ въ братство новаго члена производился послѣ предварительнаго его испытанія и присяги, которая обязывала его подчиняться отечественнымъ законамъ и сохранять масонскія тайны. Обряды этого пріема и принятія присяги были обставлены болѣе или менѣе торжественными церемоніями. Сначала онѣ были просты, но, съ теченіемъ времени, съ развитіемъ масонства, превратились въ цѣлыя представленія, подчасъ очень мрачнаго характера. Такъ напримѣръ, въ нѣкоторыхъ системахъ новопринимаемый вводился въ ложу съ завязанными глазами и въ моментъ, когда снимали съ глазъ его повязку, братья стремительно приставляли къ груди его острія мечей, а одинъ изъ братьевъ стоялъ въ это время въ окровавлен-

ной рубашкѣ. При этомъ Великій Мастеръ говорилъ, что мечи эти устремятся противъ новопринимаемаго, если онъ нарушитъ клятву и союзъ. Затѣмъ, опять при особыхъ церемоніяхъ, его заставляли пролить нѣсколько капель крови въ особою чашу, въ которую раньше проливали кровь и прочіе братья, вступавшіе въ орденъ. Это пролитіе крови выражало символически соединеніе вновь вступившаго съ прочими братьями. Бывали обряды и еще ужаснѣе, какъ напримѣръ обрядъ пріема въ степень мастера. Тутъ уже ложа обивалась чернымъ сукномъ, съ нашитыми на немъ блестками въ видѣ слезъ, на сцену являлись черепа, скелеты, держащіе зажженые свѣтильники, картины изображающія мертвыя головы, наконецъ черные гробы, въ одномъ изъ которыхъ во время церемоніи лежалъ кто нибудь изъ младшихъ мастеровъ подъ кровавой простынею, а другой готовился для «брата ищущаго», какъ назывался у масоновъ членъ, вступающій въ высшую степень масонства. Этого «ищущаго брата», послѣ довольно продолжительнаго хожденія вокругъ ложи съ разными остановками и препятствіями, наконецъ ввергали въ гробъ и накрывали окровавленной простынней, причемъ всѣ остальные братья устремляли на него острія шпагъ. Въ символическомъ языкѣ масоновъ часто попадаются слова: циркуль, молотокъ, прямоугольникъ, треугольникъ и пр. Эти выраженія, равно какъ и знаки украшенія своихъ обрядовъ, они заимствовали изъ терминологіи строительнаго искусства, которымъ занимались ихъ родоначальники.

Масоны занимались исканіемъ мудрости, или, какъ они говорили, «строеніемъ храма мудрости», совершенствующей нравственность человѣка.

Во всѣхъ масонскихъ ложахъ существовали, какъ уже было сказано, три степени: ученика, товарища и мастера, причемъ сущность ученія высшихъ степеней составляла тайну для низшихъ. Въ этихъ степеняхъ преподавалась самая важная, а именно— чисто нравственная сторона масонскаго ученія.

Вотъ нѣкоторые изъ главныхъ догматовъ этого ученія, взятые нами изъ «Нравоучительнаго Катихизиса истинныхъ Франкъ-Масоновъ», составленнаго извѣстнымъ нашимъ масономъ Ив. Вл. Лопухинымъ.

Истинный франкъ-масонъ долженъ отличаться духомъ христіанской любви къ Богу и къ ближнему, котораго ему надлежитъ любить не только какъ самаго себя, но больше себя. Онъ долженъ

видѣть братьевъ во всѣхъ людяхъ, безъ различія національности, вѣроисповѣданія и общественнаго положенія, и побуждать ихъ къ взаимной любви и помощи. Главное упражненіе франкъ-масоновъ должно заключаться въ молитвѣ, упражненіи своей воли въ исполненіи заповѣдей евангельскихъ и въ умерщвленіи чувствъ лишеніемъ того, что́ ихъ наслаждаетъ.

Они должны работать среди міра и въ томъ состояніи, къ которому каждый изъ нихъ призванъ. Искусство франкъ-масоновъ состоитъ въ наукѣ изученія тайнъ природы, пониманіе которыхъ доступно не всякому, а лишь избраннымъ, удостоившимся получить эту милость черезъ духовное возрожденіе. Эти избранные должны быть готовы къ перенесенію всякихъ лишеній. Они должны быть въ состояніи выносить жесточайшую боль, даже если-бы обладали способомъ излечивать всѣ болѣзни, и быть готовыми къ смерти во всякое время, имѣя возможность жить нѣсколько сотъ лѣтъ. Они должны быть готовы къ перенесенію величайшей бѣдности, обладая въ то же время способами производить громадныя богатства, превосходящія богатства всего міра; имѣя средство бесѣдовать съ ангелами, они должны оставаться въ глубочайшемъ невѣжествѣ, когда то угодно волѣ Божіей и считать себя менѣе всѣхъ на свѣтѣ, имѣя силу, равную Іисусу Навину и Иліи. Франкъ-масоны не должны питать къ кому либо ненависти. Эни должны любить враговъ, благословлять ихъ, молиться за нихъ и дѣлать имъ добро за зло, которое отъ нихъ получаютъ.

Еще лучше и полнѣе опредѣляется нравственная цѣль масонства однимъ опытнымъ масономъ (см. соч. Лонгинова стр. 60): «Масонство, говоритъ онъ, видитъ во всѣхъ людяхъ братьевъ, которымъ оно открываетъ свой храмъ, чтобы освободить ихъ отъ предразсудковъ ихъ родины и религіозныхъ заблужденій ихъ предковъ, побуждая людей къ взаимной любви и помощи. Оно никого не ненавидитъ и не преслѣдуетъ, и цѣль его можетъ опредѣлиться такъ: изгладить между людьми предразсудки кастъ, условныхъ различій происхожденія, мнѣній и національностей; уничтожить фанатизмъ и суевѣріе, искоренить международныя вражды и бѣдствія войны, посредствомъ свободнаго и мирнаго прогресса достигнуть закрѣпленія вѣчнаго и всеобщаго права, на основаніи котораго каждый человѣкъ призванъ къ свободному и полному развитію всѣхъ своихъ способностей, споспѣшествовать всѣми силами

общему благу и сдѣлать такимъ образомъ изъ всего человѣческаго рода одно семейство братьевъ, связанныхъ узами любви, познаній и труда».

Кромѣ вышеупомянутыхъ трехъ степеней въ масонствѣ были степени высшія, число которыхъ мѣнялось сообразно обрядамъ той или другой системы. Впослѣдствіи число нѣкоторыхъ изъ нихъ возросло до 33-хъ и даже до 90. Чрезмѣрно высокіе градусы были по большей части приманкою для людей тщеславныхъ, но полезныхъ ордену своимъ положеніемъ въ обществѣ. Въ высшихъ степеняхъ занимались алхиміей и работами умозрительными по философіи и теозофіи. Если направленіе ложи было практическое, то тутъ же производились работы и по такъ называемому «великому дѣлу».

Изъ того, что мы уже сказали, видно, что истинное масонство было очень далеко отъ какихъ либо политическихъ задачъ. Преслѣдуемыя имъ цѣли были чисто нравственнаго свойства, но такъ какъ самое понятіе о нравственности очень широко и неопредѣленно, а главное неопредѣленны тѣ средства, которыя нужны для достиженія цѣли, то неудивительно, что въ масонствѣ произошло разъединеніе. Оно выразилось въ отличіяхъ обрядовъ и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ ученія, принятаго тѣми или другими ложами... Кромѣ того, въ орденъ попало не мало людей, которые искали въ немъ средствъ для достиженія разныхъ политическихъ цѣлей. Такимъ характеромъ отличались преимущественно ложи французскія, напримѣръ, системы мартинистовъ, съ которыми русскіе массоны не имѣли ничего общаго. Еще дальше шли германскіе иллюминаты... Кромѣ этихъ системъ, нельзя не упомянуть еще о розенкрейцерской, въ высшихъ степеняхъ которой занимались преимущественно алхиміей. Особеннаго распространенія въ то время, къ которому относится нашъ разсказъ о Новиковѣ, въ Европѣ достигли двѣ системы: «система строгаго наблюденія» или «тампліерство», считавшее себя продолженіемъ храмоваго рыцарства и распространенное преимущественно въ Германіи, и «циннендорфство» или «система слабаго наблюденія», основанное Циннендорфомъ.

Какъ мы уже говорили, въ XVIII в. изъ за границы масонство перешло и къ намъ въ Россію;—когда именно оно явилось у насъ и кто былъ основателемъ его — достовѣрно неизвѣстно. Иные говорятъ, что будто бы Петръ I привезъ изъ за границы масонскій статутъ; по другимъ извѣстіямъ родоначальникомъ его

считаютъ генерала Кейта, родомъ англичанина, долго служившаго въ Россіи и въ 1747 году уѣхавшаго за границу. Въ 50-хъ годахъ въ Петербургѣ масонами являются нѣкоторые гвардейскіе офицеры изъ самыхъ знатныхъ фамилій. Они имѣли здѣсь и свою ложу. Вначалѣ масонство не носило у насъ серьезнаго характера. Оно было принято въ подражаніе европейской модѣ и занимало своихъ членовъ больше своею таинственностью и внѣшними обрядами, чѣмъ самой своей сущностью. Тѣмъ не менѣе и тогда уже наше правительство смотрѣло на масоновъ очень недружелюбно и зорко за ними слѣдило, а публика относилась къ нимъ съ большимъ предубѣжденіемъ: ихъ считали за еретиковъ, богохульниковъ, преданныхъ антихристу, считали, что они могутъ сноситься съ нечистой силою и пр. Болѣе серьезный характеръ масонство принимаетъ у насъ только съ 1772 года, когда гросмейстеръ англійскаго масонства утвердилъ извѣстнаго Ивана Перфильевича Елагина намѣстнымъ мастеромъ Петербургской провинціальной ложи. Елагинъ, принявшій такимъ образомъ систему англійскаго масонства, учредилъ нѣсколько подвѣдомственныхъ ему ложъ въ Петербургѣ и въ провинціи. Петербургскія масонскія ложи посѣщались многими высокопоставленными и выдающимися людьми того времени. Засѣданія въ нихъ велись открыто и могли быть посѣщаемы всѣми масонами вообще, къ какимъ бы ложамъ они не принадлежали. Скоро однакожъ масонство стало падать и принимать совсѣмъ новый характеръ. Такъ напримѣръ, при ложѣ «Уранія» заведено было нѣчто вродѣ клуба съ карточными играми, попойками и пр. Конечно, болѣе серьезные масоны были этимъ недовольны и желали, преобразовавъ масонскія собранія, возвысить ихъ нравственное значеніе. Съ этою цѣлью они стали искать новыхъ членовъ, которые могли бы имъ быть полезны своей дѣятельностью. Многіе изъ членовъ подвѣдомственныхъ Елагину ложъ были хорошо знакомы съ Новиковымъ и зная его энергію, умъ, благородство и человѣколюбіе, пожелали привлечь его въ свои члены. Мы уже говорили, въ какомъ тревожномъ душевномъ состояніи находился въ то время Новиковъ. Слыша о томъ, что въ орденѣ преслѣдуются возвышенныя религіозныя цѣли, онъ рѣшился вступить въ масонство, думая найти въ немъ опору для борьбы со своими сомнѣніями. Но онъ согласился вступить въ него однако на нѣкоторыхъ условіяхъ: во 1 хъ, онъ желалъ, чтобы отъ него не требовали при вступленіи присяги и дали ему право

выйти изъ братства, если онъ найдетъ въ стремленіяхъ его что либо противное своей совѣсти; во 2-хъ, онъ пожелалъ быть принятымъ прямо въ 3-ью степень. Уваженіе, которое уже съумѣлъ внушить къ себѣ Новиковъ, было столь велико, что его приняли на этихъ исключительныхъ условіяхъ. Новиковъ вступилъ въ ложу, называемую «Астрея», и ревностно отдался новой для него дѣятельности. Онъ не довольствовался посѣщеніемъ только своей ложи, а ходилъ и въ другія, что являлось вполнѣ возможнымъ, благодаря публичности масонскихъ засѣданій. Скоро онъ сошелся съ самыми замѣчательными масонами изъ ложъ, подвѣдомственныхъ Елагину, какъ напримѣръ съ Я. Ѳ. Дубянскимъ, В. В. Чулковымъ, Ал. Мих. Кутузовымъ, Ив. П. Тургеневымъ и др.

Наблюдая близко дѣятельность масонскихъ ложъ въ Петербургѣ, Новиковъ, искавшій прежде всего истины и разрѣшенія мучившихъ его сомнѣній, не удовлетворялся тѣмъ, что онъ въ нихъ находилъ. Съ одной стороны ему не нравилась внѣшняя сторона ихъ: наружный блескъ, пышные ужины и пирушки, которыми оканчивались собранія, и проч. Съ другой — онъ видѣлъ много путаницы и разрозненности въ ихъ ученіи. Не тѣмъ представлялось ему истинное масонство.

Поэтому онъ вмѣстѣ съ нѣсколькими болѣе близкими ему членами своей ложи сталъ искать, нѣтъ ли другихъ масонскихъ системъ, въ которыхъ было бы настоящее масонское ученіе. Вскорѣ прослышалъ онъ, что есть въ Петербургѣ ложа нѣкоего барона Рейхеля, въ которой хранится истинное масонство. Новиковъ и его друзья стали розыскивать Рейхеля, но его не оказалось—онъ находился въ Москвѣ, а въ Петербургѣ былъ лишь намѣстникъ его, Розенбергъ. Найдя Розенберга, Новиковъ и его товарищи стали просить его учредить имъ новую ложу по Рейхелевой системѣ. Розенбергъ исполнилъ ихъ желаніе и учредилъ имъ ложу съ тремя первыми или, какъ ихъ называли, іоанновскими степенями. Рейхель былъ послѣдователь «циннендорфской системы» или системы «слабаго наблюденія». Вскорѣ и Елагинскія ложи соединились съ Рейхелевыми. Но и послѣ перехода въ новую систему масонства Новиковъ не успокоился. Онъ былъ человѣкъ искренній, желалъ отдаться цѣликомъ новому ученію и найти въ немъ душевное успокоеніе, а между тѣмъ въ масонствѣ все еще происходили разныя перемѣны. Такъ, въ 1777 году князь Куракинъ вывезъ изъ Швеціи новую систему «строгаго наблюденія». Въ Пе-

тербургѣ открыта была ложа по этой системѣ и къ ней примкнуло нѣсколько ложъ Рейхелевой системы. Новиковъ не зналъ, кому и чему довѣрять. Онъ боялся быть увлеченнымъ хитростью въ общество, преслѣдующее какія нибудь недостойныя цѣли. Все это до такой степени его безпокоило, что однажды, разговаривая съ бар. Рейхелемъ, съ которымъ онъ познакомился по возвращеніи послѣдняго изъ Москвы, Новиковъ со слезами просилъ его объяснить ему признаки, по которымъ истинное масонство можно отличить отъ ложнаго. Въ его представленіи масонство было ученіемъ, которое путемъ самопознанія и духовнаго просвѣщенія вело кратчайшимъ путемъ къ нравственному исправленію. На это Рейхель отвѣчалъ ему, что всякое масонство, преслѣдующее политическія цѣли, есть ложное. Истинные масоны не проповѣдуютъ равенства и вольности; они не признаютъ того, что масоны могутъ покоряться страстямъ и порокамъ; они не предаются пиршествамъ и разврату. Главный признакъ масонства—стремленіе къ самоусовершенствованію по стезямъ христіанскаго нравоученія. Истинныхъ масоновъ очень мало; они не вербуютъ въ орденъ кого попало и скрываются, избѣгая столкновеній съ ложными масонами. которыхъ очень много.

Разговоръ этотъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Новикова и онъ сталъ послѣ этого относиться очень осторожно къ масонству другихъ системъ, а особенно къ шведскому, которому онъ просто не довѣрялъ.

Не смотря однако на всѣ колебанія и сомнѣнія, которыя испытывалъ Новиковъ по вступленіи своемъ въ масонство, главная и самая лучшая его сторона была для него ясна. Онъ глубоко проникся идеею нравственнаго самоусовершенствованія и христіанской любви къ ближнему и какъ человѣкъ, для котораго вѣрить значило дѣйствовать—началъ вскорѣ проводить эти идеи въ жизнь.

Съ этою цѣлью онъ основалъ въ сентябрѣ 1777 года ежемѣсячный журналъ «Утренній Свѣтъ», вся выручка съ котораго должна была идти на содержаніе сначала одного, а потомъ двухъ училищъ для бѣдныхъ дѣтей и сиротъ. Такимъ образомъ, Новиковъ началъ два дѣла сразу: проповѣдь религіозно-нравственныхъ идей и практическое дѣло помощи нуждавшимся въ просвѣщеніи. «Утренній Свѣтъ» былъ журналъ отвлеченно философскаго характера. Въ предисловіи къ нему говорится, что цѣль журнала

предлагать «врачеваніе и укрѣпленіе» душамъ соотечественниковъ и возвысить значеніе человѣческой личности, которая есть центръ міросданія.

Большая часть статей «Утренняго Свѣта» и прозаическихъ, и поэтическихъ были переводами изъ лучшихъ греческихъ, латинскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, французскихъ и шведскихъ писателей. Такъ напр. въ немъ были помѣщены переводы изъ сочиненій Платона, Плутарха, Ксенофонта, Сенеки, Виргилія, Юнга, Бекона, Паскаля, Виланда, Геснера и др. Изъ этихъ авторовъ журналъ черпалъ статьи философскія, нравственныя, педагогическія и поэтическія, причемъ ни одна изъ нихъ не выражала направленія журнала, которое уяснялось лишь изъ совокупности статей, выбранныхъ редакціей. Попадались въ журналѣ и статьи оригинальныя, но ихъ было меньше. Изъ числа этихъ статей многія носятъ отвлеченно-мистическій характеръ; въ нихъ указывается на ничтожность земной жизни, ей противополагается смерть, которая легче и лучше жизни. Однако, быть можетъ, без сознательное чувство мѣры не позволяло Новикову заходить слишкомъ далеко въ этомъ направленіи. Поэтому рядомъ со статьями, выражающими самый мрачный взглядъ на земную жизнь, читатель встрѣчаетъ тутъ цѣлый рядъ статей, восхваляющихъ природу и жизнь на лонѣ ея. Городу противуполагается деревня съ ея простотою и свободою. Жизнь людей среди природы описывается самыми восторженными красками, и описанія эти носятъ подчасъ сантиментально-идиллическій характеръ. Есть въ журналѣ статьи, направленныя противъ энциклопедистовъ и ихъ ученія. Послѣднему противупоставляется ученіе о безсмертіи души. Статей чисто масонскихъ въ узкомъ смыслѣ очень немного. Вообще все содержаніе журнала проникнуто философскимъ духомъ и уваженіемъ къ разуму и къ наукѣ. «Утренній Свѣтъ» является, такимъ образомъ, первымъ популярнымъ философскимъ журналомъ въ Россіи. Не смотря на свой отвлеченный характеръ, журналъ этотъ имѣлъ успѣхъ, что доказывается уже тѣмъ, что онъ выписывался въ 58 городахъ и мѣстечкахъ Россіи. Такому распространенію его способствовало отчасти то обстоятельство, что онъ былъ тѣсно связанъ съ училищами, основанными Новиковымъ. Журналъ поддерживалъ училища, а училища въ свою очередь поддерживали журналъ, такъ какъ многіе, желавшіе быть полез-

ными училищамъ, выписывали его, платя за него сумму большую, чѣмъ того требовала установленная подписная плата.

Вообще «Утренній Свѣтъ» съумѣлъ привлечь общество къ поддержанію училищъ. Онъ приглашалъ его къ пожертвованіямъ и къ принятію пансіонеровъ на свой счетъ. Имена всѣхъ жертвователей и количество пожертвованій печатались въ «Утреннемъ Свѣтѣ». Призывъ журнала не остался безъ отвѣта. Сотрудники его не брали платы за свой трудъ; генералъ-аудиторъ-лейтенантъ П. К. Хлѣбниковъ пожертвовалъ бумагу на годовое изданіе журнала, явились желающіе принять на свой счетъ пансіонеровъ; гофъ-фурьеръ Купреяновъ далъ для училища безденежно помѣщеніе въ своемъ домѣ; наконецъ являлось много жертвователей просто деньгами. Въ 1777 году было основано одно училище на 30 или на 40 человѣкъ при церкви Владимірской Божьей Матери, получившее потомъ названіе Екатерининскаго; а въ слѣдующемъ году явилась уже возможность открыть и другое училище—Александровское, и въ 1779 году въ обоихъ училищахъ обучалось 93 человѣка. Основывая училища, Новиковъ преслѣдовалъ не только благотворительныя, но и научно-педагогическія цѣли. Въ объявленіи объ учрежденіи Екатерининскаго училища говорится, что намѣренія учредителей заключаются не только въ обученіи бѣдныхъ дѣтей, но и въ заведеніи «порядочнаго и постояннаго училища, въ которомъ бы *наилучшимъ* и *кратчайшимъ* способомъ дѣти научались, приобыкали къ благонравію и заохочивались къ дальнѣйшему ученію для собственной своей и отечества своего пользы».

Новиковъ, управлявшій самъ всѣми дѣлами училищъ и принимавшій близко къ сердцу всѣ ихъ интересы, очевидно старался всѣми силами, чтобы ученики воспитывались въ религіозно-нравственномъ духѣ; онъ старался развивать въ нихъ чувства жалости, человѣколюбія и желаніе помочь ближнему.

Повидимому такое его стремленіе не оставалось безъ результатовъ. Такъ напр. извѣстенъ фактъ, что ученики отказались на цѣлый мѣсяцъ отъ завтрака и отъ ужина для того, чтобы помочь 50-ю рублями другимъ бѣднымъ.

Императрица Екатерина, знавшая конечно о существованіи «Утренняго Свѣта» и объ училищахъ, изъ которыхъ одно даже было названо въ честь ея «Екатерининскимъ», отнеслась и къ тому и къ другому очень холодно. Екатерина не любила масонства.

Новиковъ жилъ и работалъ въ Петербургѣ до 1779 года, а въ апрѣлѣ этого года переѣхалъ въ Москву. Переѣздъ этотъ произошелъ по слѣдующимъ обстоятельствамъ. Въ 1778 году Новиковъ познакомился и даже близко сошелся съ московскими масонами, княземъ Н. Н. Трубецкимъ и Мих. Матв. Херасковымъ, которые пріѣзжали въ Петербургъ по масонскимъ дѣламъ. Они стали убѣждать Новикова переѣхать въ Москву, а Херасковъ, получившій въ іюнѣ 1777 года званіе куратора московскаго университета, предлагалъ ему и дѣло, а именно: взять въ аренду университетскую типографію, которая была тогда въ очень жалкомъ положеніи и не давала почти дохода. Херасковъ полагалъ, что дѣло это вполнѣ соотвѣтствовало призванію Новикова. Съ другой стороны, онъ былъ увѣренъ, что въ рукахъ Новикова дѣла типографіи поправятся и она будетъ давать доходъ университету. Новикову понравилось это предложеніе. Онъ съѣздилъ въ Москву, познакомился лично съ дѣломъ и рѣшился принять предложеніе. Въ началѣ 79 года Петербургская ложа, въ которой Новиковъ былъ уже мастеромъ стула, закрылась, и онъ переѣхалъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Москву. Туда же вскорѣ перебрались и тѣ изъ петербургскихъ масоновъ, съ которыми Новиковъ болѣе всего сошелся: Кутузовъ, Чулковъ и Тургеневъ.

ГЛАВА IV.

Москва временъ Новикова.—Университетъ и его кураторъ Херасковъ.—Новиковъ беретъ въ аренду университетскую типографію.—Знакомство Новикова со Шварцемъ и просвѣтительная роль послѣдняго. „Дружеское ученое общество“.—Женитьба Новикова.—Планъ общенія русскаго масонства съ европейскимъ, на основаніяхъ равноправности.—Поѣздка Шварца за границу и ея вліяніе на дѣятельность Новикова.—„Переводческая семинарія“.—Указъ о вольныхъ типографіяхъ.—Смерть Шварца.—„Типографическая компанія“.—Расширеніе издательской дѣятельности Новикова.—Принципы, проводившіеся Новиковымъ въ издаваемыхъ имъ журналахъ.

Съ переѣзда Новикова въ Москву начинается новый и самый блестящій періодъ его дѣятельности. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣятельность эта могла принять столь широкіе размѣры именно только въ такомъ пунктѣ, какимъ была въ то время Москва.

Дѣло въ томъ, что съ перенесеніемъ двора въ Петербургъ, Москва почувствовала себя гораздо независимѣе и свободнѣе, чѣмъ прежде. Въ то время, какъ Петербургъ былъ средоточіемъ служилаго и придворнаго дворянства, являвшагося, благодаря своему положенію, вѣрнымъ отголоскомъ придворныхъ взглядовъ и направленій—Москва была центромъ, въ которомъ собиралось почти все богатое, независимое, неслужилое дворянство. По зимамъ въ ней жили почти всѣ богатые помѣщики центральныхъ нашихъ губерній. Они имѣли здѣсь свои дома и составляли многочисленный основной элементъ тогдашняго московскаго общества. Къ нему присоединялись лица, служившіе въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ: въ сенатѣ, въ разныхъ юстицъ, камеръ, мануфактуръ и прочихъ коллегіяхъ и учрежденіяхъ, а также и отставные, преимущественно военные, желавшіе послѣ недолгой службы отдохнуть и пожить на свободѣ въ свое удовольствіе. Наконецъ, во главѣ всего этого общества стояли знатные, родовитые дворяне, изъ которыхъ многіе были когда-то въ силѣ при дворѣ, а

потомъ попали въ опалу или ушли сами вслѣдствіе какихъ нибудь обидъ и неудовольствій. Кромѣ того въ Москвѣ имѣли дома и многіе изъ служившихъ въ Петербургѣ дворянъ. Они имѣли ихъ здѣсь на всякій случай, такъ какъ большинство считало свое пребываніе въ Петербургѣ временнымъ и смотрѣло на Москву, какъ на мѣсто отдохновенія. Здѣсь текла пестрая, шумная жизнь, въ которой сталкивались, нисколько другъ другу не мѣшая, всѣ крайности тогдашней русской жизни.

Съ другой стороны университетъ успѣлъ уже, не смотря на кратковременность своего существованія (25 лѣтъ), сгруппировать вокругъ себя людей, искавшихъ просвѣщенія, и завоевать симпатіи общества. Онъ выпустилъ изъ своихъ стѣнъ не мало образованныхъ людей, имена которыхъ пріобрѣли извѣстность, какъ имена даровитыхъ общественныхъ дѣятелей и преподавателей. Молодежь, побывавшая въ университетѣ, стала вносить въ жизнь любовь къ литературѣ и знаніямъ и устанавливать общеніе между университетомъ и обществомъ. Среди высшаго дворянства появились также истинно-просвѣщенные и гуманные люди. Вотъ эта-то группа образованныхъ людей, изъ которыхъ значительная часть принадлежала къ богатому и родовитому дворянству, и оказала Новикову поддержку въ его предпріятіяхъ и дала ему возможность развернуть свою дѣятельность во всей ея полнотѣ.

Управленіе Москвою сосредоточивалось въ то время въ рукахъ главнокомандующаго, князя Михаила Никитича Волконскаго, безмѣрно преданнаго Екатеринѣ и пользовавшагося въ свою очередь ея довѣріемъ.

Въ то время, когда Новикову пришлось впервые близко столкнуться съ университетомъ, послѣдній состоялъ изъ слѣдующихъ частей:

1) Три факультета университетскихъ курсовъ: юридическій, медицинскій и философскій.

2) Двѣ гимназіи, въ которыхъ молодые люди готовились къ университету: дворянская и разночинская.

3) Вольное Россійское собраніе. Это было учено-литературное общество, основанное въ 1771 г. по мысли куратора Меллисино.

4) Типографія, учрежденная въ 1756 году, и при ней словолитня. Она помѣщалась въ зданіи, принадлежавшемъ университету, близъ Воскресенскихъ воротъ, и управлялась чиновникомъ по назначенію университетскаго начальства.

5) Книжная лавка, существовавшая тоже съ 1756 года и помѣщавшаяся въ зданіи, принадлежавшемъ университету на Моховой.

6) Редакція «Московскихъ Вѣдомостей», основанная одновременно съ типографіей и книжной лавкой.

7) Кромѣ того университетъ имѣлъ библіотеку, разные кабинеты и ученыя пособія, состоявшія въ вѣдѣніи профессоровъ и преподавателей.

Куратором университета былъ въ то время, какъ мы уже говорили, извѣстный писатель Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ.

Главнымъ куратором со времени основанія университета былъ знаменитый покровитель просвѣщенія Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Въ то время, когда Новиковъ пріѣхалъ въ Москву, Шуваловъ жилъ въ Петербургѣ, откуда онъ однако съ большимъ вниманіемъ постоянно слѣдилъ за своимъ дѣтищемъ-университетомъ.

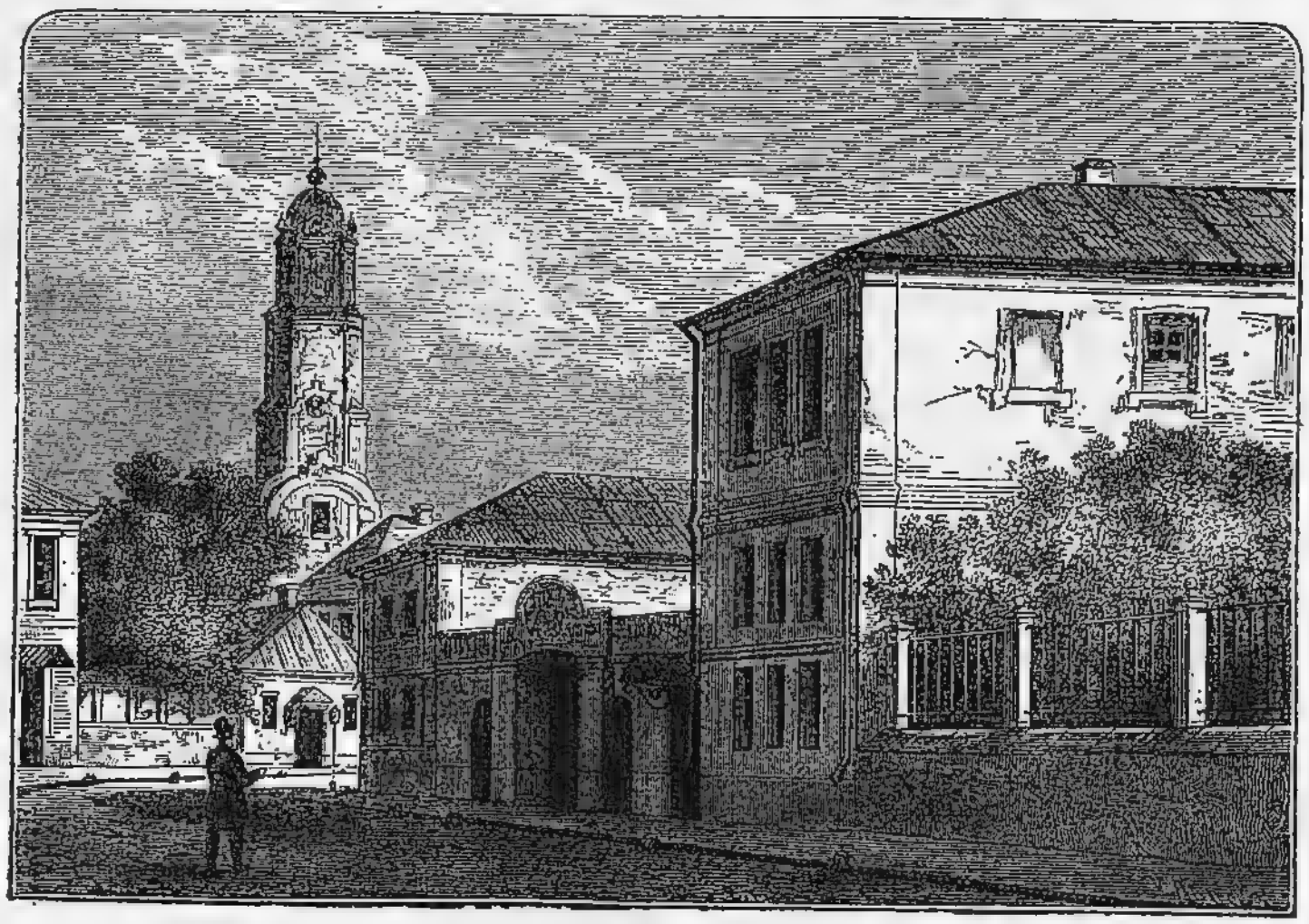
Должности ректора въ то время въ университетѣ не было, а былъ директоръ, должность котораго занималъ М. Вас. Приклонскій.

Лучшаго выбора для куратора, какъ выборъ М. М. Хераскова, нельзя было сдѣлать. Этотъ просвѣщенный человѣкъ сталъ съ молодыхъ лѣтъ собирать вокругъ себя все, что было лучшаго и наболѣе образованнаго въ московскомъ обществѣ. Имѣя большія связи въ высшемъ, богатомъ кругу, онъ пользовался ими для того, чтобы помогать бѣднымъ молодымъ людямъ оканчивать образованіе и зарабатывать честнымъ образомъ хлѣбъ. Однимъ онъ доставлялъ мѣста и полезныя знакомства, другихъ поощрялъ въ занятіяхъ переводами и писательствомъ, третьимъ печаталъ труды и т. д. Жена его, тоже образованная по своему времени женщина, во всемъ содѣйствовала мужу, и домъ Херасковыхъ былъ гостепріимно открытъ для всѣхъ, кто искалъ сочувствія и поддержки въ стремленіяхъ къ высшимъ интересамъ.

Вступивъ въ должность куратора, Херасковъ немедленно приступилъ къ нѣкоторымъ преобразованіямъ и нововведеніямъ въ университетѣ въ либерально-просвѣщенномъ духѣ. Найдя университетскую типографію въ крайне запущенномъ состояніи и желая сдѣлать ее съ одной стороны полезной въ смыслѣ просвѣтительномъ, а съ другой—доходной для университета, Херасковъ, какъ уже было сказано, предложилъ ее Новикову. По контракту, заключенному между университетомъ и Новиковымъ, послѣднему отдава-

лась типографія на 10 лѣтъ съ уплатою 4.500 р. въ годъ. Вмѣстѣ съ нею въ его вѣдѣніе поступали университетская книжная лавка и изданіе «Московскихъ Вѣдомостей».

Переселившись въ Москву, Новиковъ помѣстился въ томъ самомъ домѣ, гдѣ была типографія, чтобы быть къ ней поближе. Типографію онъ нашелъ въ крайне плачевномъ видѣ. Шрифтовъ имѣлось мало, рабочіе были избалованы, лѣнились и часто пьянствовали; поэтому, при маломъ количествѣ заказовъ, типографія



Масонскій домъ въ Москвѣ.

почти не имѣла доходовъ. Нужно было большое мужество, чтобы взять дѣло въ такомъ положеніи.

Новиковъ сталъ тотчасъ-же приводить все въ порядокъ: пополнять, чего не хватало, выписывая для этого даже нѣкоторыя вещи изъ за границы. Въ то же время, чтобы типографія не оставалась безъ работы, онъ началъ печатать, что было возможно при наличности имѣвшихся уже матеріаловъ.

Дѣла книжной лавки стояли тоже очень плохо. Чтобы поднять ея торговлю, Новиковъ вошелъ въ сношеніе съ коммиссіонерами въ Петербургѣ, въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ и условился отдавать имъ книги съ уступкою и съ разсрочкою платежа.

Характеръ издательской дѣятельности Новикова опредѣлился тотчасъ-же, какъ только онъ взялся за дѣло. Чтобы пріобрѣсти покупателей, онъ долженъ былъ печатать и книги легкаго, беллетристическаго содержанія; но главное его вниманіе было обращено на книги научнаго характера и учебники, такъ какъ цѣль его издательства была просвѣтительная. Къ тому же, какъ человѣкъ, проникнутый религіозно-нравственными идеями, онъ издавалъ научныя сочиненія по преимуществу проникнутыя этими идеями.

Въ то-же время Новиковъ началъ завязывать знакомства съ московскими масонами, а также съ людьми, которые покровительствовали просвѣщенію и могли быть ему полезны въ его дѣятельности. Въ этомъ ему много способствовалъ Херасковъ.

Однимъ изъ первыхъ его знакомствъ въ Москвѣ было знакомство съ княземъ Ю Н. Трубецкимъ. Съ братомъ его Николаемъ Никитичемъ Новиковъ познакомился еще въ Петербургѣ и теперь только возобновилъ это знакомство. Трубецкіе были просвѣщенными людьми своего времени и жили открыто. У нихъ собирались литераторы, художники, путешественники и вообще всѣ выдававшіеся люди въ области науки, искусства и литературы.

Затѣмъ въ августѣ 1779 года Новиковъ познакомился съ человѣкомъ, который, сдѣлавшись его другомъ и товарищемъ во всѣхъ его предпріятіяхъ, оказалъ огромное вліяніе, какъ на самого Новикова, такъ и на остальныхъ его друзей. Человѣкъ этотъ, оставившій глубокій и плодотворный слѣдъ въ исторіи русскаго просвѣщенія, былъ нѣмецъ Иванъ Григорьевичъ Шварцъ.

Шварцъ былъ человѣкъ скромнаго происхожденія, родомъ трансильванецъ. Онъ посвятилъ себя съ юности ученой дѣятельности. Въ то время въ Европѣ стали говорить о быстромъ движеніи Россіи по пути умственнаго и гражданскаго развитія. Шварцъ, подобно многимъ другимъ европейцамъ, заинтересовался этою страною, а также личностью Новикова, объ которомъ тоже много говорили, какъ объ издателѣ «Вивліоѳики», откуда почерпались документы къ изученію Россіи. Въ 1776 году князь Ив. С. Гагаринъ, путешествуя за границей, познакомился со Шварцемъ и предложилъ ему ѣхать въ Россію въ качествѣ воспитателя въ семейство друга своего Ал. Мих. Рахманова, жившаго въ Могилевѣ. Шварцъ принялъ это предложеніе. Въ 1779 году Рахмановъ умеръ и Шварцъ перебрался въ Москву. За время пребыванія своего въ Россіи онъ успѣлъ хорошо выучиться русскому языку, полюбилъ

Россію и рѣшился остаться въ ней, посвятивъ себя педагогическому поприщу. Пріѣхавъ въ Москву, онъ, по стараніямъ Хераскова, получилъ мѣсто профессора нѣмецкаго языка при университетѣ и тогда познакомился съ Новиковымъ.

Шварцъ, какъ и Новиковъ, былъ масонъ. Онъ вступилъ въ масоны вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ Россію и даже основалъ ложу въ Могилевѣ. Однако въ первое время знакомства между Новиковымъ и Шварцемъ не заходило разговоровъ о масонствѣ. Отчасти это происходило потому, что каждый изъ нихъ былъ занятъ постановкою своего ближайшаго практическаго дѣла, а отчасти еще и потому, что Шварцъ принадлежалъ къ масонамъ «строгаго наблюденія», т. е. къ системѣ, которой Новиковъ не сочувствовалъ и о которой естественно не желалъ поднимать вопроса.

Въ сентябрѣ 1779 года Шварцъ началъ читать лекціи въ университетѣ. Онъ былъ необыкновенно талантливый преподаватель и имѣлъ даръ не только увлекать слушателей своимъ предметомъ и заставлять ихъ работать, но и привязывать къ себѣ, вліяя на нихъ въ нравственномъ отношеніи.

Университетская конференція, видя талантливость Шварца, поручила ему составленіе нѣкоторыхъ учебниковъ и изслѣдованіе недостатковъ въ существовавшихъ тогда системахъ преподаванія. Шварцъ сталъ писать проэкты, которые всѣми восхвалялись, но осуществить которые не было возможности. Прежде всего у насъ ощущался недостатокъ въ преподавателяхъ вообще; еще менѣе было хорошихъ преподавателей. Требовалось ихъ создать. Въ виду этого Шварцъ представилъ проэктъ объ образованіи при университетѣ учительской или педагогической семинаріи. Самъ онъ для этой цѣли пожертвовалъ университету 5000 р. денегъ и много книгъ. Конференція, согласившись съ его проэктомъ, рѣшилась ассигновать на это дѣло проценты съ капитала Демидова, пожертвованнаго на образованіе шести учителей изъ студентовъ. Къ этой суммѣ примкнули и другія пожертвованія лицъ, сочувствовавшихъ дѣлу просвѣщенія, и между прочимъ Новикова.

Такимъ образомъ въ ноябрѣ 1779 г. была открыта педагогическая семинарія, инспекторомъ которой былъ назначенъ Шварцъ.

Кромѣ того въ это же время Шварцъ, сблизившійся уже съ Новиковымъ, задумалъ вмѣстѣ съ нимъ основать общество, которое оказывало-бы всевозможную поддержку истинному просвѣще-

нію въ Россіи. Общество это, извѣстное впослѣдствіи подъ именемъ «Дружескаго ученаго общества», должно было имѣть цѣлью издавать на свой счетъ полезныя книги, оригинальныя и переводныя, давать молодымъ людямъ возможность оканчивать курсъ въ Россіи, а также отправлять ихъ для серьезнаго образованія за границу, выписывать способныхъ учителей изъ за границы и по возможности воспитывать русскихъ преподавателей. Это тогда еще очень скромное общество, обладавшее самыми незначительными средствами, существовало вначалѣ больше въ видѣ плановъ и намѣреній небольшаго числа сочувствующихъ лицъ, нежели въ дѣйствительности. Тѣмъ не менѣе въ концѣ 1779 г. Новиковъ и его друзья, твердо увѣренные въ успѣхѣ своего дѣла, вошли уже въ сношенія съ епархіальными начальствами о присылкѣ въ университетъ изъ семинарій способныхъ учениковъ, которыхъ они брались содержать на свой счетъ.

Въ то же время Новиковъ и Шварцъ старались всѣми силами объ увеличеніи своего кружка. Они распространяли объ немъ слухи въ обществѣ, заводили полезныя для нихъ знакомства, группировали вокругъ себя молодежь и добились, — хотя многіе считали ихъ мечтателями, а мечты ихъ неосуществимыми, — мало по малу сочувствія и уваженія въ обществѣ и даже покровительства новаго главнокомандующаго Москвы, князя Долгорукова-Крымскаго, смѣнившаго князя Волконскаго. А въ 1781 году обоимъ друзьямъ удалось наконецъ организовать задуманное ими дѣло на прочныхъ началахъ. Случилось это, благодаря тому обстоятельству, что Шварцу удалось привлечь къ дѣлу извѣстнаго въ то время богача Петра Алексѣевича Татищева, который употребилъ впослѣдствіи значительную часть своего состоянія на цѣли, указанныя ему Шварцемъ. П. А. Татищевъ былъ сынъ извѣстнаго генералъ-полиціймейстера при императрицѣ Елизаветѣ,—Алексѣя Даниловича Татищева, оставившаго о себѣ память, какъ о человѣкѣ рѣшительномъ, суровомъ и безчеловѣчномъ. Особенно онъ прославился изобрѣтеніемъ клеймленія лицъ преступниковъ.

Петръ Алексѣевичъ пошелъ не въ отца... Познакомившись съ нимъ, Шварцъ съумѣлъ такъ заинтересовать его своими планами и надеждами и вмѣстѣ съ тѣмъ внушить такое довѣріе къ собственному безкорыстію, что Татищевъ рѣшился сдѣлаться членомъ его кружка. Примѣръ Татищева подѣйствовалъ ободряющимъ

образомъ и на другихъ любителей просвѣщенія, и пожертвованія полились щедрою рукою. Такимъ образомъ, «Дружеское Ученое Общество», возникшее въ небольшомъ кружкѣ, получило наконецъ прочное основаніе и могло расширить свою дѣятельность. Оффиціально оно не было открыто еще и теперь, но число пансіонеровъ его немедленно увеличилось и литературная дѣятельность оживилась.

Новиковъ, успѣвшій уже къ концу 1780 г. довести свою типографію до такого состоянія, что, по мнѣнію Шварца, она не уступала заграничнымъ, выпустилъ, въ теченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ, нѣсколько элементарныхъ руководствъ для первоначальнаго обученія и много книгъ духовно-нравственнаго содержанія, изъ которыхъ едва-ли не болѣе половины были переводы съ иностранныхъ языковъ, сдѣланные молодыми людьми, только что окончившими университетъ.

Содержаніе «Московскихъ Вѣдомостей» стало гораздо живѣе и интереснѣе, благодаря приливу новыхъ сотрудниковъ, а также и тому, что Новиковъ сталъ выписывать интересныя періодическія изданія, изъ которыхъ черпались разныя извѣстія и новости. Кромѣ того, онъ сталъ давать къ нимъ съ 1780 года «Прибавленія», продолжавшіяся до 1789 года. Кажется, въ этомъ-же 1780 году онъ основалъ при своемъ книжномъ магазинѣ первую библіотеку для чтенія въ Москвѣ.

Шварцъ былъ во всемъ дѣятельнымъ помощникомъ Новикова. Онъ указывалъ ему книги для перевода, рекомендовалъ переводчиковъ, просматривалъ переводы ихъ и пр.

Въ 1781 году Новиковъ такъ расширилъ свое типографское дѣло, что къ концу его, количество книгъ, отпечатанныхъ имъ менѣе чѣмъ въ три года, превышало количество книгъ, отпечатанныхъ съ основанія типографіи до перехода ея въ его руки.

Въ 1781 г. Новиковъ женился на родственницѣ князя Н. Н. Трубецкаго — Александрѣ Егоровнѣ Римской-Корсаковой, получившей образованіе въ С.-Петербургскомъ училищѣ благородныхъ дѣвицъ. Отъ этого брака у него былъ одинъ сынъ и двѣ дочери. Мы уже говорили, что въ первый годъ своей дѣятельности въ Москвѣ Новиковъ не могъ предаваться масонской дѣятельности въ тѣсномъ смыслѣ, по причинѣ массы занятій, связанныхъ съ устройствомъ типографіи. Но, какъ только дѣла типографіи пришли въ порядокъ, Новиковъ обратился къ занятіямъ по

масонству, съ главными адептами котораго въ Москвѣ онъ былъ уже знакомъ.

Въ Москвѣ, какъ мы уже говорили, существовало нѣсколько масонскихъ ложъ, изъ которыхъ главными были: открытая въ 1776 года ложа князя Н. Трубецкаго и учрежденная въ концѣ 70-хъ годовъ ложа «Трехъ Знаменъ» Татищева. Повидимому Татищевъ, до встрѣчи своей со Шварцемъ, относился очень холодно къ своей должности Намѣстнаго Мастера, и занятія въ его ложѣ велись не серьезно, вращаясь главнымъ образомъ вокругъ внѣшнихъ формъ и обрядовъ. Въ 1779 г. въ Москвѣ сошлись князь Трубецкой, Новиковъ и Шварцъ, бывшіе потомъ главными дѣятелями въ московскомъ масонствѣ. Всѣ трое были масонами разныхъ системъ; но это не помѣшало имъ слиться и образовать, по идеѣ Новикова, въ концѣ 1780 года, новую ложу подъ именемъ «Гармоніи». Кромѣ трехъ вышеуказанныхъ членовъ, къ ней примкнули еще 5 человѣкъ: М. М. Херасковъ, князь А. А. Черкасскій, И. П. Тургеневъ, князь Энгалычевъ и А. А. Кутузовъ. Ложа эта была тайною. Основатели ея положили—оставить въ сторонѣ всѣ второстепенные вопросы и, слившись во едино, стараться привлечь къ себѣ возможно большее число надежныхъ членовъ, а затѣмъ уже принять мѣры къ окончательному устройству своей системы и къ своему признанію въ масонскомъ мірѣ. Члены ея назвали себя братьями «внутренняго ордена», какъ бы желая выразить этимъ, что они будутъ придерживаться только коренныхъ догматовъ Общества, составляющихъ внутренній смыслъ масонства, общій для всѣхъ системъ. Формальныхъ собраній «Гармонія» не имѣла; члены ея сходились только для совѣщаній о томъ, какъ установить ее на прочныхъ основаніяхъ и достигнуть высшихъ масонскихъ степеней. Къ «Гармоніи» вскорѣ присоединился и Татищевъ. Такимъ образомъ въ 1781 году масонство въ Москвѣ представляло слѣдующую картину: ложи, существовавшія прежде, продолжали свои работы, слѣдуя разнымъ системамъ, и были разрознены; но въ каждой системѣ нашлось нѣсколько вліятельныхъ, энергичныхъ людей, которые соединились между собой въ «Гармоніи», съ тѣмъ, чтобы оставивши въ сторонѣ всѣ пререканія по второстепеннымъ деталямъ, отдаться исключительно вопросамъ о сліяніи всѣхъ существующихъ ложъ въ одинъ правильно организованный союзъ, кото-

рый бы входилъ полноправнымъ членомъ въ общеніе съ европейскимъ масонствомъ.

Предсѣдательствовали въ «Гармоніи» Татищевъ и Новиковъ. Татищевъ потому, что былъ Намѣстнымъ Мастеромъ системы «строгаго наблюденія», къ которой принадлежало большинство членовъ «Гармоніи», а Новиковъ—какъ наиболѣе вліятельный изъ масоновъ, не принадлежавшихъ къ этой системѣ.

Въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, какъ мы уже говорили, въ Европѣ получило особенное вліяніе масонство системы «строгаго наблюденія». Оно было признано почти всѣми германскими ложами и пріобрѣло сочувствіе герцога Фердинанда Брауншвейгскаго. Значеніе этой системы признавали масоны всѣхъ оттѣнковъ, за исключеніемъ Швеціи, а также и Россіи, которая еще не пріобрѣла чести считаться самостоятельною масонскою провинціею и считалась подчиненной Швеціи. Въ концѣ 1779 г. глава шведскаго масонства, герцогъ Зюдермарландскій, совершилъ самовольный поступокъ, возмутившій противъ него всѣхъ масоновъ, въ томъ числѣ и русскихъ, ему подчиненныхъ. Они тогда же пожелали отложиться отъ него и пріобрѣсти въ Европѣ значеніе самостоятельной единицы.

Весною 1781 года Шварцъ отправлялся за границу и предложилъ членамъ «Гармоніи» выдать ему полномочія для сношенія съ Берлинскими масонами, работавшими по системѣ «строгаго наблюденія». Предложеніе это было принято, и Шварцу дана довѣренность на открытіе высшихъ степеней масонства.

Мы не будемъ излагать подробностей путешествія Шварца и сношеній его съ заграничными масонами. Скажемъ только о результатахъ его поѣздки. При помощи принца Фердинанда Брауншвейгскаго, который очень любезно его принялъ, онъ достигъ того, что русское масонство было признано вполнѣ независимою, самостоятельною провинціею въ масонскомъ мірѣ. Кромѣ того онъ привезъ право на основаніе въ Москвѣ ордена розенкрейцеровъ («Злато-розоваго креста»), имѣвшаго масонскія формы, но въ который могли быть принимаемы лишь немногіе избранные. Организація эта была высшая. Но наибольшее значеніе поѣздка Шварца имѣла для Новикова: Шварцъ устроилъ ему сношенія со многими учеными центрами Германіи и особенно съ Лейпцигомъ, чѣмъ оказалъ большое содѣйствіе оживленію торговли иностранными книгами, продажа которыхъ была заведена еще раньше въ книжной лавкѣ.

По возвращеніи въ Москву, Шварцъ засталъ въ ней перемѣну, имѣвшую большое значеніе для членовъ «Дружескаго Ученаго Общества». Главнокомандующій Москвы, князь Долгоруковъ-Крымскій умеръ и на мѣсто его назначенъ былъ графъ Чернышевъ, человѣкъ честный и большой покровитель просвѣщенія. Изъ людей, которыми онъ себя вскорѣ окружилъ, многіе были масонами и членами «Дружескаго Ученаго Общества». Нѣкоторые изъ нихъ состояли даже у него на службѣ. Такъ напримѣръ, Ив. П. Тургеневъ служилъ у него генеральсъ-адъютантомъ. Въ то же время въ число масоновъ и членовъ «Др. Об.» вскорѣ вступило еще два человѣка, служившіе подъ начальствомъ гр. Чернышева: правитель его канцеляріи Семенъ Ив. Гамалѣя и Ив. Влад. Лопухинъ, назначенный графомъ Чернышевымъ сначала совѣтникомъ, а потомъ предсѣдателемъ московской уголовной палаты.

Имена этихъ людей на всю жизнь остались тѣсно связанными съ именемъ Новикова и его кружка. С. Ив. Гамалѣя былъ малороссъ. Онъ учился въ Кіевской духовной академіи; началъ службу во флотѣ, а потомъ былъ правителемъ канцеляріи у гр. Чернышева сначала въ Бѣлоруссіи, во время его управленія, а потомъ въ Москвѣ. Гамалѣя отличался глубоко-религіознымъ направленіемъ ума, высокой честностью и необыкновенной добротою. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, о которыхъ говорятъ, что они «не отъ міра сего». Матеріальныя блага не имѣли для него никакого значенія. Такъ, во время службы его въ Бѣлоруссіи, ему было пожаловано въ награду за усердную службу 300 душъ крестьянъ. Гамалѣя отказался отъ нихъ, говоря, что и съ одною своею душою не знаетъ что дѣлать, а какъ же управиться съ 300 чужихъ душъ. Въ Москвѣ его обокралъ разъ слуга на 500 рублей и бѣжалъ. Когда укравшаго поймали и привели къ Гамалѣѣ, тотъ сказалъ ему: «видно мнѣ не суждено имѣть людей; отпускаю тебя. Вотъ деньги, которыя ты взялъ, ступай съ Богомъ». Гамалѣя познакомился съ Новиковымъ и Шварцемъ еще раньше перехода своего на службу въ Москву, во время случайной туда поѣздки. Переселившись въ Москву совсѣмъ, онъ еще болѣе сблизился съ ними и сталъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ членовъ ихъ кружка. Его наклонности къ религіозному мистицизму и къ филантропіи нашли себѣ здѣсь полное удовлетвореніе. Какъ человѣкъ бѣдный, Гамалѣя не могъ быть конечно полезенъ Новиковскому кружку съ матеріальной стороны;

но за то онъ приносилъ Обществу свою дѣятельность и свою нравственную силу. Онъ зналъ хорошо языки: нѣмецкій, латинскій и нѣкоторые восточные, очень много переводилъ и вообще помогалъ Обществу въ его литературныхъ предпріятіяхъ. Затѣмъ Гамалѣя клалъ очень много трудовъ и заботъ на то, чтобы проложить въ жизни путь молодымъ людямъ, которые учились на счетъ «Дружескаго Общества». Онъ пріискивалъ имъ мѣста, доставлялъ работу, слѣдилъ за направленіемъ ихъ дѣятельности и т. д. Наконецъ Гамалѣя пользовался такимъ уваженіемъ въ обществѣ, что уже одно имя его возвышало въ глазахъ всѣхъ то предпріятіе, съ которымъ оно было связано.

Что касается Ив. Вл. Лопухина, то онъ принадлежалъ къ знатной и богатой фамиліи. Онъ былъ внукъ двоюроднаго брата первой супруги Петра I, царицы Евдокіи Ѳедоровны. Въ ранней молодости Лопухинъ былъ вольнодумцемъ, но потомъ раскаялся въ своихъ заблужденіяхъ. Прочитавъ изслѣдованіе Сен-Мартеня «О заблужденіяхъ и истинѣ» и книгу Арндта «Объ истинномъ христіанствѣ», Лопухинъ такъ проникся этими сочиненіями, что рѣшился вступить на путь масонства. Вскорѣ по возвращеніи Шварца изъ за границы онъ познакомился съ нимъ и съ Новиковымъ и сдѣлался тоже однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ московскаго масонства и «Дружескаго Ученаго Общества».

Лопухинъ помогалъ Обществу и деньгами, и своими многочисленными литературными работами, какъ переводными, такъ и оригинальными. Кромѣ того онъ приносилъ много пользы своими связями и своимъ общественнымъ положеніемъ. Лопухинъ былъ тоже очень добрый и великодушный человѣкъ. Сдѣлавшись предсѣдателемъ уголовной палаты, онъ стремился всегда къ облегченію участи преступниковъ и осмѣливался держаться во многихъ случаяхъ своего отдѣльнаго мнѣнія по этому поводу.

Съ возвращеніемъ Шварца изъ за границы и съ поступленіемъ новыхъ членовъ, дѣятельность «Дружескаго Ученаго Общества» сильно оживилась. Рѣшено было расширить до наибольшей степени изданіе и распространеніе книгъ. Но русскихъ сочиненій было мало, а книги на иностранныхъ языкахъ находили небольшой сбытъ. Надо было увеличить количество переводчиковъ. Къ этому дѣлу рѣшено было привлечь юношество, обучавшееся въ университетѣ. Съ одной стороны это должно было давать ему честный заработокъ, а съ другой — могло подвинуть

впередъ дѣло просвѣщенія. Но такъ какъ и среди студентовъ хорошо переводить могли лишь немногіе, по незнанію языковъ, то рѣшено было основать при университетѣ «Переводческую Семинарію», въ которой молодые люди должны были обучаться языкамъ на счетъ «Др. Общ.» Главнокомандующій одобрилъ этотъ проэктъ, и среди служащихъ университета онъ тоже нашелъ сочувствіе. Такимъ образомъ, въ іюнѣ 1782 года основалась Переводческая Семинарія на 16 человѣкъ, изъ которыхъ шестерыхъ бралъ на свое иждивеніе Татищевъ, а 10 остальныхъ—прочіе члены «Др. Общества». Число студентовъ въ основанной въ 1779 г. Педагогической Семинаріи возросло въ этомъ году до 30 чел., на содержаніе которыхъ отпускалось по 100 р. на каждаго. Для помѣщенія семинаристовъ Обществомъ былъ купленъ на имя Шварца домъ. Просвѣтительные планы «Др. Общества» совпали въ это время съ планами нашего правительства. Такъ, 7-го сентября 1782 г., появился указъ объ учрежденіи Коммиссіи Народныхъ Училищъ, подъ предсѣдательствомъ гр. Завадовскаго. Для организаціи этихъ школъ былъ выписанъ спеціалистъ по этой части, ученый сербъ Янковичъ де Миріево.

Въ это же время члены «Друж. Уч. Общества» стали хлопотать объ оффиціальномъ утвержденіи своего общества. Для этого они обратились съ формальною просьбою чрезъ оберъ-полицмейстера къ главнокомандующему и къ архіепископу московскому Платону. Въ октябрѣ было получено разрѣшеніе главнокомандующаго и благословеніе Платона на открытіе публичныхъ засѣданій «Дружескаго Общества».

6-го ноября 1782 г. происходило первое торжественное публичное засѣданіе общества въ обширной залѣ Татищевскаго дома. Въ числѣ публики былъ и главнокомандующій.

Въ то время, когда все, кажется, сулило успѣхъ и процвѣтаніе предпріятію Новикова и Шварца, надъ головою послѣдняго стали скопляться непріятности, которыя, постепенно увеличиваясь, заставили его наконецъ выдти изъ университета и были отчасти причиною его преждевременной смерти.

Освободившись отъ обязательныхъ занятій, Шварцъ сталъ ревностнѣе чѣмъ прежде заниматься масонскими дѣлами. Основавъ орденъ Розенкрейцеровъ въ Россіи, онъ скоро объявилъ его членамъ, что по полученнымъ имъ извѣстіямъ изъ Берлина они скоро будутъ зачислены въ тамошній капитулъ, но что для этого надо послать

прошеніе въ Берлинъ. Новиковъ, относившійся недовѣрчиво къ неизвѣстнымъ ему заграничнымъ масонскимъ ложамъ, колебался подавать прошеніе и спрашивалъ у Шварца о цѣляхъ заграничнаго братства и нѣтъ ли въ нихъ чего нибудь противнаго христіанской вѣрѣ и правительственной власти. Шварцъ увѣрилъ его въ противномъ и говорилъ, что тайны Розенкрейцерскаго ученія ведутъ кратчайшимъ путемъ къ познанію Бога, человѣка и природы. Тогда Новиковъ отдалъ ему прошеніе отъ себя, а также отъ своего брата Алексѣя Ивановича, отъ Гамалѣи, Лопухина, Тургенева, Кутузова и Чулкова. Кромѣ того прошенія подали князья Трубецкіе, князь Черкасскій, князь Энгалычевъ. Весной 1783 года изъ Берлина пришло извѣстіе, что члены, подавшіе прошеніе, зачислены въ Розенкрейцерское братство и что управленіе московскимъ отдѣломъ поручено Шварцу. Тутъ кстати будетъ замѣтить, что за послѣднее время между Новиковымъ и Шварцемъ возникали частыя недоразумѣнія и явилось даже нѣкоторое охлажденіе въ отношеніяхъ изъ за масонства. Шварцъ упрекалъ Новикова, что тотъ слишкомъ холодно относится къ масонскимъ дѣламъ. А Новиковъ съ своей стороны удерживалъ Шварца отъ излишнихъ увлеченій высшими степенями и заграничными системами. Новиковъ дѣйствительно относился холоднѣе другихъ къ масонскимъ упражненіямъ, во 1-хъ потому, что занятъ былъ типографскими и издательскими дѣлами; а затѣмъ онъ всегда и раньше относился не только холодно, но даже враждебно ко всевозможнымъ масонскимъ обрядамъ и формамъ. Для него была важна сущность масонства, его идея. Проникнувшись ею, онъ старался всевозможными путями провести ее въ жизнь и въ этомъ находилъ свое удовлетвореніе.

1783 годъ былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ періодовъ дѣятельности «Дружескаго ученаго общества». Засѣданія его велись публично. На нихъ, кромѣ денежныхъ отчетовъ, читались письма, получаемыя обществомъ, разные педагогическіе проэкты, произносились назидательныя рѣчи и пр. Число воспитанниковъ въ двухъ семинаріяхъ—педагогической и переводческой—достигало 50 человѣкъ. Пожертвованія дѣлались въ такомъ изобиліи, что, кромѣ изданія полезныхъ книгъ и содержанія семинаристовъ, часть денегъ могла быть удѣляема на филантропическія дѣла, какъ напр. на устройство больницы для бѣдныхъ. Кромѣ всего этого, общество получило возможность, благодаря указу прави-

тельства о вольныхъ типографіяхъ, съ января 1783 г. расширить свою типографскую и издательскую дѣятельность. До 1783 г. типографіи принадлежали исключительно правительству и существовали при казенныхъ учрежденіяхъ; а 15 января 1783 г. вышелъ указъ, которымъ правительство, озабоченное въ то время тоже вопросомъ о просвѣщеніи, разрѣшало заводить типографіи каждому, кто захочетъ. Вслѣдствіе этого въ столицахъ открылось постепенно много типографій. Формальности, необходимыя при печатаніи книгъ, не были строго опредѣлены. Въ столицахъ правила цензуры возлагались на управу благочинія, а въ провинціяхъ—на мѣстныя полицейскія власти. Но объ нихъ не было дано никакихъ спеціальныхъ инструкцій. На заглавномъ листѣ книги выставлялась только общая форма: «печатано въ такой-то типографіи, въ такомъ-то году, съ указнаго дозволенія». «Друж. Об.» не замедлило воспользоваться этимъ указомъ. До сихъ поръ оно имѣло возможность печатать книги, признаваемыя имъ полезными, лишь въ университетской типографіи. Но Новиковъ долженъ былъ въ ней печатать и много вещей, чуждыхъ цѣлямъ общества, отчасти по оффиціальнымъ порученіямъ, а отчасти для полученія средствъ на плату аренды университету. Теперь общество получило возможность основать типографіи, которыя отвѣчали бы только ея цѣлямъ. Поэтому въ томъ же году основано было 2 типографіи. Одна—на имя Новикова, а другая—на имя Лопухина. Кромѣ того, около этого же времени, основана была собственно розенкрейцерами «тайная» типографія, т. е. не числившаяся въ общемъ счету. Она помѣщалась въ домѣ Шварца и состояла изъ двухъ станковъ, на которыхъ работали рабочіе-нѣмцы, не имѣвшіе никакого сообщенія съ прочими и получавшіе отдѣльную плату. Въ ней печатались въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ книги, особенно важныя для масоновъ. Это были переводы съ французскаго и нѣмецкаго, сдѣланные самими розенкрейцерами. Корректуру держалъ Лопухинъ, и листы, представленные въ цензуру, держалъ у себя. Книги эти раздавались даромъ избраннымъ, а въ продажу не поступали. Не розданные экземпляры книгъ тщательно скрывались.

По примѣру Новикова частныя типографіи стали открываться съ этого времени и въ провинціи. По его же примѣру стали открываться въ Москвѣ и книжныя лавки, а самъ онъ завелъ нѣсколько книжныхъ лавокъ въ провинціальныхъ городахъ.

Въ концѣ 1783 г. оба главнѣйшихъ дѣятеля «Друж. Общества», Новиковъ и Шварцъ, тяжко захворали. Новиковъ, проболѣвъ 4 мѣсяца, поправился, а Шварцъ, силы котораго давно уже были подорваны и чрезмѣрными трудами и непріятностями, не перенесъ болѣзни и умеръ 17 февраля 1784 года въ имѣньѣ князя Николая Никитича Трубецкаго, имѣя только 33 года отъ роду.

Смерть Шварца была тяжелою утратою не только для друзей его и для «Друж. Уч. Общества», но и для университетскаго юношества, которое привыкло видѣть въ немъ высшій авторитетъ, человѣка почти идеальной честности и благородства и искренняго наставника и друга.

Послѣ смерти Шварца домъ его у Меньшиковой башни перешелъ, вѣроятно, по его предсмертному распоряженію, въ вѣдѣніе Общества. Воспитанники семинаріи, состоявшіе на иждивеніи Общества и жившіе въ этомъ домѣ, были поручены попеченію князя Энгалычева. Женѣ своей и дѣтямъ Шварцъ ничего не оставилъ, но, по предложенію Новикова, Общество назначило имъ пенсію, а кромѣ того, Татищевъ далъ отъ себя женѣ Шварца 28.000 рублей.

Въ 1784 г. вскорѣ послѣ смерти Шварца «Дружеское Общество» приступило къ основанію крупнаго коммерческаго предпріятія, получившаго вскорѣ очень большое значеніе. Предпріятіемъ этимъ было основаніе «Типографической компаніи». «Дружеское Общество», имѣя въ виду педагогическія и просвѣтительныя цѣли, не могло не считать для себя важнымъ правильную и прочную постановку типографскаго и издательскаго дѣла. До сихъ поръ типографія была исключительно въ рукахъ Новикова и дѣло шло хорошо. Но Новиковъ, какъ и всякое частное лицо, былъ подверженъ разнымъ случайностямъ. Слѣдовало поэтому создать центръ, который былъ бы отъ нихъ независимъ и обезпеченъ матеріально взносами участниковъ, связанныхъ съ нимъ общими интересами. Поэтому рѣшили составить въ складчину капиталъ, распоряжаться которымъ сообща должны были пайщики, по заключенному между собою формальному контракту. На собранныя средства рѣшено было основать обширную типографію, покупать книги для переводовъ, рукописи для изданій и т. п. Для управленія этимъ дѣломъ пайщики выработали особыя правила. Компанія составилась изъ 14 человѣкъ.

Управленіе дѣлами поручено было: Н. Ив. Новикову, Гамалѣѣ, Ив. Вл. Лопухину, Кутузову, бар. Шредеру и двумъ

Трубецкимъ. Остальные члены собирались только на общія собранія. Въ фондъ «Типографической компаніи», кромѣ значительныхъ денежныхъ взносовъ, вошло также и имущество, принадлежавшее «Друж. Обществу», какъ напр. домъ, числившійся за Шварцемъ, разныя типографскія принадлежности, книги, типографія Лопухина, и впослѣдствіи даже частное имущество, какъ напр. типографія Новикова. Капиталъ «Типографической компаніи» составился изъ взносовъ—въ общей сложности на сумму 57 тыс. рублей. Братья Новиковы передали компаніи вмѣсто денегъ книгъ на 80 тыс. руб., по оцѣнкѣ 25 к. за рубль обыкновенной продажной цѣны. Гамалѣя и кн. Энгалычевъ были приняты въ число членовъ безъ взноса. Распоряженіе всѣми этими капиталами было предоставлено Н. И. Новикову, какъ самому уважаемому члену и самому опытному человѣку въ типографскомъ и издательскомъ дѣлѣ.

Первымъ дѣломъ компаніи было завести обширную типографію на 20 становъ, которая считалась принадлежащей не частному лицу, а цѣлому товариществу. Помѣщалась она сначала тоже въ домѣ Новикова, который былъ душою всего предпріятія. Онъ не только управлялъ типографіею въ тѣсномъ смыслѣ, но кромѣ того заказывалъ переводы, просматривалъ рукописи, велъ переговоры съ переводчиками и сочинителями. До какой степени добросовѣстно Новиковъ относился къ издательскому дѣлу, до какой степени боялся кого нибудь оттолкнуть отъ него и напротивъ старался всѣми силами привлечь къ литературѣ, видно изъ слѣдующихъ фактовъ: онъ платилъ небывалыя по тому времени цѣны за переводы, а произведенія оригинальныя оплачивалъ еще лучше. Иной разъ ему случалось покупать два-три перевода одного и того же произведенія; онъ выбиралъ лучшій и печаталъ, остальные сжигалъ; но никогда не отказывался принять лишній переводъ, чтобы не отбить у переводчиковъ охоту къ работѣ.

Говоря объ издательской и литературной дѣятельности Новикова въ Москвѣ, мы почти не упоминали о журнальной его дѣятельности за это время. Не желая говорить о каждомъ изъ журналовъ въ отдѣльности, постараемся указать общее ихъ содержаніе и направленіе.

По переѣздѣ въ Москву, Новиковъ продолжалъ изданіе «Утренняго Свѣта» до конца 1780 года. Покончивъ съ этимъ журналомъ, онъ съ 1781 года начинаетъ издавать другой, подъ

названіемъ: «Московское ежемѣсячное изданіе, заключающее въ себѣ собраніе разныхъ лучшихъ статей, касающихся до нравоученія, политической и ученой исторіи и пр.». Изданіе это служило продолженіемъ «Утренняго Свѣта» и отвѣчало тѣмъ же цѣлямъ, т. е. издавалось въ пользу двухъ Петербургскихъ училищъ, Екатерининскаго и Александровскаго, существовавшихъ до 1782 года. Продолженіемъ «Московскаго ежемѣсячнаго изданія» явилась въ 1782 г. «Вечерняя Заря». Наконецъ въ 1784 г. вышелъ послѣдній Новиковскій журналъ, служившій продолженіемъ «Вечерней Зари»,—«Покоящійся Трудолюбецъ».

О содержаніи журнала «Утренній Свѣтъ» мы уже говорили. Что же касается до остальныхъ трехъ журналовъ, то, при большомъ разнообразіи содержанія каждаго изъ нихъ, они отличаются строгимъ единствомъ направленія. Въ нихъ читатель находитъ статьи философскаго характера, психологическія, педагогическія, сатирическія, статьи по общественнымъ вопросамъ, научныя и наконецъ масонскія въ тѣсномъ смыслѣ. Послѣднихъ впрочемъ очень немного. При этомъ всѣ три журнала представляютъ цѣльное и серьезное міросозерцаніе почти по каждому изъ указанныхъ вопросовъ.

Всѣ статьи проникнуты глубокимъ уваженіемъ къ разуму и къ мышленію, причемъ нравственность и различныя душевныя способности, какъ то: воля, совѣсть, страсти человѣческія ставятся отъ него въ прямую зависимость. Еще въ «Утреннемъ Свѣтѣ» говорится, что «непросвѣщеніе ума и необузданность сердца всегда вмѣстѣ». Въ «Московск. изд.» говорится, что «мышленіе есть жизнь» и что «истинная мудрость тѣсно связана съ доброй нравственностью».

Высокое значеніе, отводимое журналами разуму и мышленію, возвышаетъ и значеніе науки. «Невѣжество», говоритъ «Моск. Изд.», «есть ядовитый источникъ, изъ коего проистекаютъ всѣ мученія, обременяющія вселенную: слѣпое суевѣріе, беззаконіе и варварство, уничтожающее искусство, суть его спутники». Признавая громадную роль разума, Новиковъ проповѣдуетъ однако и необходимость вѣры, которая должна являться тамъ, гдѣ разумъ безсиленъ. Разумъ и вѣра должны подкрѣплять и дополнять другъ друга, потому что разумъ безъ вѣры приводитъ къ отрицанію Бога и священнаго писанія, къ ученію энциклопедистовъ, противъ которыхъ Новиковъ вооружается во всѣхъ своихъ журналахъ. Съ

другой стороны, вѣра, не руководимая разумомъ, приводитъ къ суевѣрію и фанатизму, противъ которыхъ издатель вооружается едва ли еще не болѣе, чѣмъ противъ энциклопедистовъ. За послѣдними онъ все таки признаетъ нѣкоторыя научныя заслуги, первыхъ же считаетъ безусловно вредными.

Сатира Новикова, почти не замѣтная въ «Утреннемъ Свѣтѣ», усиливается въ «Московскомъ Изданіи» и является наконецъ въ полномъ блескѣ въ двухъ послѣднихъ журналахъ—въ «Вечерней Зарѣ» и «Покоящемся Трудолюбцѣ». Сатира эта—не менѣе яркая, чѣмъ въ «Трутнѣ» и «Живописцѣ»,—носитъ еще болѣе серьезный, еще болѣе скорбно-негодующій характеръ. Она направлена противъ коренныхъ недостатковъ русскаго общества, противъ невѣжества, противъ пустой и безсмысленной жизни, въ которой отсутствуютъ всякіе идеалы, противъ ханжества, лицемѣрія, пустосвятства, взяточничества и пр. Попрежнему особенною рѣзкостью и скорбью звучатъ его сатиры, бичующія жестокое и безчеловѣчное отношеніе къ крестьянамъ. Крестьянскій вопросъ есть одинъ изъ тѣхъ, которые Новиковъ затрогивалъ рѣшительно во всѣхъ своихъ журналахъ. Изъ всѣхъ его сатиръ и статей, касающихся положенія крестьянъ, нельзя не вывести заключенія, что онъ былъ горячій и искренній противникъ крѣпостнаго права и имѣлъ смѣлость высказывать свои взгляды безъ всякаго стѣсненія. Кромѣ крестьянскаго вопроса въ области публицистики Новиковъ касается еще женскаго вопроса. Онъ говоритъ, что женщинѣ образованіе необходимо также, какъ и мужчинѣ, и что семейное счастіе возможно только при условіи, чтобы жена могла раздѣлять интересы мужа. Затѣмъ Новиковъ возстаетъ противъ различныхъ общественныхъ предразсудковъ, какъ напр. противъ дуэлей. Онъ говоритъ, что честь свою можно защитить только добродѣтельной жизнью; поединокъ-же является преступленіемъ противъ общества, такъ какъ каждый человѣкъ созданъ для общественной жизни. Новиковъ вообще врагъ всякаго насилія и врагъ войны. Онъ признаетъ только войну оборонительную и ставитъ идеаломъ братство народовъ. Вопросовъ политики, какъ внѣшней, такъ и внутренней, онъ, по обстоятельствамъ времени, мало касался. Тѣмъ не менѣе, онъ говоритъ напр. о честности въ политикѣ; не высказываясь опредѣленно относительно той формы правленія, которая предпочитается имъ, онъ рисуетъ передъ читателемъ идеалъ государя, могущаго, по его мнѣнію, доставлять счастье подданнымъ.

Такой государь долженъ слѣдовать неуклонно законамъ, быть доступенъ для всѣхъ и умѣть владѣть своими страстями. Онъ обязанъ стремиться къ улучшенію положенія своихъ подданныхъ, уменьшая налоги, покровительствуя наукамъ, искусствамъ и торговлѣ, а также преслѣдуя мирную политику относительно другихъ державъ. Въ области внутренней политики Новиковъ высказывается за равномѣрное распредѣленіе налоговъ на всѣхъ гражданъ, безъ различія званія. Статьи научнаго характера по естествовѣдѣнію, этнографіи, исторіи и пр. имѣютъ мѣсто преимущественно въ двухъ послѣднихъ журналахъ, т. е. въ «Покоящемся Трудолюбцѣ» и «Вечерней Зарѣ».

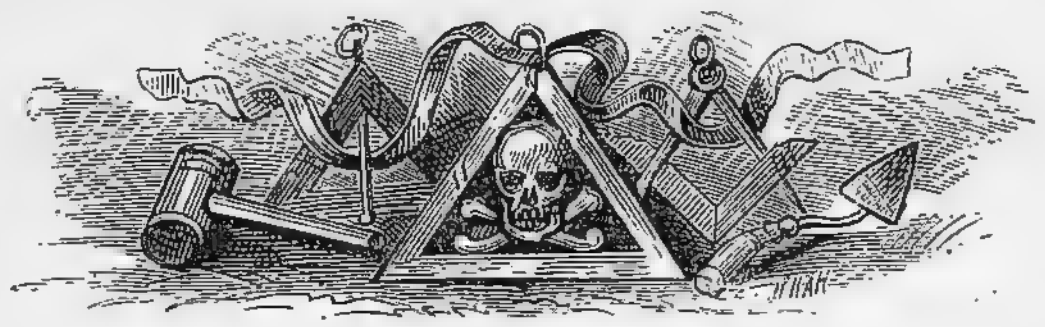
Ко всему сказанному нами о московскихъ журналахъ Новикова прибавимъ еще слѣдующее.

Разсматривая содержаніе «Утренняго Свѣта», мы указывали, что большая часть статей въ этомъ журналѣ были переводныя. Въ послѣдующихъ журналахъ, сотрудниками которыхъ являлись во множествѣ окончившіе студенты и питомцы «Дружескаго общества»,—мы замѣчаемъ постоянное увеличеніе оригинальныхъ статей насчетъ переводныхъ.

Переводныхъ статей достаточно конечно и въ этихъ журналахъ, но онѣ не играютъ уже такой первенствующей роли, какъ въ «Утреннемъ свѣтѣ». Это заставляетъ насъ думать, что въ промежуткѣ времени между изданіемъ «Утренняго свѣта» и «Покоящагося трудолюбца» успѣлъ уже выработаться въ достаточномъ количествѣ свой русскій писатель, вытѣснившій до нѣкоторой степени переводы со страницъ журналовъ.

Кромѣ того, въ теченіи десятилѣтняго существованія «Московскихъ Вѣдомостей», подъ редакціей Новикова при нихъ выходили въ видѣ прибавленій журналы: «Экономическій Магазинъ», «Городская и деревенская библіотека» и «Дѣтское чтеніе», а также отдѣльные листы такъ назыв. «Приложеній». Въ этихъ прибавленіяхъ Новиковъ давалъ интересныя популярныя статьи по исторіи, географіи, естествовѣдѣнію и др. Особенно замѣчательны его педагогическія статьи въ «Приложеніяхъ» за 1783—84 г.г., изъ которыхъ нѣкоторыя вѣроятно принадлежатъ его собственному перу. Въ нихъ затрогиваются всѣ существенные вопросы педагогики, и въ своей совокупности онѣ представляютъ цѣлый курсъ воспитанія. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что взгляды, заключающіеся въ этихъ статьяхъ, не только не устарѣли до нашего

времени и не стоятъ ниже современныхъ идеаловъ педагогики, но во многомъ представляютъ еще до сихъ поръ цѣль, которую желательно было бы достигнуть. Мы не станемъ излагать здѣсь въ подробностяхъ педагогическіе взгляды Новикова; скажемъ только, что, признавая тѣсную связь между воспитаніемъ и образованіемъ, онъ ставитъ цѣлью ихъ приготовленіе хорошихъ гражданъ и счастливыхъ людей и что въ то время, когда въ русской жизни вообще, а въ воспитаніи въ особенности практиковались совершенно Домостроевскіе пріемы, Новиковъ проповѣдывалъ гуманность въ обращеніи съ дѣтьми, отрицалъ пользу тѣлесныхъ наказаній и требовалъ уваженія къ личности ребенка и признанія ея самостоятельности.



ГЛАВА V.

Первыя тучки на горизонтѣ общественной дѣятельности Новикова.—Столкновеніе съ коммиссіей народныхъ училищъ и іезуитами.—Враждебное отношеніе къ московскимъ масонамъ графа Брюса.—Екатерина II поручаетъ архіепископу Платону разсмотрѣть всѣ книги, изданныя Новиковымъ и „испытать его въ законѣ Божіемъ“.—Указы и комедіи императрицы, направленныя противъ масоновъ.—Допросъ Новикова въ губернскомъ правленіи.—Закрытіе масонскихъ ложъ въ Москвѣ.—Общій голодъ въ 1787 г.—Воспрещеніе печатать книги духовнаго содержанія въ свѣтскихъ типографіяхъ.—У Новикова отбираютъ университетскую типографію и „Московскія Вѣдомости“.—Общая характеристика Новиковскихъ изданій.

Мы видѣли, что до сихъ поръ дѣятельность Новикова развивалась почти безпрепятственно. Особенно хорошо шли его дѣла въ Москвѣ, гдѣ съ самаго начала и до 1784 года ему не пришлось вынести ни одной непріятности со стороны оффиціальныхъ лицъ. Хотя императрица давно уже отъ него отвернулась, но ничѣмъ пока не выражала своего къ нему недоброжелательства. Происходило это, можетъ быть, отчасти потому, что Новиковъ дѣйствовалъ далеко отъ нея, а лица, стоявшія во главѣ управленія Москвою, относились къ нему не только снисходительно, но явно ему покровительствовали; а съ другой стороны, вѣроятно, просто не представлялось повода для его преслѣдованія.

Въ августѣ 1784 г. счастье измѣняетъ Новикову и для него начинается цѣлый рядъ непріятностей, сначала мелкихъ, а потомъ все болѣе и болѣе значительныхъ, которыя привели наконецъ къ полному прекращенію его дѣятельности и къ его аресту.

Первая непріятность произошла собственно изъ за пустяковъ. Коммиссія народныхъ училищъ въ Петербургѣ, издавая учебники для вновь открытыхъ ею школъ, заключила контрактъ съ нѣкіимъ Бернардомъ Брейткопфомъ, по которому она обязывалась печа-

тать всѣ свои изданія исключительно въ его типографіи втеченіи шести лѣтъ. Между тѣмъ коммиссія усмотрѣла, что въ университетской книжной лавкѣ въ Москвѣ и въ петербургской книжной лавкѣ коммиссіонера Артамонова продаются двѣ книги: «Сокращенный катехизисъ» и «Руководство къ чистописанію», перепечатанныя Новиковымъ въ своей типографіи. Находя эти дѣйствія нарушающими права Брейткопфа и вредящими интересамъ казны, коммиссія отнеслась бумагою къ графу Чернышеву, прося его разслѣдовать, кѣмъ и сколько именно перепечатано въ Москвѣ книгъ ею изданныхъ, описать имѣющіеся на лицо перепечатанные экземпляры и продать ихъ въ ея пользу, а также взыскать съ виновныхъ деньги, полученные за проданныя уже экземпляры, и представить ихъ въ коммиссію.

Въ то время, когда посылалась эта бумага, гр. Чернышевъ, искренно расположенный къ Новикову, умеръ и бумага была принята временно исполнявшимъ должность главнаго начальника, оберъ-полицмейстеромъ Архаровымъ, который распорядился объ отобраніи тотчасъ-же отъ Новикова свѣдѣній по этому вопросу. Новиковъ показалъ, что онъ не только перепечаталъ указанныя 2 книги, но что готовится перепечатать еще два учебника, изданныхъ коммиссіею начальныхъ училищъ, и что дѣлалъ онъ это по приказанію покойнаго графа Чернышева, полученному имъ оффиціально, на бумагѣ, отъ правителя канцеляріи графа Чернышева—Гамалѣи. Кромѣ того, это приказаніе было подтверждено 2 раза устно генеральсъ-адъютантами графа. Цѣна на вышеуказанные учебники была тоже назначена самимъ гр. Чернышевымъ. Генеральсъ-адъютанты И. П. Тургеневъ и Н. И. Ртищевъ вполнѣ подтвердили показанія Новикова. Тѣмъ не менѣе съ нимъ по видимому было поступлено такъ, какъ предписывала коммиссія.

Въ это же время съ Новиковымъ случилась и другая непріятность, гораздо болѣе серьезнаго характера. Онъ навлекъ на себя неудовольствіе самой императрицы по слѣдующему поводу: въ половинѣ 18-го столѣтія, орденъ іезуитовъ потерпѣлъ повсемѣстно въ Европѣ пораженіе и сталъ отовсюду изгоняться. Гонимые іезуиты нашли убѣжище въ Россіи и съумѣли заинтересовать своей участью и расположить къ себѣ императрицу и многихъ высокопоставленныхъ лицъ. Между тѣмъ Новиковъ, въ одномъ изъ своихъ «Прибавленій» къ «Московскимъ Вѣдомостямъ» 1784 года, напечаталъ «Исторію ордена іезуитовъ». Авторъ этой статьи

разсказываетъ исторію возникновенія ордена, отличіе его отъ другихъ монашескихъ орденовъ, цѣли его и средства, къ которымъ прибѣгали іезуиты для ихъ достиженія. Авторъ отнесся довольно снисходительно къ іезуитамъ; онъ призналъ за ними даже нѣкоторыя заслуги. Такъ напр. онъ говоритъ, что этотъ орденъ далъ изъ себя болѣе ученыхъ, чѣмъ какой либо другой, что іезуиты были искусными воспитателями и способствовали просвѣщенію и успѣху наукъ и т. д. Но вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ ставитъ іезуитамъ и нѣкоторыя обвиненія. Такъ напр. онъ говоритъ, что іезуиты желали создать государство въ государствѣ, что цѣли ихъ были направлены къ пріобрѣтенію власти и къ обогащенію, а средства, употребляемыя для достиженія этихъ цѣлей, были часто непозволительны и пр.

Іезуиты быстро сообразили, что, не-смотря на всю сдержанность этой статьи, она для нихъ невыгодна. Они обратили на нее вниманіе императрицы и постарались ей внушить, что появленіе статьи, направленной противъ лицъ, которымъ она покровительствуетъ, есть актъ неуваженія къ ней. Императрица разсердилась и послала полицемейстеру Архарову указъ о запрещеніи печатать въ Москвѣ «ругательную исторію іезуитскаго ордена», а если она уже вышла—отобрать ея экземпляры у получившихъ ее лицъ. Приказаніе это было въ точности исполнено.

Не смотря однако на эти непріятности, дѣятельность «Дружескаго общества» продолжала еще развиваться и оно пріобрѣтало все новыхъ, полезныхъ для себя членовъ.

Такъ, въ 1785 году къ нему присоединились еще два замѣчательныхъ человѣка: Григорій Максимовичъ Походяшинъ и будущій историкъ Н. М. Карамзинъ.

Премьеръ-маіоръ Походяшинъ былъ сынъ богатѣйшаго купца, который самъ былъ личностью выдающеюся по уму, энергіи и предпріимчивости. Максимъ Михайловичъ Походяшинъ былъ когда-то крестьяниномъ Казанской губ. и занимался извозомъ въ Верхотурьѣ. Случайно онъ открылъ пріиски мѣдной руды, выхлопоталъ себѣ ссуду отъ казны на ея разработку и сталъ богатѣть. Этотъ-то замѣчательный человѣкъ, любившій самъ жить просто, по старинному, — воспиталъ дѣтей своихъ по новому, не жалѣя для того никакихъ средствъ. Григорій Максимовичъ былъ младшимъ сыномъ, служилъ въ гвардіи и въ чинѣ премьеръ-маіора вышелъ въ отставку. Еще будучи на службѣ въ

Петербургѣ, онъ поступилъ въ масоны, а по пріѣздѣ въ Москву въ 1785 г. познакомился съ Новиковымъ и сдѣлался его усерднымъ почитателемъ. Здѣсь онъ получилъ теоретическій масонскій градусъ и сдѣлался, такимъ образомъ, членомъ кружка московскихъ масоновъ.

Н. М. Карамзинъ, въ то время еще совсѣмъ юноша, примкнулъ къ членамъ «Дружескаго ученаго общества» благодаря содѣйствію Ив. П. Тургенева, познакомившагося съ нимъ въ Симбирскѣ. Тургеневъ былъ симбирскій помѣщикъ и, проживая въ 1785 году въ Симбирскѣ по дѣламъ имѣнья, встрѣтился въ обществѣ съ Карамзинымъ, игравшимъ тамъ большую роль. Карамзинъ былъ уже тогда въ отставкѣ, въ чинѣ поручика. Тургеневъ, выдѣлившій сразу Карамзина изъ окружавшей его среды, вскорѣ сошелся съ нимъ, и, оцѣнивъ его умъ и блестящія способности, сталъ говорить ему, что грѣшно тратить такія дарованія исключительно на свѣтскія удовольствія, что есть другія, высшія цѣли въ жизни. Онъ убѣждалъ Карамзина ѣхать въ Москву и примкнуть къ дѣятельности его кружка. Карамзинъ согласился, переѣхалъ въ Москву и сошелся тутъ съ членами «Дружескаго общества». Послѣдніе стали всячески помогать ему въ довершеніи образованія и въ занятіяхъ литературными трудами.

Карамзинъ поселился въ бывшемъ домѣ Шварца, вмѣстѣ съ Петровымъ, съ которымъ онъ былъ уже давно знакомъ и даже друженъ. Петровъ принималъ близкое участіе въ литературныхъ дѣлахъ «Дружескаго общества». Онъ занимался переводами для его изданій и редактировалъ съ 1785 г. журналъ «Дѣтское чтеніе», въ которомъ Карамзинъ помѣщалъ свои первые труды. Четыре года проработалъ Карамзинъ подъ руководствомъ Новиковскаго кружка. Этотъ серьезный трудъ и постоянное общеніе съ самыми лучшими и образованными людьми того времени имѣли большое вліяніе на развитіе его таланта. Карамзинъ скоро отрекся отъ солидарности съ масонскимъ ученіемъ, но навсегда сохранилъ дружескія отношенія къ Новикову и благодарныя воспоминанія о членахъ его кружка.

Въ 1785 г. «Дружескимъ обществомъ» совершена была покупка обширнаго зданія, которое, будучи перестроено сообразно нуждамъ общества, могло вмѣстить нѣсколько разнородныхъ его учрежденій. Домъ этотъ, принадлежавшій прежде Гендриковымъ, былъ купленъ сначала на имя бар. Шредера, но потомъ Шредеръ

отказался отъ него, за неимѣніемъ денегъ, и онъ былъ перекупленъ на имя «Типографической К°». Перестройкой его занимался Н. И. Новиковъ. Въ домѣ помѣстились: компанейская типографія и работавшіе въ ней рабочіе, а также аптека, устроенная обществомъ, изъ которой бѣднякамъ выдавались даромъ лекарства. Члены общества покупали за границей разные медикаменты и вводили въ Россію употребленіе неизвѣстныхъ въ ней доселѣ лекарствъ.

Въ этомъ же домѣ помѣщались: вдова Шварца съ дѣтьми, Гамалѣя и братъ Николая Ивановича—Алексѣй Ивановичъ Новиковъ. Тутъ же было устроено помѣщеніе и для розенкрейцерскихъ собраній.

Здѣсь надо упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, имѣвшемъ впослѣдствіи значеніе для Новикова. Баронъ Шредеръ, купившій было вначалѣ Гендриковскій домъ, а потомъ отъ него отказавшійся, пожелалъ послѣ этого выдѣлиться изъ компаніи и совершить сдѣлку, выгодную для него и невыгодную для компаніи. Новиковъ, понявшій разсчеты Шредера и знавшій лучше, чѣмъ кто либо другой, дѣла товарищества, воспротивился этой сдѣлкѣ, склонивъ и другихъ членовъ къ поддержкѣ своего мнѣнія. Послѣдствіемъ этого была ненависть бар. Шредера къ Новикову и желаніе ему отмстить. Въ этомъ же году при типографіи Новикова, въ числѣ другихъ рѣдкихъ книгъ, вышло замѣчательное сочиненіе Сен-Мартеня «О заблужденіи и истинѣ», въ переводѣ П. И. Страхова, бывшаго впослѣдствіи профессоромъ Московскаго университета. Въ 1785 г. Страховъ отправлялся учиться за границу на счетъ «Дружескаго общества».

Не смотря однако на такое видимое процвѣтаніе дѣлъ общества, члены его не пользовались больше такою свободою въ своихъ поступкахъ, какъ при графѣ Чернышевѣ. У нихъ теперь явился сильный врагъ въ Москвѣ. Врагомъ этимъ былъ графъ Брюсъ, человѣкъ суровый и деспотичный. Брюсъ ненавидѣлъ масоновъ, подозрѣвая ихъ въ проповѣдываніи идей, подрывающихъ власть и существующій порядокъ. Онъ выражалъ свою антипатію къ нимъ открыто, говоря, что будетъ дѣлать имъ всякое зло. Такимъ образомъ, всѣ масоны, служившіе подъ начальствомъ графа Чернышева, какъ Гамалѣя, Тургеневъ и Лопухинъ, должны были выдти въ отставку. Брюсъ писалъ часто донесенія противъ масоновъ императрицѣ и вообще вредилъ имъ, гдѣ только могъ. Такъ,

когда Екатерина въ 1785 г. пріѣхала неожиданно въ Москву изъ Тверской губ., гдѣ она осматривала водяное сообщеніе, онъ не упустилъ случая наговорить на масоновъ и успѣлъ сильно возстановить ее противъ нихъ. Въ это время въ З. Европѣ случилось событіе, благодаря которому правительство наше стало смотрѣть на масоновъ еще съ бо́льшимъ недовѣріемъ и даже враждебностью.

Мы уже говорили объ ученіи масонскаго ордена иллюминатовъ. Хотя оно открылось вполнѣ послѣ уничтоженія ихъ ордена, но и до этого времени иллюминаты возбуждали всеобщее недовѣріе въ Европѣ. Въ послѣднее время они, вмѣстѣ съ главою своимъ Вейсгауптомъ, нашли убѣжище въ Баваріи.

Однако Карлъ Теодоръ, курфирстъ баварскій, убѣдившись, благодаря неосторожности нѣкоторыхъ членовъ, въ преступности ихъ замысловъ, уничтожилъ орденъ указомъ въ августѣ 1785 г. Бумаги ордена были опечатаны и открыли свѣту истинныя цѣли иллюминатовъ. Всѣ правительства Европы заволновались, узнавъ, какая опасность угрожала ихъ спокойствію. Волненіе это не могло не отразиться и въ Петербургѣ. Къ московскимъ масонамъ, или— какъ ихъ всѣ называли— «Мартинистамъ», стали относиться еще хуже. Зложелательные языки не замедлили обвинить ихъ въ иллюминатствѣ. На самомъ дѣлѣ мартинисты не только были далеки отъ иллюминатства, но относились къ нему враждебно, такъ какъ еще раньше получали изъ Берлина циркуляры, которыми ихъ предостерегали отъ иллюминатовъ, какъ отъ людей, преслѣдующихъ политическія цѣли.

Въ данное время, въ виду волнующихъ общество обстоятельствъ, изъ Берлина пришелъ новый циркуляръ, подтверждавшій предостереженіе. Но у мартинистовъ, умѣвшихъ создать себѣ много почитателей, было вмѣстѣ съ тѣмъ и много враговъ. Одни видѣли въ нихъ шарлатановъ, которые прикрываются религіозными цѣлями для уловленія въ свои сѣти богатыхъ людей; духовенство считало ихъ какой-то особенной сектой, извращающей догматы православной церкви; люди болѣе серьезные подозрѣвали ихъ въ опасныхъ политическихъ замыслахъ, въ желаніи создать какую-то особенную отъ правительства власть въ государствѣ, а въ ихъ филантропическихъ и просвѣтительныхъ дѣлахъ видѣли просто способъ привлечь къ себѣ больше сторонниковъ и замаскировать свои истинныя цѣли. Такимъ образомъ смотрѣла на нихъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, и Екатерина. Настроен-

ная противъ мартинистовъ, она отправила въ октябрѣ 1785 г. въ Москву два указа: одинъ—графу Брюсу, другой—архіепископу Платону; указами этими повелѣвалось прозвести осмотръ всѣхъ имѣвшихся въ Москвѣ частныхъ училищъ, школъ и пансіоновъ, съ цѣлью узнать, какъ преподается въ нихъ Законъ Божій. «При этомъ долженствуетъ быть наблюдаемо», говорится въ указѣ, «*чтобы тутъ всякое суевѣріе, развращеніе и соблазнъ терпимы не были*», чтобы книги были употребляемы преимущественно тѣ, которыя изданы коммиссіей по народному образованію, и чтобы въ учителя были выбираемы лица «по полнымъ одобреніямъ въ ихъ нравахъ и образѣ мыслей». Ясно, на кого мѣтила императрица, издавая эти указы. Въ декабрѣ графъ Брюсъ и архіепископъ Платонъ получили новые указы. Брюсу предписывалось черезъ губернскаго прокурора сдѣлать опись книгамъ, изданнымъ Новиковымъ, и эту опись, вмѣстѣ съ экземпляромъ каждаго сочиненія, препроводить для разсмотрѣнія архіепископу Платону. Въ указѣ Платону сообщалось о распоряженіяхъ, данныхъ Брюсу, и кромѣ того предписывалось ему призвать Новикова и испытать его въ Законѣ Божіемъ, а книги его разсмотрѣть и донести обо всемъ императрицѣ и Синоду—«не скрывается ли въ нихъ умствованій, не сходныхъ съ простыми и чистыми правилами вѣры православной и гражданской должности». Далѣе говорится, что на основаніи полицейскихъ учрежденій всѣ книги, выходящія изъ печати, подвергаются цензурѣ, а такъ какъ иныя изъ нихъ касаются религіозныхъ вопросовъ, то архіепископъ долженъ назначить духовныхъ цензоровъ, которые должны будутъ разсматривать книги этого рода.

Московскій губернскій прокуроръ, получивъ предписаніе отъ Брюса, сдѣлалъ опись книгамъ, продававшимся у Новикова и отправилъ эту опись, съ приложеніемъ по экземпляру каждаго сочиненія, архіепископу Платону. Разсмотрѣнію подвергалось 461 сочиненіе. 11 января 1786 года Новиковъ былъ призванъ къ Платону, для испытанія его въ Законѣ Божіемъ. Ему было предложено 12 вопросовъ, на которые онъ долженъ былъ отвѣчать письменно. Изъ нихъ 11 касались собственно правовѣрія Новикова. Онъ долженъ былъ отвѣчать: признаетъ ли онъ бытіе Божіе, безсмертіе души и проч. Въ 12-мъ же спрашивалось: признаетъ ли онъ себя принадлежащимъ къ обществу франкъ-масоновъ? На первые 11 вопросовъ Новиковъ отвѣчалъ

утвердительно, а на 12-й отвѣтилъ, что издавна принадлежитъ къ обществу франкъ-масоновъ, такъ какъ не считалъ это общество противозаконнымъ, ибо къ нему принадлежали и высшіе сановники. Результатомъ этого испытанія было донесеніе императрицѣ архіепископа Платона, въ которомъ онъ говоритъ слѣдующее: «какъ передъ престоломъ Божьимъ, такъ и передъ престоломъ Твоимъ, всемилостивѣйшая государыня императрица, я одолжаюсь по совѣсти и сану моему донести тебѣ, что молю всещедраго Бога, чтобы не только въ словесной паствѣ, Богомъ и Тобою, всемилостивѣйшая государыня, мнѣ ввѣренной, но и во всемъ мірѣ были христіане такіе, какъ Новиковъ». Этотъ отвѣтъ архіепископа Платона указываетъ несомнѣнно на то, что онъ питалъ уваженіе къ Новикову.

Что же касается до книгъ, подвергшихся разсмотрѣнію Платона, то онъ раздѣлилъ ихъ на три разряда: къ первому причислилъ книги, которыя счелъ полезными для распространенія, ко второму книги мистическаго содержанія, о которыхъ онъ, по непониманію ихъ, судить не можетъ, наконецъ къ третьему разряду причислилъ книги, которыя считалъ безусловно вредными и подлежащими уничтоженію—то было сочиненія энциклопедистовъ.

Изъ этого мы опять таки считаемъ себя вправѣ заключить о добромъ отношеніи Платона къ Новикову. Врядъ ли онъ былъ вовсе не въ состояніи понять мистическихъ сочиненій; скорѣе онъ просто желалъ отклонить отъ себя приговоръ, могшій такъ или иначе повредить Новикову.

Впрочемъ, мнѣнію, высказанному архіепископомъ относительно разсмотрѣнныхъ книгъ, и не придали значенія. Книги, признанныя имъ вредными, были допущены къ продажѣ; тѣ же сочиненія, которыя онъ не пожелалъ понять, были признаны вредными и изъяты изъ обращенія. Этому подверглось 6 сочиненій мистическаго характера и между прочимъ соч. Сен-Мартеня: «О заблужденіи и истинѣ». Въ мартѣ 1786 г. гр. Брюсъ получилъ изъ Петербурга указъ о томъ, чтобы эти 6 сочиненій, списокъ которыхъ прилагался, были оставлены за печатью и не допускались къ продажѣ. Съ остальныхъ же книгъ, подвергшихся описи, запрещеніе было снято.

Говоря о судьбѣ, постигшей изданія Новикова, разсмотрѣнныя архіепископомъ Платономъ, мы забѣжали нѣсколько впередъ. Намъ

предстоитъ теперь еще разсказать вкратцѣ о событіяхъ начала 1786 года.

Императрица Екатерина, вооружившись противъ мартинистовъ, рѣшилась дѣйствовать противъ нихъ во всевозможныхъ направленіяхъ. Не довольствуясь мѣрами оффиціальныхъ репрессій, которыя она практиковала относительно Новикова, бывшаго въ ея глазахъ главою ненавистнаго ей общества, она задумала испробовать противъ мартинистовъ старое средство—сатиру. Екатерина снова начала писать комедіи, въ которыхъ осмѣивала суевѣрія всякаго рода и изображала масоновъ обманщиками и лицемѣрами, эксплуатирующими довѣріе общества въ свою личную пользу Въ январѣ 1786 г. она написала ком. «Обманщикъ», которая была представлена на сценѣ эрмитажнаго театра. За этою комедіей слѣдовала другая: «Обольщенный», игранная и въ эрмитажномъ, и въ публичномъ Петербургскомъ театрѣ въ февралѣ того же года. Въ іюлѣ 1786 года она написала комедію «Шаманъ Сибирскій». Всѣ три комедіи имѣли громадный успѣхъ и на сценѣ, и въ продажѣ, когда онѣ вышли въ печати. Кромѣ того, онѣ вызвали своимъ появленіемъ въ Петербургѣ массу сатиръ, эпиграммъ и статей, направленныхъ противъ того же предмета.

За то въ Москвѣ комедіи эти, кажется, на сценѣ играны не были и не нашли никакого отклика въ московской журналистикѣ. Выражая свое негодованіе на масоновъ путемъ осмѣянія, императрица въ то же время продолжаетъ посылать въ Москву указъ за указомъ, направляя ихъ противъ мартинистовъ вообще и противъ Новикова въ частности. Въ концѣ января гр. Брюсъ получаетъ отъ нея опять два указа. Первымъ изъ нихъ повелѣвалось подчинить Приказу Общественнаго Призрѣнія всѣ школы и больницы въ Москвѣ, кромѣ тѣхъ, которыя имѣютъ особыя грамоты или привилегіи, или состоятъ въ особомъ правленіи свѣтскомъ или духовномъ. Затѣмъ повелѣвалось осмотрѣть больницу, заведенную въ Москвѣ людьми, составляющими «скопище новаго раскола», осмотрѣть школы, заведенныя ими и наблюдать, чтобы впредь училища учреждались не иначе, какъ подъ вѣдѣніемъ Приказа, на основаніи общихъ законовъ, и чтобы въ нихъ «расколъ, праздность и обманъ не скрывались». Вторымъ указомъ повелѣвалось объявить Новикову, что типографіи заведены для печатанія полезныхъ книгъ, а не сочиненій, наполненныхъ «новымъ расколомъ для обмана и уловленія невѣждъ», и затѣмъ допросить его о причинахъ,

побудившихъ его къ изданію такихъ книгъ и о цѣляхъ его. Вѣроятно, въ силу перваго изъ этихъ указовъ, оберъ-полицмейстеръ сдѣлалъ осмотръ помѣщенія студентовъ въ бывшемъ Шварцевомъ домѣ. Этотъ осмотръ побудилъ Новикова и его друзей къ такому шагу, который имъ впослѣдствіи повредилъ. Какъ мы уже говорили, въ Шварцевомъ домѣ помѣщалась тайная типографія, состоявшая изъ двухъ станковъ для печатанія масонскихъ книгъ. Въ виду осмотра дома, оба станка были перенесены въ компанейскую типографію, а напечатанныя здѣсь книги сложены ночью на подводы и отправлены на храненіе въ подмосковную князя Черкасскаго. Впослѣдствіи изъ имѣнья князя Черкасскаго онѣ были перевезены къ Новикову, въ Авдотьино, гдѣ и лежали до 1792 года.

По второму указу Новиковъ былъ допрошенъ въ губернскомъ правленіи по вопросамъ въ немъ обозначеннымъ. Онъ показалъ, что печаталъ разныя сочиненія, получаемыя отъ авторовъ и переводчиковъ съ разрѣшенія законной цензуры, имѣя въ виду «приносить трудами пользу отечеству чрезъ распространеніе книжной торговли и честнымъ образомъ получать законами не возбраненный прибытокъ». Какія же напечатанныя у него сочиненія противны законамъ, того онъ не знаетъ, ибо «читалъ изъ нихъ малое число, полагаясь на цензуру, которой онъ обязанъ былъ подвергать ихъ по контракту своему съ университетомъ».

Вопросы, предложенные Новикову вмѣстѣ съ его письменными отвѣтами, были препровождены въ Петербургъ.

Кромѣ мартовскаго указа Брюсу о томъ, какъ поступать съ книгами, опечатанными у Новикова въ университетской книжной лавкѣ, у него были отобраны экземпляры шести запрещенныхъ сочиненій, уложены въ короба, запечатаны и оставлены въ его кладовой, причемъ съ него была взята подписка въ томъ, что онъ ни перепечатывать, ни продавать эти изданія не будетъ. Тутъ Новиковъ сдѣлалъ опять оплошность, много ему впослѣдствіи повредившую. Производя у него въ лавкѣ обыскъ, губернскій прокуроръ не догадался осмотрѣть книжный складъ, въ которомъ хранились между прочимъ и экземпляры сочиненій, изъятыхъ изъ продажи. Новиковъ же не только не заявилъ объ нихъ, но чрезъ нѣсколько времени, съ вѣдома своихъ компаньоновъ, сдалъ ихъ на храненіе книгопродавцу Кольчугину, который сталъ разсылать ихъ по ярмаркамъ и продавать.

Послѣ всѣхъ случившихся непріятностей, Новиковъ и това-

рищи его увидѣли очень ясно, что императрица сильно возстановлена противъ нихъ и что дальнѣйшую дѣятельность надо продолжать очень осторожно. Къ этому времени «Типографическая Компанія» сосредоточивала уже въ своихъ рукахъ всѣ дѣла, какъ печатныя и издательскія въ тѣсномъ смыслѣ, такъ и тѣ, завѣдыванье которыми принадлежало прежде «Дружескому Ученому Обществу». Преслѣдуя однѣ и тѣ же цѣли и имѣя однихъ и тѣхъ же членовъ, «Типографическая К°» съ самаго своего возникновенія постепенно сливалась съ «Друж. Обществомъ», пока наконецъ послѣднее не исчезло совершенно, какъ нѣчто отдѣльное и независимое. Въ то же время, благодаря отчасти внѣшнимъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, а отчасти ухудшенію матеріальныхъ средствъ К°, семинаріи переводческая и педагогическая едвали не были уничтожены, а число питомцевъ ея при университетѣ уменьшилось до 15 человѣкъ. Однако компанія продолжала еще посылать молодыхъ людей учиться заграницу. Такъ, въ 1786 г. на ея счетъ поѣхалъ учиться медицинѣ молодой Багрянскій.

Въ этомъ году, вѣроятно вслѣдствіе негласнаго распоряженія правительства, были уничтожены всѣ масонскія ложи въ Москвѣ, и собранія въ нихъ прекратились. Событіе это не имѣло особенно важнаго значенія для мартинистовъ, потому что масонскія ложи еще до закрытія были уже рѣдко посѣщаемы въ послѣднее время не только второстепенными, но даже и главными масонами. Это не мѣшало послѣднимъ быть однако ревностными розенкрейцерами. О розенкрейцерствѣ, существованіе котораго было тогда тайной, никто не догадывался, и распоряженіе о закрытіи ложъ ничуть до него не касалось. Однако члены этого кружка старались замкнуться еще болѣе и даже прекратили сношенія со многими вліятельными масонами, не бывшими въ то же время розенкрейцерами. Въ это время орденъ ихъ существовалъ въ Москвѣ подъ начальствомъ барона Шредера.

Въ іюнѣ 1786 г. случилось событіе, давшее возможность Новикову и его кружку хоть на время вздохнуть спокойнѣе. Событіемъ этимъ была отставка Брюса. На его мѣсто назначенъ былъ Еропкинъ, человѣкъ чрезвычайно энергичный, но вмѣстѣ съ тѣмъ добрый и благородный. Въ Москвѣ онъ пользовался громаднымъ уваженіемъ послѣ того, какъ въ 1771 г. во время чумы добровольно принялъ бразды правленія и успокоилъ этотъ брошенный на произволъ судьбы городъ. Еропкинъ не былъ враждебно на-

строенъ противъ мартинистовъ, и если что нибудь предпринималъ противъ нихъ, то по приказанію, а не по своей иниціативѣ. Успокоенные съ этой стороны, розенкрейцеры скоро почувствовали однако снова безпокойство, благодаря другого рода обстоятельствамъ, складывавшимся для нихъ неблагопріятно. Въ августѣ 1786 г. умеръ Фридрихъ Великій и на прусскій престолъ взошелъ Фридрихъ Вильгельмъ, человѣкъ безхарактерный, относившійся враждебно къ Россіи, подъ вліяніемъ своего министра Герцберга. Король этотъ былъ ревностный масонъ. Онъ приблизилъ къ себѣ главу берлинскаго масонства, Вельнера, и сдѣлалъ его впослѣдствіи министромъ духовныхъ дѣлъ. Наши розенкрейцеры приняли розенкрейцерство черезъ Шварца отъ Вельнера и считались подъ его начальствомъ. Теперь они оказались, такимъ образомъ, подъ начальствомъ лица, приближеннаго къ монарху враждебной намъ державы.

Въ концѣ этого года баронъ Шредеръ заявилъ московскимъ розенкрейцерамъ, что, вслѣдствіе усилившихся происковъ иллюминатовъ, онъ получилъ изъ Берлина приказаніе наложить на орденъ такъ наз. *силанумъ* или бездѣйствіе, когда всякая переписка и оффиціальная дѣятельность членовъ ордена должна прекращаться. Силанумъ этотъ продолжался нѣсколько лѣтъ до самаго разгрома розенкрейцеровъ. Наступилъ 1787 годъ. Это былъ годъ очень тяжелый для Россіи, одинъ изъ тѣхъ годовъ, воспоминаніе о которыхъ, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, долго живетъ въ памяти народной. Почти повсемѣстно свирѣпствовалъ голодъ. Цѣны на хлѣбъ страшно поднялись, люди питались сушенымъ мохомъ, корою, листьями и прочими веществами, которыми старались замѣнить хлѣбъ, болѣли и во множествѣ умирали. Были однако люди, горячо принимавшіе къ сердцу народное горе и старавшіеся помочь бѣдствовавшимъ всѣми зависѣвшими отъ нихъ средствами. Людьми этими были мартинисты. Они часто собирались и обсуждали средства, какъ помочь бѣдѣ. На одномъ изъ такихъ собраній Новиковъ говорилъ рѣчь. По окончаніи ея къ нему подошелъ Гр. Макс. Походяшинъ и предложилъ ему часть своего состоянія на помощь голодающимъ. Новиковъ согласился и на деньги Походяшина сталъ скупать хлѣбъ большими партіями и раздавать его голодающимъ въ Москвѣ и у себя въ Авдотьинѣ. Въ обществѣ не знали, что хлѣбъ покупается на средства богача Походяшина и всѣ неудомѣвали, откуда у мартинистовъ берутся

такія деньги. Стали поговаривать даже о фальшивыхъ бумажкахъ. Къ голоду присоединилось еще новое бѣдствіе: война съ Турціею. Казалось бы, императрица, удрученная такими заботами, должна была временно забыть о мартинистахъ. Она доказала противное, издавъ въ іюнѣ мѣсяцѣ этого года указъ, которымъ воспрещалось печатаніе книгъ религіознаго содержанія въ свѣтскихъ типографіяхъ. Печатаніе ихъ отнынѣ должно было принадлежать духовнымъ типографіямъ. Въ силу этого закона, были осмотрѣны книжныя лавки, причемъ всѣ найденныя въ нихъ духовныя сочиненія отобраны и сданы на храненіе въ синодальную контору. Изданіе этого указа имѣло большое значеніе для «Типографической Компаніи», которая ежегодно выпускала въ большомъ количествѣ духовныя сочиненія. Ликвидировать свои дѣла ей было просто невозможно, вслѣдствіе запутанности общихъ счетовъ, да и кромѣ того не хотѣлось бросать излюбленнаго дѣла. Поэтому Новиковъ рѣшилъ продолжать свою издательскую дѣятельность, измѣнивъ нѣсколько ея направленіе. Въ этомъ году баронъ Шредеръ уѣзжалъ совсѣмъ за границу. Онъ просилъ прислать кого нибудь въ Берлинъ для полученія тамъ масонскихъ наставленій, необходимыхъ для принятія начальствованія надъ розенкрейцерами по окончаніи силанума. Съ общаго совѣта въ Берлинъ былъ посланъ на средства кружка Кутузовъ.

Въ томъ же году у мартинистовъ черезъ преданнаго имъ архитектора Бажанова завязались было сношенія съ наслѣдникомъ Павломъ Петровичемъ. Бажановъ передавалъ, что Павелъ Петровичъ интересуется дѣломъ мартинистовъ, и Новиковъ послалъ ему нѣсколько экземпляровъ мистическихъ сочиненій, но продолжать съ нимъ дальнѣйшія сношенія онъ побоялся.

Отказавшись по необходимости отъ печатанія духовно-нравственныхъ сочиненій, Новиковъ не только рѣшилъ продолжать издательскую дѣятельность, но мечталъ даже о возобновленіи контракта, по истеченіи его срока въ 89 году, съ тѣмъ, чтобы вернуться на старый путь и заняться изданіемъ документовъ по русской исторіи. Такъ въ 1787 году онъ издалъ «Исторію Скиѳскую» Лызлова, 1-ю часть «Исторіи Россійской» Левека, «Родословную книгу князей и дворянъ россійскихъ и выѣзжихъ» и др. Въ 1788 году онъ между прочимъ издалъ вторымъ изданіемъ, исправленнымъ и дополненнымъ, «Россійскую вивліоѳику». Однако дѣла «Типографической Компаніи», не смотря на эти изданія, сильно

пошатнулись. Книги шли туго и не давали прежняго барыша. Компанія должна была продать домъ, купленный на имя Шварца и отказаться отъ содержанія Кутузова за границей. Съ этихъ поръ Кутузовъ жилъ тамъ на счетъ частнаго лица, а не на средства общества.

Между тѣмъ Новикова ожидало еще новое разочарованіе. Императрица велѣла отказать ему въ возобновленіи контракта на содержаніе университетской типографіи. Въ маѣ 1789 г. содержаніе ея и изданіе «Московскихъ Вѣдомостей» сдано было коллежскому ассесору Свѣтушкину.

Съ прекращеніемъ «Московскихъ Вѣдомостей» прекратились и журналы «Дѣтское Чтеніе» и «Экономическій Магазинъ».

Послѣ отнятія у Новикова университетской типографіи, онъ продолжалъ еще печатаніе въ компанейской, но собственно новаго имъ уже ничего не было издано, а только перепечатывались старыя изданія. Теперь мы можемъ подвести итоги его литературной и издательской дѣятельности.

Больше двадцати лѣтъ (1769—1791) подвизался Новиковъ на этомъ поприщѣ. Онъ издавалъ три сатирическихъ журнала: «Трутень», «Живописецъ» и «Кошелекъ», четыре популярно-философскихъ—«Утренній Свѣтъ», продолженіе его, называвшееся «Ежемѣсячнымъ московскимъ изданіемъ», «Вечернюю Зарю» и «Покоющійся Трудолюбецъ», затѣмъ нѣсколько журналовъ разнороднаго содержанія и «Дѣтское Чтеніе», которое онъ давалъ въ видѣ приложеній къ «Московскимъ Вѣдомостямъ». Кромѣ того, въ теченіе 10-ти лѣтъ Новиковъ редактировалъ «Московскія Вѣдомости», превративъ ихъ изъ сухаго, чисто оффиціальнаго органа въ живую газету, отвѣчавшую разнообразнымъ вопросамъ времени. Всѣ эти изданія, за весьма малыми исключеніями, Новиковъ самъ редактировалъ и во многихъ помѣщалъ свои собственныя статьи, благодаря чему его журналы отличались единствомъ и цѣльностью направленія. Мы уже указывали на ихъ содержаніе, а потому теперь отмѣтимъ только тѣ главные принципы, которые проводились въ нихъ и выражали направленіе всей его дѣятельности.

Прежде всего, съ первыхъ шаговъ своего вступленія въ литературу, Новиковъ высказываетъ глубокое уваженіе къ человѣческому разуму, а слѣдовательно къ наукѣ и къ просвѣщенію. Онъ ставитъ все житейское зло, какъ напр. жестокость, лицемѣріе

и ханжество, всякаго рода несправедливости и пр. въ прямую зависимость отъ невѣжества, отъ «непросвѣщенія разума». На ряду съ разумомъ Новиковъ признаетъ однако и необходимость вѣры, какъ дополненія къ нему. По его убѣжденію, разумъ и вѣра должны находиться въ тѣсной зависимости, подкрѣпляя другъ друга.

Какъ идеалистъ, Новиковъ искалъ примиренія между умомъ и сердцемъ; онъ не могъ остановиться на признаніи одного ума, потому что тогда передъ нимъ открылась бы цѣлая бездна сомнѣній и неизвѣстности, чего не могла допустить его любвеобильная натура, побуждавшая его вносить въ жизнь положительные идеалы. Эти-то два основныхъ принципа, т. е. желаніе пробудить общественный умъ и открыть ему путь къ просвѣщенію, съ одной стороны, и желаніе указать ему способъ къ нравственному усовершенствованію посредствомъ христіанской вѣры съ другой—даютъ направленіе всей остальной издательской дѣятельности Новикова. Онъ издаетъ множество книгъ съ просвѣтительной цѣлью, начиная отъ элементарныхъ учебниковъ и кончая научными сочиненіями по всевозможнымъ областямъ знаній, которыя были тогда доступны и необходимы русскому обществу. Тутъ были и историческія сочиненія, между которыми особенно замѣчательны его сборники матеріаловъ для изученія русской исторіи, и педагогическія, философскія, агрономическія, медицинскія и пр. По беллетристикѣ онъ издалъ переводы многихъ классическихъ сочиненій, какъ напр. «Потерянный рай» Мильтона, «Донъ-Кихотъ»—Сервантеса, нѣсколько сочиненій Шекспира, въ переводахъ Карамзина и пр. По беллетристикѣ Новиковымъ было выпущено и много другихъ сочиненій, отчасти вѣроятно для того, чтобы хоть этимъ пріохотить публику къ чтенію, а отчасти и просто въ виду матеріальной необходимости: надо же было соблюдать интересы типографіи, за которую приходилось платить аренду университету.

Проповѣдуя необходимость образованія, Новиковъ естественно не могъ пройти мимо вопроса о воспитаніи. Онъ первый заговорилъ у насъ въ литературѣ о педагогикѣ и высказалъ по этому поводу болѣе столѣтія тому назадъ такіе взгляды, которые представляютъ еще и въ наше время не достигнутый идеалъ. Онъ же положилъ начало изданію перваго дѣтскаго журнала въ Россіи. Въ интересахъ вѣры, Новиковымъ было издано также

очень много книгъ по религіознонравственнымъ вопросамъ; принадлежность его къ масонству давала большинству изъ этихъ сочиненій мистическій характеръ.

Такимъ образомъ Новиковъ является человѣкомъ, который впервые начинаетъ мужественно и энергически пробивать со всѣхъ сторонъ толстую стѣну русскаго невѣжества. Въ теченіе 20-ти лѣтъ онъ безпрерывно будитъ общество то сатирой, переходящей порой въ негодованіе, то усиленными попытками заинтересовать его наукой, литературой, вопросами педагогическими и религіозными. Старанія эти не остаются безъ результатовъ. Новикову удается создать читателя, да и не только читателя, но и писателя. Мысль, однажды пробужденная и заинтересованая вопросами духа, вызвала у людей даровитыхъ желаніе писать, а Новиковъ поддерживалъ это желаніе, употребляя всѣ усилія, чтобы дать окрѣпнуть и выработаться молодымъ талантамъ. Мы уже указывали на то, что въ «Утреннемъ Свѣтѣ», первомъ философскомъ журналѣ Новикова, было гораздо болѣе переводныхъ статей, чѣмъ въ послѣдующихъ.

Въ серединѣ 1780-хъ годовъ, въ самомъ блестящемъ періодѣ своей дѣятельности, Новиковъ стоитъ во главѣ цѣлаго кружка лицъ, которыя всецѣло посвящаютъ свои силы интересамъ литературы и науки. При этомъ нельзя не вспомнить о безвременно погибшемъ Иванѣ Григорьевичѣ Шварцѣ, который можетъ по справедливости раздѣлить заслугу Новикова передъ потомствомъ.

Новиковъ и Шварцъ съумѣли разжечь и поддержать тотъ божественный огонь, который съ тѣхъ поръ то ярче, то слабѣе, но непрерывно горитъ въ обществѣ и напоминаетъ ему, что не о единомъ хлѣбѣ должно жить человѣчество.

ГЛАВА VI.

Переѣздъ Новикова въ Авдотьино. — Назначеніе въ Москву князя Прозоровскаго. — Травля мартинистовъ. — Ликвидація „Типографической Компаніи". — Обыскъ у Новикова. — Арестъ его и доставленіе въ Москву подъ конвоемъ. — Допросъ у Шешковскаго. — Заключеніе въ Шлиссельбургскую крѣпость. — Воцареніе Павла и освобожденіе Новикова. — Послѣдніе годы его жизни въ Авдотьинѣ.

Непріятности послѣднихъ лѣтъ подорвали окончательно и безъ того разстроенное здоровье Новикова и вынудили его съ конца 1788 года поселиться въ Авдотьинѣ, откуда онъ могъ изрѣдка пріѣзжать въ Москву по дѣламъ издательства.

Плохо жилось Новикову и его друзьямъ въ эти послѣдніе годы ихъ дѣятельности. Не говоря уже о томъ, что издательскія дѣла ихъ шли все хуже и хуже — они жили подъ гнетомъ недружелюбнаго отношенія къ нимъ правительства и подъ вѣчнымъ опасеніемъ навлечь на себя какія-нибудь новыя неудовольствія. Къ довершенію всѣхъ бѣдъ, въ 1789 году во Франціи разыгралась революція.

Императрица, давно уже отказавшаяся отъ своихъ первоначально либеральныхъ стремленій, теперь, подъ вліяніемъ ужасовъ революціи, рѣшилась стереть съ лица земли все, что носило у насъ хоть тѣнь какой-нибудь независимости. То, что считалось законнымъ и возможнымъ 10, даже 5 лѣтъ тому назадъ, — сдѣлалось теперь нетолько невозможнымъ, но и подвергалось гоненію. Просвѣщенные вельможи, сподвижники первыхъ годовъ царствованія Екатерины, сошли со сцены; ихъ замѣнили другіе.... Злонамѣренные люди, пользуясь случаемъ проявить свое усердіе, стали изощряться въ доносахъ. Мартинистовъ стали обвинять въ революціонныхъ намѣреніяхъ, особенно послѣ того, какъ оказалось, что многіе видные дѣятели французской революціи вышли изъ тамош-

нихъ масонскихъ ложъ. Надъ мартинистами, очевидно, собиралась гроза. На ихъ несчастіе Еропкинъ, относившійся къ нимъ безъ всякой непріязни, былъ въ 1790 году уволенъ по прошенію въ отставку. На его мѣсто назначенъ былъ генералъ-аншефъ князь Прозоровскій, человѣкъ невѣжественный, ограниченный и надменный. Очевидно, онъ былъ посланъ Екатериною въ Москву спеціально для того, чтобы ее подтянуть и не дать развиться въ ней элементамъ, которыхъ правительство, при данныхъ политическихъ обстоятельствахъ,очень опасалось. Князь Прозоровскій оправдалъ вполнѣ возлагавшіяся на него надежды. По пріѣздѣ въ Москву, онъ окружилъ мартинистовъ шпіонами, которые доносили ему о каждомъ ихъ шагѣ. Письма ихъ вскрывались на почтѣ, и всѣ казавшіяся почему-либо подозрительными задерживались. Тутъ слѣдуетъ отмѣтить одно обстоятельство, касающееся Новикова. Мы уже знаемъ, что баронъ Шредеръ, ненавидѣвшій его и желавшій ему отмстить, уѣхалъ въ 1787 г. заграницу. Живя въ Германіи, Шредеръ тѣмъ не менѣе слѣдилъ за тѣмъ, что происходило въ Россіи. Зная о гоненіяхъ, воздвигнутыхъ на мартинистовъ, онъ нашелъ это время самымъ удобнымъ для отмщенія Новикову. Съ этою цѣлью онъ сталъ писать ему изъ-за границы о какихъ-то таинственныхъ дѣлахъ, будто бы извѣстныхъ Новикову. Письма эти конечно не доходили по адресу. Они задерживались на почтѣ, возбуждая противъ Новикова сильныя подозрѣнія, и впослѣдствіи были поставлены ему въ вину.

Прозоровскій слалъ на мартинистовъ доносъ за доносомъ Екатеринѣ и наконецъ до такой степени раздражилъ ее противъ нихъ, что она даже спросила его, почему же онъ не велитъ арестовать Новикова. Прозоровскій отвѣчалъ, что ей стоитъ лишь приказать. Но Екатерина не рѣшалась еще на эту мѣру, не находя причины для ареста. Между тѣмъ дѣла «Типографической Компаніи» шли все хуже и хуже, и наконецъ, съ общаго согласія ея членовъ, въ ноябрѣ 1791 года былъ подписанъ актъ объ ея ликвидаціи. Въ силу его, Новиковъ оставилъ за собой домъ у Никольскихъ воротъ, купленный на его имя, всѣ книги, напечатанныя въ типографіяхъ, которыми онъ завѣдывалъ, т. е. въ университетской, компанейской и Лопухинской,—типографскія принадлежности и аптеку. При этомъ Новиковъ принималъ на себ долги общества, простиравшіеся тогда до 300 тысячъ. Въ 1791 Новиковъ овдовѣлъ и сталъ уже безвыѣздно жить въ Авдотьин

занимаясь воспитаніемъ своихъ дѣтей и племянниковъ, Хрущовыхъ, жившихъ у него вмѣстѣ съ учителемъ. У него же поселился въ это время и молодой Багрянскій, вернувшійся въ этомъ году изъ-за границы, гдѣ онъ получилъ степень доктора медицины.

Но не долго пользовался Новиковъ спокойною жизнью въ Авдотьинѣ. Императрица, давно уже рѣшившая съ нимъ покончить и дожидавшаяся только предлога, наконецъ нашла его.... Ей была доставлена книга съ выдраннымъ заглавнымъ листомъ, напечатанная церковнымъ шрифтомъ и содержащая въ себѣ раскольничьи сочиненія. То была «Исторія объ отцахъ и страдальцахъ Соловецкихъ», написанная и когда-то напечатанная старообрядцами, а потомъ перепечатанная неизвѣстно кѣмъ (можетъ быть и дѣйствительно Новиковымъ), вѣроятно, въ видахъ сохраненія рѣдкаго раскольничьяго документа. Въ перепечаткѣ этой книги, заключавшей статьи, противныя духу православія и правительству, императрица заподозрѣла Новикова, который, по дошедшимъ до нея слухамъ, устроилъ даже у себя въ имѣніи тайную типографію, и указомъ отъ 12-го апрѣля 1792 г. предписала Прозоровскому произвести у Новикова внезапный обыскъ, какъ въ Авдотьинѣ, такъ и въ московскомъ его домѣ. Еслибы у Новикова нашлись церковные шрифты и экземпляры вышеуказанной книги, то они должны были быть конфискованы, а самъ онъ, какъ издатель, подвергнуться отвѣтственности, т. е. взятъ подъ присмотръ и допрошенъ. Затѣмъ, Прозоровскому предписывалось также изслѣдовать вопросъ, какимъ образомъ Новиковъ, не получившій большаго состоянія ни по наслѣдству, ни другими законными путями, считается теперь въ числѣ богатыхъ людей и какъ пріобрѣлъ онъ свое состояніе. Обо всемъ, что откроется, повелѣвалось донести немедленно и обстоятельно.

Утромъ 22-го апрѣля, лица, уполномоченныя Прозоровскимъ произвести обыскъ, прибыли въ Авдотьино и приступили къ дѣлу. Шрифтовъ и церковныхъ литеръ не оказалось, но за то найдены были книги, напечатанныя въ тайной розенкрейцерской типографіи и перевезенныя въ Авдотьино изъ имѣнія кн. Черкасскаго. Обстоятельство это такъ подѣйствовало на Новикова, что онъ захворалъ. Съ нимъ стали дѣлаться частые обмороки, поэтому его не рѣшились везти тотчасъ же въ Москву, а оставили въ Ав-

*

дотьинѣ, на попеченіи Багрянскаго и подъ присмотромъ Никитскаго городничаго и его команды.

Между тѣмъ въ Москвѣ тоже производились обыски. Обысканы были: компанейскій домъ, Новиковская и всѣ вольныя книжныя лавки. Тутъ было найдено: 20 книгъ, продажа которыхъ была запрещена въ 1786—87 годахъ, и 48, напечатанныхъ безъ указнаго дозволенія. Книгопродавцы были призваны къ отвѣту и, хоть сначала и запирались, но потомъ показали, что книги эти они получали отъ Новикова и развозили ихъ по ярмаркамъ, а Кольчугинъ, бывшій прикащикомъ въ лавкѣ у Новикова, заявилъ, что такихъ книгъ хранится въ складахъ гостинаго двора и на суконной фабрикѣ за Москвой рѣкой на сумму до 5 тысячъ рублей. Кольчугинъ и сидѣльцы въ лавкѣ Новикова были задержаны, остальные отпущены.

Прозоровскій, получивъ извѣстіе, что Новиковъ оставленъ въ Авдотьинѣ по случаю болѣзни, нашелъ, что команды городничаго мало для охраны такого важнаго преступника, и послалъ въ Авдотьино гусарскаго маіора, князя Жевахова, съ 12 солдатами, при оберъ и унтеръ-офицерахъ и капралѣ.

Князь Жеваховъ долженъ былъ имѣть караулъ надъ Новиковымъ и привезти его въ Москву при первой возможности. Появленіе Жевахова въ деревнѣ было въ то время событіемъ неслыханнымъ и возбудило всеобщее недоумѣніе и испугъ, а на дѣтей Новикова появленіе солдатъ произвело такое впечатлѣніе, что съ сыномъ его и одною изъ дочерей сдѣлались припадки падучей болѣзни, которою они страдали до конца жизни. Жеваховъ нашелъ возможнымъ везти Новикова тотчасъ же, не смотря на то, что послѣдній былъ совсѣмъ боленъ. Черезъ два часа по прибытіи Жевахова въ Авдотьино, Новикова везли уже подъ конвоемъ въ Москву. Событіе это сильно огорчило какъ крестьянъ Николая Ивановича, которые оплакивали его, какъ роднаго отца, такъ и всѣхъ сосѣднихъ помѣщиковъ, которые любили его и уважали. Съ Новиковымъ поѣхали Багрянскій и одинъ изъ слугъ, а дѣти Николая Ивановича и его племянники остались въ Авдотьинѣ, гдѣ поселился гусарскій офицеръ съ четырьмя солдатами для того, чтобы помѣшать вывозу чего либо запретнаго изъ имѣнія.

По прибытіи въ Москву, Новиковъ былъ тотчасъ же доставленъ къ Прозовскому, который снялъ съ него допросъ, а затѣмъ отпустилъ его подъ домашній арестъ, такъ какъ Новиковъ былъ

слишкомъ боленъ и не могъ быть посаженъ въ острогъ; да и по буквѣ предписанія его слѣдовало арестовать въ томъ лишь случаѣ, если у него окажутся «литеры», а ихъ не оказалось.

Съ Новиковымъ поселился Багрянскій. Жевахову велѣно было имѣть надъ ними самый строгій надзоръ, и даже лекарства дозволялось прописывать не иначе, какъ въ его присутствіи. Прозоровскій допрашивалъ Новикова нѣсколько разъ и каждый разъ, донося объ нихъ императрицѣ, характеризовалъ его, какъ человѣка «коварнаго» и «лукаваго», имѣющаго «дерзкій и смѣлый характеръ», человѣка, отъ котораго трудно добиться показаній, и просилъ прислать для допроса знаменитаго въ то время сыщика Шешковскаго. Дѣло въ томъ, что Прозоровскій былъ человѣкъ очень недалекій и къ тому же невѣжественный; онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о масонствѣ, а потому затруднялся вести дѣло Новикова и желалъ отъ него избавиться. Императрица, очень довольная энергіею и распорядительностью Прозоровскаго, тѣмъ не менѣе, сама вѣроятно убѣдилась, что веденіе этого дѣла ему не по силамъ. Донесенія его по поводу масонскихъ бумагъ, найденныхъ у Новикова, представляли цѣлый рядъ неправильныхъ и неосновательныхъ сужденій и только запутывали дѣло. Поэтому императрица рѣшила передать Новикова Шешковскому. Для этого велѣно было со всею осторожностью, не по петербургскому тракту, а черезъ Ярославль и Тихвинъ, препроводить его въ Шлиссельбургскую крѣпость. Коменданту крѣпости велѣно было принять арестанта, котораго привезутъ отъ Прозоровскаго, безъ обозначенія фамиліи.

10-го мая, въ два часа ночи, къ дому Новикова въ Москвѣ подъѣхала кибитка, въ которую былъ посаженъ больной вмѣстѣ со своимъ слугою и съ Багрянскимъ, получившимъ разрѣшеніе добровольно раздѣлить его участь. Передъ отъѣздомъ они всѣ трое были обысканы и отъ нихъ отобрали всѣ вещи, которыми они могли бы нанести себѣ какой-нибудь вредъ. Арестованнаго сопровождалъ конвой изъ двухъ офицеровъ, трехъ унтеръ-офицеровъ и шести солдатъ, подъ начальствомъ князя Жевахова. Всю дорогу за Новиковымъ неустанно слѣдили, чтобы онъ надъ собой чего-нибудь не сдѣлалъ и въ то же время тщательно умалчивали о томъ, куда его везутъ. Наконецъ больного, измученнаго, разбитаго физически и нравственно, его привезли въ Шлиссельбургскую

крѣпость и посадили въ тотъ самый казематъ, гдѣ нѣкогда томился несчастный Іоаннъ Антоновичъ.

Отправляя Новикова, Прозоровскій слѣдующимъ образомъ характеризовалъ его въ письмѣ къ Шешковскому: «птицу Новикова къ вамъ направилъ; правда, что не безъ труда вамъ будетъ съ нимъ, лукавъ до безконечности, безсовѣстенъ, и смѣлъ, и дерзокъ». Прозоровскій, преувеличивая значеніе дѣла о личной «злонамѣренности» Новикова, самъ сознавалъ свое безсиліе и неоднократно звалъ на помощь Шешковскаго: «сердечно желаю, писалъ онъ ему 4-го мая, чтобы вы ко мнѣ пріѣхали, а одинъ съ нимъ не слажу. Экова плута тонкаго мало я видывалъ». Затѣмъ, въ отвѣтъ на письмо Шешковскаго, въ которомъ тотъ тоже жаловался, что усталъ отъ слѣдствія, онъ отвѣчалъ: «вѣрю, что вы замучились, я не много съ нимъ имѣлъ дѣла, да по полету уже примѣтилъ какова сія птичка!» Въ письмахъ Прозоровскаго къ Шешковскому много таинственнаго, встрѣчаются какіе то намеки, полуслова: «дѣло нежное», «въ случаѣ остерегите» и т. п. Вообще дѣлу Новикова придавалось несоотвѣтственно большое значеніе. Объ этомъ можно судить уже по одному письму Прозоровскаго отъ 24-го августа, которое онъ послалъ со вторымъ нарочнымъ курьеромъ: «при отправкѣ нынѣшняго курьера, ошибкой директоръ моей канцеляріи не приложилъ бумаги при реляціи къ Е. И. Величеству... Бумага сія есть развратное ихъ мнѣніе объ Адамѣ. Того для при семъ оную прилагаю, отправляю другаго нарочнаго для догнанія перваго курьера и прошу Ваше Превосходительство, при поднесеніи всеподданнѣйшихъ моихъ Ея Величеству донесеній, и сію бумагу поднести».

Не успѣлъ еще Новиковъ оправиться отъ своего путешествія, какъ передъ нимъ уже предсталъ грозный Шешковскій, одно имя котораго наводило въ тѣ времена ужасъ. Шешковскій предложилъ Новикову вопросные пункты, на которые тотъ долженъ былъ отвѣчать письменно. Новиковъ отвѣчалъ на 57 вопросныхъ пунктовъ и еще на 18 дополнительныхъ. Нѣкоторые вопросы дѣлались на *вы*, другіе на *ты*. Говорятъ, что по окончаніи допроса Шешковскій предложилъ Новикову дать подписку въ томъ, что онъ отрекается отъ своихъ убѣжденій и считаетъ ихъ ложными. Но тотъ отказался это сдѣлать. Очень возможно, что кромѣ разныхъ соображеній того времени, самый видъ и способъ отвѣтовъ Новикова внушали подозрѣніе.

Къ выразительнымъ, энергичнымъ чертамъ его лица, сохраненнымъ намъ портретомъ Боровиковскаго, вотъ что добавляетъ еще кн. Е. Р. Дашкова въ письмѣ къ Ив. Вл. Лопухину: «мнѣ онъ тотчасъ бросился въ глаза и я бы тотчасъ узнала его, безъ всякихъ вашихъ рекомендацій, по одному его черному пастырскому кафтану, по его башмакамъ съ черными же, особенно глянцевитыми пряжками. Лицо его открыто, но не знаю, я какъ-то боюсь его: въ его прекрасномъ лицѣ есть что то тайное»...

Болѣе двухъ мѣсяцевъ Новиковъ томился неизвѣстностью относительно рѣшенія своей участи. Полагаютъ, что императрица была нѣсколько разочарована его показаніями. Онъ оказался менѣе виновнымъ, чѣмъ она ожидала, и можетъ быть поэтому медлила подписаніемъ приговора. Но предубѣжденіе одержало верхъ, и 1-го августа 1792 года вышелъ наконецъ указъ, которымъ опредѣлялось Новикову наказаніе. Въ этомъ указѣ перечислялись сначала вины Новикова, сводившіяся къ слѣдующему: Новиковъ, признававшійся вреднымъ государственнымъ преступникомъ, имѣвшимъ сообщниковъ, обвинялся въ составленіи вмѣстѣ съ ними тайныхъ сборищъ, на которыхъ произносились клятвы, съ цѣлованіемъ креста и евангелія, въ повиновеніи ордену розенкрейцеровъ и въ сохраненіи его тайнъ. Они, т. е. Новиковъ и его сообщники, подчинялись герцогу Брауншвегскому помимо законной власти; были въ перепискѣ съ принцемъ Гессенъ-Кассельскимъ и съ Вельнеромъ, во время «недоброхотства» Пруссіи къ Россіи, чѣмъ нарушали вѣрноподданническую присягу. Они издавали и продавали «непозволенныя, развращенныя и противныя закону православному книги», даже послѣ двухъ запрещеній, и завели тайную типографію. Въ уставѣ ордена, писанномъ рукой Новикова, значатся храмы, епископы, эпархіи, муропомазаніе и другія установленія, свойственныя лишь церкви, а показанія Новикова, что все это лишь аллегорическія выраженія, для приданія вящшей важности обществу, свидѣтельствуютъ еще болѣе о томъ, что для колебанія «слабыхъ умовъ» употреблялись коварство и обманъ.

Затѣмъ говорилось, что хотя Новиковъ и не открылъ своихъ тайныхъ замысловъ, но всего сказаннаго довольно, чтобы подвергнуть его, по силѣ законовъ, «тягчайшей и нещадной казни»; но Екатерина, «слѣдуя сродному ей человѣколюбію и желая оставить ему время на принесеніе въ своихъ злодѣйствахъ покаянія», огра-

ничивалась приказаніемъ: «запереть его на 15 лѣтъ въ Шлиссельбургскую крѣпость».

Замѣчательно, что такая кара постигла лишь одного Новикова. Изъ всѣхъ его товарищей, названныхъ въ указѣ «сообщниками», пострадали только двое, да и то очень легко. Наиболѣе виновными изъ нихъ были признаны: князь Н. Трубецкой, Тургеневъ и Лопухинъ. Всѣ они привлекались Прозоровскимъ къ допросу по 18 пунктамъ, присланнымъ Екатериною, послѣ чего имъ было объявлено, что они ссылаются на жительство въ свои отдаленныя помѣстья, съ воспрещеніемъ выѣзжать за предѣлы своей губерніи.

Князь Н. Трубецкой и Тургеневъ подверглись объявленному имъ приговору; что-же касается Лопухина, боявшагося огорчить своею высылкою стараго больного отца, то онъ съумѣлъ избѣжать и этого сравнительно ничтожнаго наказанія, благодаря смѣлому и прочувствованному обращенію къ императрицѣ, приложенному имъ къ своимъ письменнымъ показаніямъ. Обращеніе это, въ которомъ Лопухинъ энергично оправдывается во взводимыхъ на него обвиненіяхъ, было такъ искренно написано, что тронуло Екатерину до слезъ и побудило ее простить Лопухина и разрѣшить ему остаться въ Москвѣ, подъ наблюденіемъ начальства. При этомъ съ него было взято честное слово, что онъ отстанетъ отъ своихъ прежнихъ московскихъ связей. Во время производства слѣдствія надъ Новиковымъ, Лопухинымъ, Н. Трубецкимъ и Тургеневымъ, подверглись обыскамъ и допросамъ и нѣкоторые другіе члены розенкрейцерства; но все это было предоставлено уже низшимъ полицейскимъ чинамъ и не имѣло никакихъ послѣдствій. Такъ, мы знаемъ, что къ Гамалѣѣ являлся полицейскій чиновникъ, и, желая, по сердечной добротѣ, помочь ему написать получше показанія, сталъ учить его, какъ писать, на что Гамалѣя отвѣтилъ: «а развѣ можно лгать, да еще при этомъ нарушать присягу», и сталъ такъ убѣждать чиновника слѣдовать всегда по пути христіанскаго закона и нравственности, что тотъ прослезился, сталъ работать надъ своимъ нравственнымъ усовершенствованіемъ и называлъ потомъ Гамалѣю своимъ благодѣтелемъ. Послѣ рѣшенія участи Новикова, Гамалѣя переѣхалъ въ Авдотьино и сталъ жить съ дѣтьми Новикова. Онъ прожилъ въ Авдотьинѣ тридцать лѣтъ, занимаясь чтеніемъ и переводами душеспасительныхъ сочиненій, и тамъ же и умеръ. Братъ Новикова

къ дѣлу не привлекался, хотя Прозоровскій и доносилъ о немъ, что онъ «лихъ и фанатикъ». Нѣкоторыхъ изъ участниковъ и близкихъ къ дѣлу лицъ Прозоровскій характеризовалъ совсѣмъ иначе: «кн. Юрья Трубецкой глупъ и ничего не значитъ», писалъ онъ Шешковскому, «Татищевъ глупъ» и т. п. Хотѣлъ ли при этомъ онъ выгородить ихъ изъ дѣла или искренно былъ о нихъ такого мнѣнія—сказать довольно трудно.

Такъ окончилась дѣятельность Новикова и его друзей и единомышленниковъ. Теперь остается только выяснить, за что постигло Новикова такое тяжелое наказаніе, по сравненію съ другими участниками? Чѣмъ объяснить такую неравномѣрность въ наказаніяхъ, а также и то обстоятельство, что императрица, преслѣдуя мартинистовъ, выместила все свое раздраженіе на человѣкѣ, который былъ гораздо менѣе усерднымъ масономъ, чѣмъ другіе, а занимался главнымъ образомъ практическимъ дѣломъ распространенія просвѣщенія въ Россіи? Объясненіе этого, какъ намъ кажется, заключается въ слѣдующемъ: императрица начала борьбу съ мартинистами не за принадлежность ихъ собственно къ масонству. Она могла лично несочувствовать масонству, смѣяться надъ нимъ, презирать его, считая его шарлатанствомъ, но до тѣхъ поръ, пока масоны не выступили на поприще общественной дѣятельности и не сдѣлались силой въ глазахъ общества,—она ихъ не трогала. Затѣмъ, начавъ преслѣдованіе, она вооружилась только противъ московскихъ масоновъ, оставляя безъ всякаго вниманія петербургскихъ, продолжавшихъ спокойно существовать у нея подъ бокомъ. Послѣднее обстоятельство можно объяснить именно только тѣмъ, что петербургскіе масоны ограничивались въ своей дѣятельности простой благотворительностью и никакой роли въ общественной жизни не стремились играть... Новиковъ былъ человѣкъ выдающійся, умѣвшій собирать вокругъ себя людей, воодушевлять ихъ своими идеями и заставлять дѣйствовать. За какое бы дѣло онъ ни взялся,— будь то изданіе журнала, устройство школы, типографское дѣло,—онъ постоянно обращался къ обществу, просилъ его содѣйствія и успѣвалъ собрать около себя кружокъ людей, безусловно ему довѣрявшихъ и готовыхъ жертвовать для задуманнаго имъ дѣла и временемъ, и трудомъ, и даже всѣмъ своимъ состояніемъ.

Такъ, напримѣръ, Походяшинъ, обладавшій очень большими

средствами, совершенно разорился на предпріятія компаніи и умеръ въ бѣдности, сохраняя однако до послѣдней минуты благоговѣйное воспоминаніе о Новиковѣ.

Новиковъ провелъ въ крѣпости 4 года. Жизнь его тамъ была очень тяжела. Ему позволено было взять съ собою только одну книгу—Библію, которую онъ и выучилъ тамъ наизусть. Одно время онъ сидѣлъ безвыходно въ камерѣ, лишенный воздуха и какого бы то ни было развлеченія, но потомъ ему позволили гулять внутри крѣпостнаго двора. По донесеніямъ шлиссельбургскаго коменданта, Колюбакина, чиновника тайной экспедиціи Макарова и командированнаго тогдашнимъ генералъ-прокуроромъ Самойловымъ—Крюкова, для обозрѣнія секретныхъ арестантовъ и ихъ содержанія, видно, что Новикову приходилось плохо питаться и терпѣть нужду въ самой необходимой одеждѣ и въ лекарствахъ. Крюковъ, послѣ того, какъ ходатайство коменданта о лекарствахъ для Новикова было оставлено безъ послѣдствій, говоритъ въ своемъ донесеніи слѣдующее: «онъ (т. е. Новиковъ), будучи обдержимъ разными припадками и не имѣя никакого себѣ отъ этого пособія, получилъ наконецъ нынѣ внутренній желудочный прорывъ, отъ чего и терпитъ тягчайшее страданіе, онъ и проситъ къ облегченію судьбы своей отъ вашего сіятельства человѣколюбивѣйшаго милосердія, а притомъ страждутъ они съ Багрянскимъ и отъ опредѣленнаго имъ къ содержанію малаго числа кормовыхъ»...

Просьбы Новикова о помилованіи и объ облегченіи участи оставлялись безъ послѣдствій. О немъ точно забыли.

6 ноября 1796 г. императрица умерла. Императоръ Павелъ, по восшествіи на престолъ, немедленно велѣлъ выпустить Новикова изъ крѣпости и предоставить ему полную свободу. Въ то же время кн. Н. Трубецкому и Тургеневу позволено было выѣхать изъ деревень, куда они были сосланы на житье, а съ Лопухина снятъ былъ надзоръ. По совѣту коменданта, Новиковъ отправился прямо къ себѣ въ Авдотьино и прибылъ туда 19 ноября. Вотъ какъ описываетъ Гамалѣя въ одномъ письмѣ его возвращеніе: «онъ прибылъ къ намъ 19 ноября поутру—дряхлъ, старъ, согбенъ, въ разодранномъ тулупѣ». Изъ дѣтей больной сынъ «въ безпамятствѣ подбѣжалъ къ нему, старшая дочь въ слезахъ подошла, а меньшая не помнила его, и ей надобно было сказать, что онъ ея отецъ». «Нѣкоторое отсвѣчиваніе лучей небесной ра-

дости,—говоритъ онъ далѣе,—видѣлъ я на здѣшнихъ поселянахъ, какъ они обнимали Николая Ивановича, вспоминая при томъ, что они въ голодный годъ великую черезъ него помощь получали; и то не только здѣшніе жители, но и отдаленныхъ чужихъ селеній».

Не успѣлъ еще Новиковъ оправиться и отдохнуть отъ дороги, какъ въ Авдотьино прискакалъ фельдъегерь съ приказаніемъ везти его въ Петербургъ и представить государю. 5 декабря Новиковъ, прямо съ дороги, въ дорожномъ платьѣ и съ отросшею бородою, былъ доставленъ въ кабинетъ къ государю. Павелъ встрѣтилъ его очень милостиво и съ ласковымъ упрекомъ сказалъ: «какъ же я тебя освободилъ, а ты не хотѣлъ меня поблагодарить?» Новиковъ извинился, говоря, что шлиссельбургскій комендантъ посовѣтовалъ ему ѣхать прямо домой. Государь предложилъ Новикову вознагражденіе за понесенныя имъ гоненія и убытки, но тотъ отказался отъ денежной помощи и просилъ его лишь объ освобожденіи всѣхъ заключенныхъ по его дѣлу (до 8 человѣкъ) и о содѣйствіи скорѣйшей продажѣ своего имущества для уплаты долговъ или о передачѣ его главному кредитору—Походяшину. Дѣло въ томъ, что по приказанію покойной императрицы, послѣ ареста Новикова, надъ имуществомъ его назначена была опека, которая должна была это имущество продать съ аукціона и покрыть его долги; но дѣло затянулось, шла переписка и обычная волокита и продажа не состоялась до самаго освобожденія Новикова. Государь обѣщалъ сдѣлать все, что будетъ отъ него зависѣть для скорѣйшей ликвидаціи его дѣлъ; вообще, очень обласкалъ его и бесѣдовалъ съ нимъ около часа. Заключенные по Новиковскому дѣлу были немедленно же освобождены, и Павелъ дѣйствительно первое время помнилъ о Новиковѣ (даже спросилъ объ его здоровьѣ во время коронаціи у брата его Алексѣя Ивановича, при представленіи послѣдняго въ числѣ прочихъ дворянъ); но потомъ забылъ о немъ и не исполнилъ обѣщанія относительно ускоренія волокиты, которой подвергалось его имущество.

По вторичномъ возвращеніи своемъ въ Авдотьино, Николай Ивановичъ принялся за приведеніе въ порядокъ своихъ дѣлъ съ цѣлью уплаты долговъ.

Не смотря однако на всѣ его старанія, дѣло это долго не приходило къ развязкѣ. Втеченіи четырехъ лѣтъ оно перехо-

дило изъ одной инстанціи въ другую и привело къ полному разоренію не только самаго Новикова, но и его кредиторовъ. Наконецъ въ 1801 году состоялось между ними соглашеніе, въ силу котораго рѣшено было освободить присутственныя мѣста отъ нѣсконча емаго разбора дѣлъ Новикова и продать все его имущество не съ аукціоннаго торга, а хозяйственнымъ образомъ, для чего и отдать все это имущество Походяшину, которому поручить продажу съ тѣмъ, чтобы онъ, по мѣрѣ выручекъ, платилъ по разсчету кредиторамъ. Долги Новикова исчислялись въ 753,537 р. $43^1/_4$ копѣйки. Эта громадная сумма достаточно говоритъ о томъ, какъ велико было довѣріе, которымъ пользовался въ обществѣ Николай Ивановичъ. Послѣ передачи всего имущества Походяшину, Новиковъ остался при одномъ Авдотьинѣ, которое было также уже заложено. На Авдотьино (Тихвенское тожъ) опека не распространилась, потому что оно находилось въ нераздѣльномъ владѣніи съ братомъ, Алексѣемъ Ивановичемъ, который и раньше имъ завѣдывалъ, и потомъ жилъ тамъ съ дѣтьми Николая Ивановича, такъ что оно было оставлено собственно на его долю.

Остатокъ своей жизни Николай Ивановичъ провелъ въ крайней бѣдности, которая вынуждала его иногда даже обращаться къ знакомымъ съ письменными просьбами о денежномъ пособіи. Послѣ его смерти и Авдотьино было продано за долги съ аукціона. Купилъ его генералъ-маіоръ П. А. Лопухинъ. Послѣ смерти послѣдняго, жена его передала это имѣніе въ собственность Московскаго Комитета для разбора и призрѣнія просящихъ милостыню съ тѣмъ, чтобы Комитетъ устроилъ въ этомъ имѣньѣ богадѣльню и больницу.

Послѣдніе годы жизни Новиковъ провелъ въ уединеніи, изрѣдка выѣзжая изъ Авдотьина по неотложнымъ дѣламъ или къ нѣкоторымъ сосѣдямъ, съ которыми былъ друженъ. Внукъ его, г-нъ Рябовъ, говоритъ, что вообще онъ былъ удрученъ болѣзнями, несчастіемъ своего семейства и тягостнымъ положеніемъ дѣлъ, особенно послѣ смерти брата своего; не принималъ никакого участія въ литературѣ, почти со всѣми прежними знакомыми разстался, кромѣ лишь очень не многихъ; что нѣкоторые изъ нихъ помогали ему денежными средствами, но что вообще твердость духа ему никогда не измѣняла и что онъ всегда казался спокойнымъ, не жаловался и терпѣливо переносилъ свою судьбу. Вотъ что

писалъ самъ онъ одному изъ друзей: «силы мои изнуряются подъ тяжкимъ бременемъ крестовъ: я такъ одряхлѣлъ, что вы бы меня не узнали». Новиковъ дѣйствительно несъ нѣсколько крестовъ: на его старческихъ рукахъ оказались двое больныхъ дѣтей— сынъ и дочь, у которыхъ, какъ мы уже сказали, была падучая болѣзнь. Никакія медицинскія средства не помогали. Николай Ивановичъ въ концѣ концовъ самъ пытался лечить ихъ и выписывалъ разныя универсальныя средства изъ-за границы, но безполезно. Только одна изъ дочерей, Вѣра, хотя и слабаго здоровья, служила ему утѣшеніемъ: она писала за него всѣ письма, и онъ называлъ ее своимъ секретаремъ, а самъ едва могъ дрожавшею рукою подписывать фамилію.

Домъ, въ которомъ онъ жилъ, существуетъ и до сихъ поръ. Онъ построенъ на возвышенномъ берегу рѣчки Сѣверки и состоитъ изъ двухъ этажей. Николай Ивановичъ занималъ 2 крайнія комнаты верхняго этажа, изъ которыхъ одна служила ему спальней и кабинетомъ, а другая библіотекой. Въ этомъ же этажѣ жилъ и больной его сынъ. Обѣ дочери помѣщались внизу подъ комнатою брата, а подъ кабинетомъ Николая Ивановича жила вдова Шварца. Гамалѣя занималъ большую комнату внизу же. Новиковъ велъ очень регулярный образъ жизни: вставалъ въ 4 часа утра, выпивалъ чашку чая и до 8 часовъ занимался чтеніемъ или письмомъ за своимъ письменнымъ столомъ. Въ первомъ часу подавали обѣдъ, къ которому собирались всѣ, кромѣ двухъ больныхъ дѣтей. Въ это время Новиковъ имѣлъ обыкновеніе сообщать присутствующимъ о томъ, что онъ читалъ и что особенно обратило на себя его вниманіе. Послѣ обѣда онъ отдыхалъ часа полтора или два; затѣмъ до чаю, который пили въ 7 час. вечера, Николай Ивановичъ или гулялъ по своему огромному саду, занимавшему 12 десятинъ, или ходилъ на гумно, въ ригу и на деревню, гдѣ у него было много паціентовъ, которыхъ онъ не безуспѣшно лечилъ. Вообще Новиковъ, послѣ своего освобожденія, приложилъ много стараній къ устройству своихъ крестьянъ: на деньги, полученныя отъ залога въ Опекунскій Совѣтъ Авдотьина, онъ обстроилъ ихъ и до конца жизни заботился о нихъ, какъ только могъ. Неудивительно, что память о Николаѣ Ивановичѣ долго сохранялась и жила въ Авдотьинскихъ крестьянахъ. Особенно тепло и ласково относился онъ къ крестьянскимъ дѣтямъ. Вотъ что разсказывала въ 1858 г. объ Авдотьинѣ Ло-

пухина: «крестьяне этого села образованнѣе всѣхъ въ окрестности живущихъ, знаютъ грамоту и оканчиваютъ всѣ распри сами собою, помня сентенціи стариковъ, слышанныя ими отъ Николая Ивановича». Новиковъ очень много писалъ и диктовалъ, и послѣ него осталось множество бумагъ, которыя неизвѣстно куда дѣвались. До конца жизни онъ сохранилъ любовь къ литературѣ и просвѣщенію и еще въ 1805 году выражалъ желаніе взять на аренду университетскую типографію, съ платою 11 тыс. рублей въ годъ, но дѣло это почему-то не состоялось. Впрочемъ, болѣе всего въ этотъ періодъ его занимали вопросы религіозно-мистическаго характера.

Въ 1812 году тихая жизнь его была потревожена нашествіемъ французовъ. Всѣ сосѣдніе помѣщики разбѣжались, а онъ не тронулся съ мѣста. Проникнутый христіанскимъ смиреніемъ и покорный волѣ Божіей, онъ сказалъ: «что́ Богу угодно, то и будетъ». Мародеры однако не потревожили его. Грабя въ окрестностяхъ, они боялись заходить въ Авдотьино, разсчитывая встрѣтить тамъ засаду. Тутъ Новиковъ выказалъ опять свойственное ему человѣколюбіе и великодушіе: онъ выкупалъ у крестьянъ французовъ, захваченныхъ ими въ плѣнъ, платя за нихъ по рублю, лечилъ ихъ, кормилъ, а по выходѣ непріятеля изъ Москвы—сдавалъ ихъ французскому начальству, не требуя конечно вознагражденія.

Своими сношеніями съ французами Новиковъ навлекъ на себя подозрѣніе тогдашняго главнокомандующаго Москвы, графа Ростопчина, который предписалъ даже бронницкому исправнику разслѣдовать эти сношенія. Новиковъ прожилъ въ Авдотьинѣ больше 20 лѣтъ послѣ своего освобожденія и умеръ 74 л. отъ роду 31-го іюля 1818 года. Смерть произошла отъ удара, послѣ котораго онъ прожилъ однако еще болѣе трехъ недѣль. Гамалѣя и обѣ дочери Николая Ивановича не долго прожили послѣ него. Одинъ только несчастный сынъ, лежавшій въ постели безъ всякихъ умственныхъ способностей, оставался еще въ живыхъ. Возвращаясь въ 1826 году изъ Петербурга, г-нъ Рябовъ заѣхалъ въ Авдотьино поклониться праху дѣда и засталъ еще больнаго живымъ. О немъ заботились новые владѣльцы Авдотьина, Лопухины.

Тѣло Николая Ивановича было похоронено 2-го августа въ Авдотьинской церкви, имъ самимъ построенной. Могила его находится влѣво отъ алтаря, противъ иконы Спасителя.

Популярно-научныя книги.

ПРЕДСКАЗАНІЕ ПОГОДЫ. Далле. Перев. съ франц. Съ 41 рис. Цѣна 1 р. 25 к.

ФИЗІОЛОГІЯ ДУШИ. А. Герцена. профессора Лозан. университета. Предисл. Герцена-отца. Съ франц. Ц. 1 р.

МІРЪ ГРЕЗЪ. Д-ра Симона. Сновидѣн. галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Съ франц. Ц. 1 р.

РУЧНОЙ ТРУДЪ. Составилъ Графинь. Домашнія занятія ремеслами. Съ франц. 400 рис Ц. 1 р. 50 к.

ЭКСТАЗЫ ЧЕЛОВѢКА. П. Мантегацца Пер съ 5-го итальян. изд. Ц. 1 р. 50 к.

ПРОГРЕССЪ НРАВСТВЕННОСТИ. Летурно. Перевела съ франц. Эл. Зауеръ. Ц. 1 р. 50 к.

УМСТВЕННЫЯ ЭПИДЕМІИ. Д-ра Ренъяра. Перевела съ франц. Эл. Зауэръ. Съ 110 рис Ц. 1 р. 75 к

КОТОРЫЙ ЧАСЪ? И. Вавилова. Провѣрка часовъ безъ помощи часовщика и устройство солнеч. часовъ. Съ 13 рис Одобрено Академіей Наукъ. Цѣна 30 к

СВѢТЪ БОЖІЙ. Популярные очерки міровѣдѣнія. 5-е изданіе, въ первый разъ иллюстрированное 60 рис. Ц. 30 к.

ОБЩЕДОСТУПНАЯ АСТРОНОМІЯ. Фламаріона Съ франц. 100 рис. Ц. 1 р. 25 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ АККУМУЛЯТОРЫ. Э. Ренье. Перевелъ и дополнилъ Д. Головъ. Съ 76 рис. Цѣна 1 р. 25 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ В. Чиколева. съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.

ЧУДЕСА ТЕХНИКИ И ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. В. Чиколева. Ц. 30 к.

О БЕЗОПАСНОСТИ ЭЛЕКТРИЧ. ОСВѢЩЕНІЯ. В. Чиколева. Ц. 25 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО И МАГНИТИЗМЪ А. Гано и Ж. Маневрье. Перев Ф Павленкова, В Черкасова и С. Степанова. Съ 340 рис. Ц. 1 р. 50 к

СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА ПО ЭЛЕКТРОТЕХНИКѢ. В. Чиколева. Ц. 75 к.

ПОПУЛЯРНЫЯ ЛЕКЦІИ ОБЪ ЭЛЕКТРИЧЕСТВѢ И МАГНИТИЗМѢ. О. Хвольсона. Съ 230 рис. 2-е изданіе. Ц. 2 р.

ГЛАВНѢЙШІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. Э. Госпиталье. Пер. С. Степанова, со 145 рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ВЪ ДОМАШНЕМЪ БЫТУ. Э. Госпиталье. Пер. съ франц. С. Степанова. Со 157 рис. Ц. 2 р.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВОНКИ. Боттопа. Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Перев. съ англійскаго и дополнилъ Д. Головъ. Ц. 1 р.

СОВРЕМЕННЫЕ ПСИХОПАТЫ. Д-ра Кюлера. Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

ПСИХОЛОГІЯ ВНИМАНІЯ. Д-ра Рибо. Переводъ съ французскаго. Ц. 50 к.

ПСИХОЛОГІЯ ВЕЛИК. ЛЮДЕЙ. Жоли. Перев. съ франц. 2 е изд. Ц. 1 р.

ГЕНІАЛЬНОСТЬ И ПОМѢШАТЕЛЬСТВО. Ц. Ломброзо. Съ рис. Ц. 2 р.

ЧТО СДѢЛАЛЪ ДЛЯ НАУКИ Ч. ДАРВИНЪ? Съ портретомъ Дарвина. Переводъ Г. Лопатина, Ц. 75 к.

ХЛѢБНЫЙ ЖУКЪ. Чтеніе для народа, со 3 рис. Барона Н. Корфа. Ц. 10 к.

ВРЕДНЫЯ ПОЛЕВЫЯ НАСѢКОМЫЯ. Сост. Иверсенъ. Съ 43 рис. Ц. 80 к.

ВОЗДУШНОЕ САДОВОДСТВО. Н. Жуковскаго Съ 72-мя рис. Ц. 60 к.

ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ. Сост. Г. Гасандье. Съ рис. Переводъ съ француз. Ц. 50 к.

СОЦІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ. Эспинаса. Перев. съ франц. Ф. Павленковъ. 500 стр., Ц 2 р. 50 к

ЧАСТНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ДІАГНОСТИКА. Профес. Да-Коста Съ нѣм 704 стр., 43 рис. Ц. 3 р. 50 к

ЕДИНСТВО ФИЗИЧЕСКИХЪ СИЛЪ. Опытъ популярно-научной философіи. А. Секки. Перев. съ франц. Ф. Павленкова. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к

ЗАКОНЫ ПОДРАЖАНІЯ. Тарда. Переводъ съ французз. Ц. 1 р. 50 к

ДОМАШНІЙ ОПРЕДѢЛИТЕЛЬ ПОДДѢЛОКЪ. А Альмединтена Ц. 60 к.

НА ВСЯКІЙ СЛУЧАЙ! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. А. Альмединтена Ц 50 к

НА ВСЯКІЙ СЛУЧАЙ! А. Альмединтена. Ч. II. Ц. 50 к.

БЕРЕГИТЕ ЛЕГКІЯ! Гигіинич бесѣды доктора Пимейера. Съ 30 рис. Ц 75 к

ГИГІЕНА ЖЕНЩИНЫ. М. Тило. Ц. 40 к.

СОХРАНЕНІЕ ЗДОРОВЬЯ. Общая гигіена въ примѣненіи къ обыденной жизни. Доктора Эйдама. Съ 7 рисунками. Ц 40 к.

ДАРВИНИЗМЪ. Э. Ферьера. Перев. съ франц. Популярное изложеніе ученія Дарвина Ц. 60 к

ЖИЗНЬ НА СѢВЕРѢ И ЮГѢ. (Отъ полюса до экватора). А. Грема Дополненіе къ его сочиненію „Жизни животныхъ“. Со многими рис. Ц. 2 р.

ПЕРВОБЫТНЫЕ ЛЮДИ Дебьера. Перевелъ съ француз. и дополнилъ М. Энгельгардъ. Со многими рисунк. Ц 1 р.

ФАБРИЧНАЯ ГИГІЕНА. В. В. Святловскаго. 720 стр. и 153 рисунка. Ц. 4 р

ОГОРОДНИЧЕСТВО. Практическія наставленія для народныхъ учителей Ф Шублера Съ 137 рис. Ц 60 к

ТЕЛЕФОНЪ И ЕГО ПРАКТИЧЕСКІЯ ПРИМѢНЕНІЯ. Майра и Писса Перевелъ съ нѣмецк. и англійскаго Д. Головъ. Съ 293 рисунками. Ц. 2 р 50 к. Одобрено Морскимъ Ученымъ Комитетомъ

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ Сочинен. Ніоде Перевелъ и дополнилъ Д Головъ. Со многими рисунками. Ц. 2 р.

ШКОЛЬНЫЙ САДОВОДЪ.. Объ устройствѣ при сельскихъ школахъ питомниковъ и способахъ обученія первымъ началомъ садоводства. А. Волотовскаго. Ц. 20 к.

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова (Спб., Лештуковъ пер., № 2).

Для дѣтей и юношества.

ДВА ПРОКАЗНИКА. Шуточный разсказъ въ стихахъ. В. Буша. Переводъ съ 25 нѣмецк. изданія. Около 100 рис. Ц. 60 к., въ пап. 75 к., въ пер. 1 р. 25 к.

ВЪ ДОБРЫЙ ЧАСЪ! Дѣтскіе разсказы. А. Лякидэ. Съ рисунками. Ц. 75 к., въ папкѣ — 1 р., въ переплетѣ—1 р. 25 к

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ ВЪ СТИХАХЪ. А. Брянчанинова. Съ предисловіемъ Тургенева и 50 рисунками. Ц. 2 р., въ пап. 2 р. 50 к., въ перел. 3 р.

ЧЕРНЫЕ БОГАТЫРИ. Е. Конради. Съ 5 рисунк. Ц. 2 р. Въ перепл.—2 р. 75 к.

ЗАДУШЕВНЫЕ РАЗСКАЗЫ. П. Засодимскаго. Два тома съ 136 рис., цѣна кажд. въ папкѣ 1 р. 50 к. Въ перепл.—2 р.

ХОРОШІЕ ЛЮДИ. В. Острогорскаго. 45 рис. Въ пап. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ИСТОРІИ. А. Арсеньева. Съ рис., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

ПОСЛУШАЕМЪ! Разсказы. А. Нольде. 28 рис. Въ папкѣ 1 р. Въ пер. 1 р. 50 к.

ДѢТСКІЙ МАСКАРАДЪ. Н. Азбелева. Съ 16 рис. Цѣна 20 к.

НАГЛЯДНЫЯ НЕСООБРАЗНОСТИ. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ) Ф. Павленкова. 200 рисунковъ на 10 листахъ Ц. 1 р. „Объясненіе" къ нимъ 5 к.

ТРОЙНАЯ ГОЛОВОЛОМКА. В. Обреимова. Сборникъ геометрическихъ игръ. Съ 300 рисун. и 39 кастетами. Ц. 1 р.

МАТЕМАТИЧЕСКІЕ СОФИЗМЫ. 50 теоремъ, доказывающихъ, что 2×2=5, часть больше своего цѣлаго, и пр. Составилъ В. Обреимовъ. 2-е изд. Ц. 40 к.

ИСКРЫ БОЖЬИ. Біографическіе очерки А. Островинской. Цѣна 1 р. 25 к.

20 БІОГРАФІЙ ОБРАЗЦОВЫХЪ РУС. ПИСАТЕЛЕЙ Составилъ В. Острогорскій Съ 20 портретами. 2 изд. Ц. 50 к.

СКАЗКИ ГУСТАФСОНА. Ц. 1 р. 25 к., въ пап.—1 р 50 к., въ перен.—1 р. 75 к.

ИСТОРІЯ ОТКРЫТІЯ АМЕРИКИ. Ламе-Флёри Съ 52 рис. 2-е изд. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ перепл. 1 р. 30 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ РОМАНЫ ДИККЕНСА въ сокращенномъ переводѣ Л. Шелгуновой: 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большія надежды, 5. Нашъ общій другъ, 6) Лавка древностей, 7) Холодный домъ, 8) Николай Никльби, 9) Крошка Доррить, 10) Два города. Цѣна каждаго романа—40 к. Въ папкѣ 50 к.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ. С. Ворисгофера. Съ 73 рис. Ц. 2 р. Въ папкѣ 2 р. 25 к., въ пер.—2 р. 50 к.

ЧРЕЗЪ ДЕБРИ И ПУСТЫНИ. С. Ворисгофера. Съ иллюстраціями. Ц. 2 р., въ пап.—2 р. 25 к., въ пер. 2 р. 75 к.

СКАЗОЧНАЯ СТРАНА. С. Ворисгофера. Съ иллюстр. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ перен. 2 р. 75 к.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ КОНТРАБАНДИСТА. С. Ворисгофера. Съ иллюстрац. Ц. 1 р. 50 к., въ пап. 1 р. 75 к., въ пер. 2 р. 25 к.

МУЧЕНИКИ НАУКИ. Г. Тисандье. Переводъ подъ ред. Ф. Павленкова. Съ 55 рис. Ц. 2 р. Въ пер. 2 р. 50 к.

НАУЧНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ. Тисандье. Пер. подъ редакціей Ф. Павленкова. 353 рис Ц. 2 р., въ перен.—2 р. 75 к

МАТЕМАТИЧЕСКІЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ Лукаса. Съ франц. Ц. 1 р.

ВЕЧЕРНІЕ ДОСУГИ. А. Круглова Съ 70 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл.—2 р.

РЫЖІЙ ГРАФЪ. НЕРАЗЛУЧНИКИ. ДОЧЬ УГОЛЬЩИКА. П. Засодимскаго. Съ рисун. Ц. каждой книжки по 35 к.

ЖИВЫЯ КАРТИНКИ. А. Смирнова. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ—1 р. 75 к., въ переплетѣ—2 р.

ЯНКИ ВОЛОГОДСКАГО УѢЗДА. А. Круглова. Съ 6 рис. Ц. 25 к.

НЕЗАБУДКИ. А. Круглова. Сборникъ разсказовъ. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ—1 р. 75 к., въ перепл.—2 р.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ СВЕРЧКА. Э Кандеза. 67 рис. Ц. 2 р., въ папкѣ—2 р 25 к., въ переплетѣ—2 р. 50 к.

Иллюстрированные романы ВАЛЬТЕРЪ СКОТТА,

въ сокращенномъ переводѣ Л. Шелгуновой:

1) Беверлей, 2) Антикварій, 3) Робъ-Рой, 4) Айвенго, 5) Астрологъ. 6) Квентинъ Дорвардъ 7) Вудстокъ, 8) Замокъ Кенильвортъ, 9) Ламермурская невѣста. 10) Легенда о Монтрозѣ и др. Цѣна каждаго романа 40 к., въ папкѣ 50 к., въ переплетѣ по 5 романовъ. Цѣна 2 р. 80 к.

Межрайонный абонемент
Московской обл. библиотеки

дозв. ценз. спб. 20 авг. 1891 г.

тип. тов. „ОБЩ. ПОЛЬЗА", б. подъяч., 39

Учебныя руководства и пособія.

АЛЬГЕБРА. *Тодгентера.* Ц. 2 р. 50 к.

КУРСЪ НАЧАЛЬНОЙ МЕХАНИКИ. *И. Рыкачева.* Съ 197 рис. Ц. 1 р. 50 к.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ГЕОМЕТРІЯ. *А. Заблоцкаго.* Съ 300 чертежами. Цѣна 60 коп.

КУРСЪ МЕТЕОРОЛОГІИ И КЛИМАТОЛОГІИ. Проф. Лѣсного Института *Д. А. Лачинова.* Съ 122 рис. и 6 ю картами. Цѣна 2 р.

ОБЩІЯ ОСНОВЫ ХИМИЧЕСК. ТЕХНОЛОГІИ. *В. Селезнева.* Съ 70 рисунк. Ц. 1 р. 50 к.

ПОЛНЫЙ КУРСЪ ФИЗИКИ. *А. Гано.* Переводъ *Ф. Павленкова* и *В. Черкасова.* 8-е изд. съ 1215 рис., 170 задачъ, 2 таблицы спектровъ, метеорологія и краткая химія. Цѣна 4 р.

ПОПУЛЯРНАЯ ФИЗИКА. *А. Гано.* Переводъ съ франц. *Ф. Павленкова.* 3-е изд. Съ 106 рис. Ц. 2 р.

КРАТКАЯ ФИЗИКА. *М. Герасимова.* Съ 335 рис. и 214 задачами. Цѣна 1 р.

ПОПУЛЯРНАЯ ХИМІЯ. *Н. Вальберха* и *Ф. Павленкова.* 3-е изд. Съ 50 рис. Ц. 40 к.

УЧЕБНИКЪ ХИМІИ. *Альмедингена.* Съ 96 рис. Ц. 2 р.

ОБЩЕПОНЯТНАЯ ГЕОМЕТРІЯ. *В. Потоцкаго.* Съ 143 фиг. Ц. 40 к.

ПРАКТИЧЕСКІЙ КУРСЪ ФИЗІОЛОГІИ. *Бурдонъ Сандерсона* Перев. д-ра *Фридберга.* Въ 2-хъ томахъ, со многр. рис. 2-е изд. Ц. 3 р.

САМОСТОЯТЕЛЬНЫЯ РАБОТЫ въ начальной школѣ. *Т. Лубенца.* 2-е дополн. изд. Ц. 15 к.

МЕТОДИКА АРИѲМЕТИКИ. *С. Житкова.* Ц. 75 к.

СБОРНИКЪ АРИѲМЕТИЧЕСКИХЪ ЗАДАЧЪ СЪ УЧИТЕЛЕМЪ. Приложеніе къ „Методикѣ ариѳметики". *С. Житкова.* 3-е изд. Ц. 40 к.

СБОРНИКЪ САМОСТОЯТЕЛЬНЫХЪ УПРАЖНЕНІЙ ПО АРИѲМЕТИКѢ. Задачникъ для учениковъ. *С. Житкова.* 3-е изд. Ц. 25 к.

УЧЕБНИКЪ ГЕОГРАФІИ для городскихъ училищъ. *И. Плетенева.* Съ рис. Ц. 30 к.

НАЧАЛЬНЫЙ КУРСЪ ГЕОГРАФІИ. *Корнеля.* 11-е изд., съ 10-ю раскраш. картинами и 82 рис. Ц. 1 р. 25 к.

ЭПИЗОДИЧЕСКІЙ КУРСЪ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ. *А. Кузнецова.* 2-е изд. Ц. 1 р.

НАГЛЯДНАЯ АЗБУКА. *Ф. Павленкова.* Съ 800 рис. 12-е изд. Ц. 20 к.

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ „НАГЛЯДНОЙ АЗБУКѢ". *Ф. Павленкова.* 7-е изд. Ц. 15 к.

РОДНАЯ АЗБУКА. *Ф. Павленкова.* 8-е изд. Съ 200 рис. Ц. 5 к.

АЗБУКА-КОПѢЙКА. *Ф. Павленкова.* 11-е изд. 12 стр. 100 рис. Ц. 1 к.

НАГЛЯДНО-ЗВУКОВЫЯ ПРОПИСИ. *Ф. Павленкова:* 1) Къ „Родному Слову". Ушинскаго. (400 рис.). 2) Къ „Азбукѣ Бунакова". (460 р.). 3) Къ „Первой учебной книжкѣ". Паульсона. (430 рис.). 4) Къ „Русской азбукѣ". Водовозова. (470 рис.). 5) „Общія наглядно звуковыя прописи" (къ другимъ азбукамъ). (464 рис.). Цѣна каждой книжки 3 к.

ЗЕРНЫШКО. *Т. Лубенца.* Первая послѣ азбуки книга для чтенія и письма. Со многими рис. Ц. 30 к. Вторая книга—40 к.

РУКОВОДИТЕЛЬ ДЛЯ ВОСКРЕСН. ШКОЛ Барона *Н. А. Корфа.* Ц. 50 к.

РУКОВОДСТВО къ „Зернышку". *Лубенца.* Ц.

ИТОГИ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ въ Ев нейск. государствахъ. *Н. А. Корфа.* Ц. 60

МЕТОДИКА АРИѲМЕТИКИ. *Лубенца.* Ц. 3

НАШЪ ДРУГЪ. Книга для чтенія въ шко дома. Составилъ Баронъ *Н. А. Корфъ.* изд. Съ 200 рис. и портр. Ц. 75 к.

РУССКІЙ ЯЗЫКЪ. Иллюстрированная хри матія *А. Тарновскаго.* Съ 80 рис. и порт тами. 4-е изд. Ц. 60 к.

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ ГРАММАТИКА РУССКА ЯЗЫКА. *А. Чудинова.* 5-е изд. Ц. 50 к.

НАЧАЛЬНАЯ РУССКАЯ ГРАММАТИКА. *минскаго.* Ц. 30 к.

ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКІЙ БУКВАРЬ. *бенца.* Ц. 5 к.

РУКОВОДСТВО КЪ „ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНС МУ БУКВАРЮ". *Т. Лубенца.* Ц. 15 к.

КНИГА ДЛЯ ОБУЧЕНІЯ ЦЕРКОВНО-СЛАВ СКОМУ ЯЗЫКУ. *А. Карюкова.* 2-е и Ц. 20 к. „Замѣтки для учителя". Ц. 10

РУССКОЕ СЛОВО. *А. Павлова.* Сборникъ обр цовыхъ произведеній рус. словесности. Ру водство для городскихъ училищъ. Ц 1 р

РУКОВОДСТВО КЪ „РУССКОМУ СЛОВ *А. Павлова.* Ц. 60 к.

АЗБУКА ДОМОВОДСТВА И ДОМАШНЕЙ ГИ ГІЕНЫ. Состав. *М. Клима.* Перев. *Н. Корфа* Ц. 75 к.

ТРИСТА ПИСЬМЕНН. РАБОТЪ. Для упражн ній въ начальной школѣ. *Н. Корфа.* Ц. 15

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ПРАВОПИСАНІЕ. 40 д ктовокъ съ указаніемъ грам. правилъ. *Корф* Ц. 12 к.

СБОРНИКЪ ЗАДАЧЪ ПО РУССК. ПРАВОПИС НІЮ. *Разыграева:* 1) Элементарныя свѣдѣн правоп. словъ. Ц. 50 к. 2) Систематическ свѣд. о правоп. словъ. Ц. 50 к. 3) Элементар свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. 35 к. 4) С стем. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. 35

СБОРНИКЪ АРИѲМЕТИЧЕСКИХЪ ЗАДАЧ *Лубенца.* 11-е изд. (около 2000 задачъ и 30 численныхъ примѣровъ). Ц. 40 к.

СБОРНИКЪ АЛГЕБРИЧЕСКИХЪ ЗАДАЧ *Савицкаго.* Ц. 40 к.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ ФИЗИКОЙ. *М. расимова.* Съ 96 рис. Ц. 50 к.

ДЕШЕВЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ. 1 сять раскрашен. картъ. Ц. 30 к.

ОЧЕРКИ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ. *И. И. Гри ровича.* 6-е изд. Съ 57 портретами. Ц. 2

ПЕРВЫЯ ПОНЯТІЯ О ЗООЛОГІИ. *Поля Бер* Переводъ подъ редакц. проф. *И. Мечникова* 2-е изд. Съ 315 рис. Ц. 1 р. Въ папкѣ 1 20 к. Въ переплетѣ 1 р. 50 к.

КРАТКІЙ КУРСЪ БОТАНИКИ. *Сѣлзова.* 1 рис. Ц. 50 к.

ОБЩЕДОСТУПНОЕ ЗЕМЛЕМѢРІЕ. *А. Колт новскаго.* Съ 279 рис. въ текстѣ. Ц. 75 к.

РУКОВОДСТВО КЪ РИСОВАНІЮ АКВ РЕЛЬЮ. *А. Лижассаня.* Съ 120 рис. и 6- аквар. Ц. 1 р. 50 к.

35

1602 III